

Участники церемонии вручения стипендий министерства культуры Свердловской области

Стипендиаты — мэтры и надежды

По традиции в декабре министерство культуры Свердловской области присудило стипендии ведущим деятелям культуры и искусства и талантливой молодежи. В нынешнем году размер стипендий увеличен в два раза и составил 80 тысяч рублей для ведущих деятелей культуры и 40 тысяч рублей — для представителей молодого поколения. Торжественная церемония вручения стипендий состоялась в Доме актера.

Среди стипендиатов-мэтров — художники Александр и Татьяна Степановы, кинорежиссер Оксана Черкасова, заведующий кафедрой музыкального театра Екатеринбургского государственного театрального института, главный режиссер Свердловского театра музыкальной комедии Кирилл Стрежнев, поэтесса Любовь Ладейщикова.

В числе молодых талантов, отмеченных стипендиями, — художники Валерия Бахолдина и Ольга-Мария Классен, композитор Анастасия Беспалова, артист и режиссер Серовского драматического театра Евгений Балтин, артист «Коляда-Театра» Александр Сысов.

Студенты Екатеринбургского государственного театрального института, мастерская Кирилла Стрежнева

Начальник отдела министерства культуры Свердловской области Вера ЛИТОВСКИХ вручает диплом стипендиата художнику-графику Ольге-Марии КЛАССЕН

СОДЕРЖАНИЕ

4 Художник и власть

Наталья Бабушкина
«Сценарий» стратегии
Впервые в Свердловской области разработана и принята концепция долгосрочного развития культуры

5 Дорога длиною в век

Торжество в честь 100-летия музыкального училища имени П.И. Чайковского

6 Константин Норминский Откуда берутся мастера изобразительного искусства

Интервью Владимира Кисляковского, директора училища имени И.Д. Шадра

8 «Дома вечером рисовал интерьер...»

Из книги Виталия Волвича «Мастерская»

10 Вера Сумкина Время и пространство Мастера Беседа с Виталием Воловичем

12 Екатерина Хожателева Мой дед, Павел Хожателев Об одном из директоров училища

14 Елена Рамзаева На перекрестке двух эпох Художник Игорь Симонов

16 Борис Кортин Теплый дом у холодной воды Талант Константина Собакина

18 Надежда Павлова Певец героической темы Памятники работы Владимира Друзина – лучшая память о скульпторе

20 Ирина Ризнычок Его миры по-прежнему манят... В Екатеринбургском музее изобразительных искусств – выставка работ Анатолия Калашникова

22 Надежда Павлова На полотнах – Тибет Живописная горная страна Владимира Тютюева

24 Вернисаж Яна Белоцерковская Лето Макарова Все цветет на полотнах

26 Презентация Евгений Андрейкин Декабрьский солнечный дождь Альбом художника Ю. Филоненко

28 Фестиваль Екатерина Шакшина «Кинопроба»: девятое послевкусие

30 У экрана Лилия Немченко Андрей Звягинцев: «Мы все Адамы и Евы»

32 Кинофестиваль Ксения Телешева «В кругу 7И» тепло

34 Арт-гостиня «Стать немножко лучше...» Со знаменитым режиссером Кшиштофом Занусси беседует министр культуры Свердловской области Алексей Бадаев

36 Имя в истории Алексей Молчанов Александр. Не только Шурик 75-летие А. Демьяненко

38 100 лет отечественной анимации Ольга Лобанова Уральская генерация «живых картинок»

42 Имя в истории Надежда Павлова Из плейды «отцов-основателей» К 120-летию композитора Маркиана Петровича Фролова

43 Музыка Ксения Шейнис Сохранить живую душу Двум композиторам, нашим землякам, на двоих – 150 лет

46 Таланты уральской огранки Тина Цыбина Музыка – это гармония мысли Интервью с композитором Вадимом Биберганом Свердловский камертон и усы... Джоконды Интервью с композитором Владиславом Казениным

50 Музыка Ксения Шейнис Пусть коники скачут! Фестиваль в Уральском музыкальном колледже

52 Музыка Аркадий Застырец «Сумасшествие» в... консерватории Грандиозный концертный проект «Сумасшедший декабрь»

54 Премьера Лариса Барыкина Прыжок в неизвестность В Свердловском театре музыкальной комедии представили «Белую гвардию» Владимира Кобекина

56 Лица Вера Сумкина Легко ли быть примаой 35-й сезон народной артистки РФ Надежды Басаргиной

59 Рождество Ирина Вольхина «...То, от чего мне хорошо» Немецкий дирижер восхищен русским хором

60 Сцена Алла Лапина И снова «На грани» Четвертый фестиваль современного танца в Екатеринбурге

62 Сцена Ксения Шейнис Когда слова не нужны Мюзикл и студия в Уральском театре эстрады

64 Поколение пехт Алла Лапина Надежды – есть! Выпускные спектакли в Екатеринбургском театральном институте

66 Что читаем Евгений Иванов Какой финал у сказки? Детские книжки получают премии, но... не издаются

68 Накануне нового года Алла Рябухо Три Деда Мороза

70 Лица Петр Евладов, Александр Ионин Мастер эпохи дофотошопа К 75-летию корифея газетной иллюстрации Леонида Черных

72 Национальные культуры Акцент не мешает... Доцент УрФУ Рафаиль Исхаков записал и перевел интервью с председателем общества татарской и башкирской культуры Суфхатом Надыровым

В следующем, первом в 2013 году, номере журнала об интересных и значительных событиях в культурной жизни Среднего Урала расскажут материалы, анонсируемые на этой странице.

НОВЫЙ ДОМ ДЛЯ ФИЛАРМОНИИ?

100 лет назад, в 1913 году, городскими властями Екатеринбурга был объявлен конкурс на лучшее клубное здание с концертным залом. Победивший проект стал сначала Деловым клубом, а впоследствии — Свердловской филармонией, где и по сей день располагается прекрасный по акустике зал, рассчитанный на 700 мест.

Музыкальная жизнь Екатеринбурга и количественно, и качественно отличается от той, что во многих российских регионах, все больше приближаясь к столичному уровню культурного предложения. А вот зала, хотя бы отчасти вместимостью напоминающего столичный, не хватает. Через 100 лет после того, как зародилась идея нынешней филармонической сцены, необходимость расширения концертного пространства стала очевидной.

Изначально предназначенные для исполнительского искусства специализированные помещения, естественно, обладают лучшими акустическими и зрительскими качествами, чем перестроенные или со временем приспособленные. Ведь зал, по сути, представляет собой «музыкальный инструмент», и форма, и даже материалы отделки которого играют крайне важную роль в концертной деятельности. Неординарный вариант постройки «новой филармонии» предложил молодой екатеринбургский архитектор Андрей Чуйков.

ЕЩЕ ОДНА ИЗ АКТЕРСКОЙ ДИНАСТИИ

Она успевает многое. Играть ведущие роли, репетировать новые, быть заведующей труппой, вести театральную страницу в Интернете, постоянно генерировать в театре креативные идеи, являясь лидером молодой части труппы. И еще — быть замечательной мамой.

Ольга Кирилочкина принадлежит к театральной династии, родители — актеры, дедушка Владимир Солопов — народный артист РФ, до сих пор работает на сцене Ярославского драматического театра имени Ф.Г. Волкова. Актерское образование получила в Екатеринбургском государственном театральном институте. Поработала в театрах Первоуральска, Екатеринбурга. В Серов приехала в 2005 году. За время работы на серовской сцене Ольга по праву заняла ведущее положение в труппе.

Актриса в своем интервью говорит о сыгранных ролях, творчестве, о материнстве, «актерских детях» и своем отношении к жизни.

БАЛ И «ТЕАТР» ЮНЫХ ТАЛАНТОВ

Художественный руководитель театра эстрады А. Новиков не устает повторять, что считает важным поддерживать талантливых ребят, растущих без теплы и заботы родных и близких. Именно для решения этой задачи два года назад был организован фестиваль-конкурс «Театр талантов Александра Новикова». Участвуют в нем воспитанники детских домов, школ-интернатов, приемных семей из Екатеринбурга и Свердловской области. Возраст участников — от семи до 17 лет.

Чтобы попасть в конкурсную программу фестиваля, ребята демонстрировали таланты у себя в детских домах и интернатах. В декабре лучшие выступили перед авторитетным жюри в трех номинациях — «Вокал», «Хореография» и «Оригинальный жанр». А награждение лауреатов по традиции проходит на «Новогоднем благотворительном балу Александра Новикова».

Журнал
«КУЛЬТУРА УРАЛА»

№ 6
Декабрь 2012 года

Учредитель
Министерство культуры
Свердловской области

Издатель
ГАУК «Свердловский
государственный академический
театр музыкальной комедии»

Главный редактор
Вера СУМКИНА

Фото на 1-й странице обложки —
Вячеслава ДОНЕЦКОГО

Использованы иллюстрации,
переданные в редакцию
управлением пресс-службы
и информации правительства
Свердловской области,
представленными
в публикациях юридическими
и физическими лицами,
а также
из архива редакции

Журнал зарегистрирован
управлением Роскомнадзора
по Свердловской области
30 ноября 2012 года.
ПИ № ТУ66-01069

Адрес издателя:
620075 Екатеринбург,
пр. Ленина, 47

Адрес редакции:
620219 Екатеринбург,
ул. Первомайская, 24в
Телефон/факс (343) 371-39-82
E-mail: kumagazin@mail.ru

Издание отпечатано
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990 Екатеринбург,
ул. Тургенева, 13
E-mail: sales@uralprint.ru

Заказ № .
Тираж 2500 экземпляров
Подписано в печать
24 декабря 2012 года

Отпечатано
в соответствии
с качеством предоставленного
оригинал-макета

Свободная цена

«Сценарий» стратегии

Впервые в Свердловской области разработана и принята концепция долгосрочного развития культуры

Правительство Свердловской области приняло Концепцию развития культуры до 2020 года. Стратегическая программа долгосрочного развития сферы культуры в регионе появилась впервые. Повышение доступности культурных благ для всех жителей области, улучшение качества жизни работников культуры, а также соответствие предлагаемого культурного продукта требованиям времени – о решении этих и других вопросов говорится в документе. Над разработкой концепции в течение полутора лет трудился коллектив ученых. В документе нашли отражение идеи авторитетных специалистов, предложения работников культуры и искусства, замечания жителей региона, принявших участие в общественном обсуждении документа.

Наш регион является одной из наиболее развитых в культурном смысле территорий, а культура становится весомым фактором экономического развития всей страны. «От того, какой путь мы выберем сегодня, зависит не только будущее культурной сферы, но и имидж области на международном уровне. Новая концепция также поможет нам перейти от управления затратами к управлению результатами», – считает министр культуры Свердловской области Алексей Бадаев.

Среди основных задач в концепции обозначено создание условий и стимулов для успешного развития культуры, усиления ее роли в социально-экономическом развитии региона, улучшении качества жизни населения.

Известие о разработке концепции деятели культуры восприняли позитивно, отмечая, что наличие программы свидетельствует о наличии целей и задач, а также о проработке путей их достижения.

«Подобного рода документы очень нужны, потому что заставляют все организации, отвечающие за ту или иную сферу, систематизировать и структурировать свои действия, – делится мнением директор Уральского музыкального колледжа Эльвира Архангельская. – Любая программа, связанная с развитием культуры, должна крайне позитивно сказаться на нашей жизни. Во-первых, потому, что она утверждает: культура должна быть. Во-вторых, она позволяет людям, проживающим на территории Свердловской области, поверить в то, что внимание к культуре на уровне

государства присутствует, и, в-третьих, она расставляет приоритеты. Отсутствие системы и приоритетов приводит к отсутствию результата. А дело государства – регулировать систему ориентиров, ценностей и основных направлений. Именно это позволяет сделать концепция».

Принятая концепция станет основой для новой целевой программы «Развитие культуры в Свердловской области на 2016–2020 годы». Кроме того, создаются конкретизирующие документы по различным направлениям культуры и искусства. Так, Концепция развития театрального дела в Свердловской области до 2020 года уже принята правительством региона. Для решения обозначенных в ней задач планируется не только продолжить поддержку существующих театров, но и создать условия для их развития, а также для расширения сети частных театров, увеличения театрального предложения жителям населенных пунктов, не имеющих своих театров, обеспечить государственную поддержку создания новых спектаклей. Кроме того, документ предусматривает решение материальных проблем работников театральных организаций: увеличение заработной платы, обеспечение жильем приглашенных на работу актеров, режиссеров, балетмейстеров, художников и других специалистов.

В работе находится и Концепция развития музейного дела на период до 2020 года. Каждая составляющая культурной сферы должна уверенно развиваться, и ее работники должны знать, чего ждать от дня грядущего.

Фото Вячеслава ДОНЕЦКОГО

*Юбилейный вечер.
Директор училища
Виктор ПАСТУХОВ
принимает поздравления
от первого заместителя
председателя правительства
Свердловской области
Владимира ВЛАСОВА
и первого заместителя
министра культуры
Свердловской области
Владимира МАНТУРОВА*

Дорога длиною в век

10 декабря в Екатеринбургском театре оперы и балета состоялся большой концерт творческих коллективов Свердловского музыкального училища имени П.И. Чайковского и мастеров культуры Екатеринбурга и Свердловской области, посвященный 100-летию училища и начала профессионального музыкального образования на Урале. Этим концертом завершился организованный училищем при поддержке министерства культуры Сверд-

ловской области фестиваль «100 концертов к 100-летию юбилею». Свердловское музыкальное училище (колледж) сегодня обладает мощным творческим и педагогическим потенциалом, известно не только учебной и методической, но и масштабной концертной деятельностью. Это в очередной раз подтвердил юбилейный фестиваль, стартовавший 25 сентября и завершившийся юбилейным концертом на сцене оперного театра, также отметившего в 2012 году свое 100-летие.

*Торжественный финал
юбилейного вечера*

Откуда берутся мастера изобразительного искусства

19 декабря исполнилось 110 лет Свердловскому художественному училищу – старейшему на Урале учебному заведению, готовящему мастеров изобразительного искусства. В преддверии славной даты корреспондент журнала «Культура Урала» попросил ответить на ряд вопросов директора училища Владимира Кисляковского.

– Владимир Владимирович, как началась история училища?

– В конце 1902 года была открыта Екатеринбургская художественно-промышленная школа, на базе которой позднее и возникло Свердловское художественное училище. Основной задачей школы была подготовка мастеров-художников художественных промыслов Урала.

У истоков формирования школы стояли ее первый директор, выпускник Академии художеств Михаил Федорович Каменский и сменивший его на этом посту в 1906 году Вячеслав Петрович Рупини – до этого директор Боголюбского рисовального училища и одновременно – Саратовского художественного музея имени А.Н. Радищева, ученик знаменитого русского мастера гравюры профессора Василия Васильевича Матз.

Екатеринбургской художественно-промышленной школой за 16 лет было подготовлено около 90 скульпторов, живописцев, графиков, педагогов. Среди них – Петр Кремлев, возглавивший камнерезную мастерскую знаменитого ювелира Карла Фаберже. В числе выпускников школы был и впоследствии ставший всемирно известным скульптор Иван Шадр (Иванов), чье имя носит сегодня наше училище, созданное в 1918 году. И хотя учебное заведение в раз-

ное время носило различные названия – Екатеринбургские высшие художественные мастерские, Уральский художественный техникум, Уральский художественно-промышленный техникум, Уральский индустриально-художественный техникум, Свердловское училище изобразительного искусства, – его миссия не менялась. Имя лауреата Государственной премии СССР И.Д. Шадра присвоено училищу в 1987 году.

– Вероятно, кроме названных, еще немало выпускников училища внесли достойную лепту в развитие уральского (и не только уральского) изобразительного искусства?

– Конечно. Перечислить всех широко известных воспитанников СХУ возможности нет, но назову народного художника СССР Евгения Широкова, народных художников Российской Федерации Игоря Симонова, Евгения Гудина, заслуженных художников РФ Виталия Воловича, Геннадия Гаева, Нину Костину, Германа Метелева, Геннадия Мосина, заслуженного работника культуры РФ Давида Ионина.

Трудятся наши титулованные выпускники и в бывших союзных республиках, а ныне – суверенных государствах: на Украине, в Казахстане.

На Урале региональные подразделения ВТОО «Союз художников России»

Владимир Владимирович КИСЛЯКОВСКИЙ.
Директор Свердловского художественного училища имени И.Д. Шадра

в своей основе состоят из выпускников Свердловского художественного училища. Немало специалистов с нашим дипломом трудятся в художественно-производственных мастерских различного уровня, в выставочных организациях, преподают в школах и изостудиях.

– И среди педагогов училища было немало знаковых имен.

– Да. Достаточно назвать имена преподававших в 20–30-е годы прошедшего века: это Теодор Эдуардович Залькалн (впоследствии Герой Социалистического Труда, действительный член Академии

Открытие юбилейной выставки

художеств СССР, народный художник СССР), Степан Дмитриевич Эрзя (Нефедов), Александр Никитич Парамонов. На смену им пришли Илья Алексеевич Камбаров, Леонард Викторович Туржанский, позднее — Александр Александрович Жуков, Федор Константинович Шмелев, Герман Александрович Мелентьев, Павел Петрович Хожателев, Иван Кириллович Слюсарев.

В годы Великой Отечественной войны училище сохранилось благодаря самоотверженности Павла Петровича Хожателева, бывшего его директором более 22 лет. Яркий творческий след оставили преподававшие у нас тот же Игорь Иванович Симонов; заслуженные художники России — Герман Селиверстович Метелев, Геннадий Сидорович Мосин, Леонард Александрович Гусев, Борис Васильевич Волков, Николай Васильевич Ситников, Николай Гаврилович Чесноков, Владимир Яковлевич Бушуев, Миша Шаевич Брусиловский, заслуженный работник культуры РФ Юрий Кондратьевич Киселев. Огромный вклад в становление школы академического рисунка внесли Николай Николаевич Моос, Иван Федорович Ремец, отдавший училищу более 50 лет. Более 30 лет трудятся в училище наши ветераны Людмила Николаевна Чеснокова, Валерий Вениаминович Курчанов. Наш выпускник, участник Великой Отечественной войны, профессор Уральского госуниверситета Степан Петрович Ярков (1924—2009) — автор монографии «Художественная школа Урала», он отдал дань уважения вкладу педагогов в воспитание молодых художников.

— Молодые художники, выпускники и преподаватели...

— Могут назвать Дмитрия Васильева, Игоря Пестова, Екатерину Новикову, Игоря Вишню. Многие выпускники училища после окончания художественных вузов преподают в Уральской государственной архитектурно-художественной академии, Уральском федеральном университете и других вузах в Екатеринбурге и области. Это молодые преподаватели Александр Ремезов, Елизавета Манерова, Валерий Костин, Алексей Томилов, Николай и Ольга Орешко, Анастасия Золотухина...

— Десять лет назад, к своему 100-летию, училище получило дополнительные учебные площади — старое здание, памятник архитектуры, было расширено за счет современного пристроя. Как он используется?

— Площадь нашего училища увеличилась более чем вдвое, до реконструкции она составляла около двух тысяч квадратных метров. В новом пристрое размещены учебные классы, мастерские, актово-выставочный зал, спортзал. Была решена острая проблема нехватки площадей, при этом облик нашего исторического здания не пострадал. Мы продолжим расширение учебных площадей, параллельно будет проводиться реставрация здания. В 2015 году планируем завершить работы.

Почетные гости юбилейной выставки, выпускники и педагоги училища: народный художник Российской Федерации Игорь СИМОНОВ, заслуженный художник Российской Федерации Нина КОСТИНА, многолетний директор училища Иван РЕМЕНЕЦ

Всего сегодня у нас обучаются 220 студентов по пяти образовательным программам: «Станковая живопись», «Театрально-декорационная живопись», «Дизайн», «Скульптура», «Реставрация, консервация и хранение произведений искусства». Успешно работает подготовительное отделение.

— Расскажите, пожалуйста, о достижениях училища в юбилейном году.

— Входящем году мы получили диплом конкурса «100 лучших ссузов России». Это очень почетно! Назову и золотую медаль «Духовность. Традиции. Мастерство» от Союза художников России. В октябре на Всероссийском конкурсе студентов художественных училищ «Россия-2012» в Москве нам была вручена благодарность от Академии художеств «За сохранение великих традиций художественной школы России». В конкурсе участвовали 40 художественных училищ со всей России, благодарностью академии были отмечены всего четыре — из Москвы, Петербурга, Казани и наше, имени И.Д. Шадра. Поверьте, эти награды мы заслужили: Свердловское художественное училище готовит специалистов высокого класса, каждый пятый выпускник поступает в столичные художественные вузы — в Московский государственный академический художественный институт имени В.И. Сурикова, Московскую государственную художественно-промышленную академию имени С.Г. Строганова, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина (Академия художеств).

Конкурс для поступающих в наше училище в 2012 году составлял десять человек на место.

— В июле нынешнего года в училище побывала великая княгиня Ольга Николаевна Куликовская-Романова. Посещение было приурочено к фестивалю «Царские дни». Чем был вызван ее визит именно к вам?

— Великая княгиня очень интересуется живописью. Ее свекровь, великая княгиня

Ольга Александровна, младшая сестра Николая II, была художницей, ее акварели известны во всем мире. Ольга Николаевна подарила училищу несколько изданий, посвященных династии Романовых, оставила запись в книге почетных гостей. Ее живой интерес вызвали работы наших студентов — копии с парадных портретов Николая II и Александра III, выполненные в целях повышения исполнительской техники.

— Владимир Владимирович, как прошли торжества в честь 110-летия училища?

— Главное событие — открывшаяся 21 декабря большая ретроспективная выставка учебных работ из фондов училища: рисунки, выполненные нашими студентами начиная с 30-х годов прошлого века. Согласитесь, увидеть студенческие работы почти всех крупных уральских мастеров последних восьми десятилетий — это ли не феноменально?! При том что в экспозиции представлена только малая часть работ из уникального по своей методической ценности фонда рисунка. Выставка собрала массу гостей: это были выпускники разных лет, официальные лица, представители средств массовой информации, известные художники и, конечно же, сегодняшние студенты. Материалы выставки несомненно вызовут интерес у специалистов, преподавателей, студентов учебных заведений художественного направления.

Также состоялось торжественное собрание коллектива с вручением наград. Прошли встречи выпускников разных лет. Минута памяти была посвящена всем тем, кто не дождался этого знаменательного события в истории училища.

На 2013 год запланировано издание научного каталога выставки, отражающего развитие уральской школы рисунка за более чем 90-летний период в истории училища. В течение года в актовом зале пройдут выставки произведений выпускников разных лет. 2013 год войдет в историю училища как год памяти, уважения и сохранения лучших традиций нашего учебного заведения.

«Дома вечером рисовал интерьер...»

Из главы «Художественное училище»
книги Виталия Воловича «Мастерская»

Седьмой класс я закончил в 1943 году. К тому времени я уже твердо решил, что буду художником.

Осенью, собрав и сложив между двумя картинками мои рисунки, мама привела меня в художественное училище. Оно располагалось тогда на пятом этаже филармонии, в трех небольших комнатах...

Одна совсем крошечная, и из нее еще выгорожена библиотека, другая — для занятия рисунком и живописью. Между ними канцелярия, где принимали документы.

Дверь в аудиторию была открыта, и я, заглянув туда, увидел статую Венеры Милосской, вокруг которой в беспорядке стояли мольберты с листами белой бумаги на темных планшетах...

Мир, тысячу раз виденный во сне, оказался реально существующим. Сердце мое так забилося, что я едва не лишился чувств.

П.П. Хожателев, директор училища, посмотрев рисунки, кивнул маме в сторону Ольги Семеновны, бесшумного секретаря училища, маленькой сгорбленной женщины в красном берете, из-под которого выбивалась прядь седых волос... А мне сказал:

— Ты вот что... Иди в парк Дворца пионеров, там поступающие рисуют. Успеешь перед экзаменами сделать несколько рисунков...

...В училище было чудовищно холодно, и мы сидели на уроках не раздеваясь. До третьего курса училища моей единственной одеждой был ватник. Потом мама отдала мне кем-то подаренный, заношенный и вытертый до рыжих пятен старый женский кожан.

Стекла в окнах были выбиты. Мы писали акварелью, время от времени протыкая черенком кисти тонкую ледяную корку в банке с водой.

...Поначалу у нас было много преподавателей. Потом долго оставался один А.А. Жуков. И уже в самом конце, перед дипломом, пришел Ф.К. Шмелев...

...Герман Александрович Мелентьев, ученик Фешина, седенький, с добрым прищуром глаз, подходил к работе, глядялся в нее и, весь лучась мелкими морщинками, говорил:

— Вот если вы это сделали сознательно, то это очень хорошо. А если бессознательно, то... тоже очень хорошо...

Театрально-декорационное искусство недолго преподавал художник Дубровин, высокий, сидящий...

— Портал сцены, — говорил он, — равняется пяти мэтрам и восьмидесяти сантиметрам...

А затем Н.В. Ситников. Я обожал его декорации к «Раймонде» и «Фаусту»...

Он был порывист, восторжен. Вокруг него ходили слухи о каких-то невероятно романтических историях, и это придавало ему ореол исключительности. К тому же он принадлежал к загадочному миру театра. Его речь и манеры были изысканны и рафинированны...

Много позже, когда я уже был членом союза, он старался привлечь меня к работе в театре. Однажды на каком-то собрании сказал об этом, сердито добавив: «Вот, график Фаворский мог работать в театре, а график Волович, видите ли, не может...»

Самое неизгладимое впечатление произвел на нас заброшенный на Урал волнами военной миграции преподаватель Ленинградской академии художеств Давид Самойлович Розмарин.

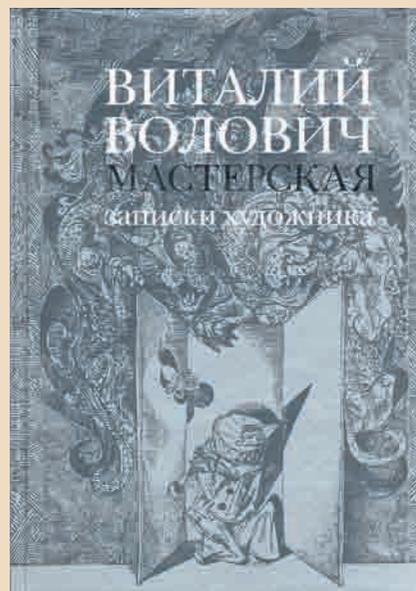
У него было лицо Иоанна Крестителя с картины А. Иванова, с тонкими и прекрасными чертами. Он тоскливо и даже как-то растерянно смотрел на наши рисунки куба, шара, параллелепипеда. А вечерами, когда заканчивались занятия, он доставал папку с репродукциями Ван Гога, Пикассо, Вламинка, Дерена и рассказывал об этих тогда еще неведомых нам художниках. Мы были воспитаны на идеалах передвижничества, на Прянишникове и Соломаткине. И смотрели на деформации Пикассо с искренним недоумением...

Но мы были влюблены в своего учителя. А у него в огромных его глазах стояли слезы, когда он говорил об этих мастерах. И мы уходили потрясенные...

Все это было тогда под запретом. И называлось не иначе как «уродливые проявления реакционного буржуазного искусства». И только один Давид Самойлович, не от мира сего, этого не знал...

Вскоре, вероятнее всего по доносу, он исчез из училища. Уже много позже, в Ленинграде, я пытался узнать что-либо о его судьбе... Но никто и ничего о нем не знал... он исчез навсегда. Ему было в то время, кажется, 23 или 24 года...

А.А. Жуков преподавал у нас долгие всех. Мы очень любили его.

Он занимался боксом. Был широк в плечах и, если бы не огромный лоб и глаза, выдававшие живой и глубокий ум, был похож больше на профессионально-го спортсмена, чем на художника.

Нередко он брал холст и писал вместе с нами натюрморты.

Он был живописцем от Бога, обожал Тройона, Констебля, барбизонцев... Мы ездили вместе с ним на этюды за Урал-маш, в Калиновку... Он хвалил меня на осенних просмотрах и отчетах...

Одно время он преподавал чуть ли не на всех курсах, и я думаю, что он загубил на нас свою творческую жизнь. Он не был жестким, в отличие от Ф.К. Шмелева, и с дисциплиной у нас были проблемы... Александр Александрович говорил с нами как с мастерами, и многое из того, что было непонятным, запомнилось и оказалось потом, в самостоятельной творческой жизни, необычно важным и полезным.

А.А. Жуков умер в 1978 году.

Через двадцать семь лет после смерти Александра Александровича мне позвонил его внук Артем... Он был мучительно застенчив... Говорил с трудом.

— Расскажите мне о моем деду, — сказал он, — я хочу написать его биографию...

Я приехал к нему... Его мать, дочь Александра Александровича, сказала, стесняясь:

— Видите, как мы бедно живем. И всегда так жили. И тогда. И сейчас...

— Почему это бедно? — возразил Артем. — Вон у нас какое богатство...

И он показал папки с работами...

К сожалению, в этих папках были в основном черновые, подготовительные работы. Ничего законченного не сохранилось... Или просто не было... Только эскизы и этюды...

Он был гением начала... Сильного Первоначального ощущения. Он видел

вещь в целом. В основном... И начинал ее широко и смело... Дальнейшая работа обладала свежестью и непосредственностью первого ощущения. Его эскизы предположили самостоятельное существование. Они не нуждались в продолжении. Они были и началом, и конечным результатом...

Художник С.А. Михайлов не был в прямом смысле моим педагогом, но по тому, какое влияние он оказал на меня, был им безусловно.

Он жил с семьей на улице Мамина-Сибиряка. Наискосок от нашего дома. Однажды я сидел с этюдником на деревянных мостках, свесив ноги в канаву, заросшую травой, и писал дома на другой стороне улицы. Сергей Алексеевич проходил мимо. Остановился у меня за спиной. Я весь сжался от страха и волнения.

— Плохо, — сказал он. — Когда закончишь, зайди ко мне. Я вон в том доме живу.

Я стал приходить к нему. Он жестко, но внимательно разбирал мои рисунки.

— Не срисовывать надо, — говорил он, — а, как плотник, вырубать сначала грубую форму... О конструкции предмета надо думать прежде всего...

Он давал мне книги. Помню «Мастера искусства об искусстве»... А там Микеланджело, Леонардо да Винчи, Делакруа, Шарден, а еще почти запретные тогда Пикассо, Вламинк, Дерен...

Много позже я увидел его рисунок с Вознесенской церковью, сделанный сангиной... И один этюд, подаренный им Е.В. Гилевой. Этого было достаточно, чтобы иметь представление о его высокой художественной культуре...

И в общем, это все, что я знал о Сергее Александровиче. Знал еще, что он учился в Казани и, по словам художника Владимира, был одним из лучших учеников Фешина...

Приближалось время защиты дипломов. А.А. Жуков одобрил эскиз моей дипломной работы «Базар».

Темой этой я был увлечен необычайно. Воображал себя В.И. Суриковым. Рисовал расписные дуги. Сани с мешками картошки, укрытые тряпьем, ватниками, кусками брезента. Продавцов в высоких пимах и длинных, в пол, зипунах... Они били в ладоши и нога об ногу, пытались согреться...

Происходило это все на Хлебной площади, на пересечении улиц Малышева и 8 Марта. Я нарисовал на эскизе Покровскую церковь, которая к тому времени была уже снесена... Получилось словно в XVII веке.

За два месяца до защиты диплома А.А. Жукова почему-то отстранили и взамен пришел Ф.К. Шмелев, человек нрава жесткого и крутого. Он плохо слышал и разговаривал поэтому громко...

— Это у вас что? — закричал он, увидев мой эскиз.

— Воскресный базар в Екатеринбурге, — ответил я упавшим голосом.

— Что? — закричал он еще громче. — Какой базар? Кто вам позволил?.. Я не допущу вас до диплома с таким эскизом!.. Гражданские вещи надо делать. Гражданином надо быть, прежде всего! Это главное! Базар!.. Немедленно делайте новый эскиз!

Я судорожно принялся за поиски гражданской темы. До защиты диплома оставалось немногим больше месяца. Листал спасительный в то время для многих художников журнал «Огонек». Шутка даже такая была — «этот художник работает с «Огоньком». Наконец я нашел фотографию, на которой советские солдаты стояли на площадке разгромленного фашистами дома. На ней чудом уцелело пианино. Один солдат, присев, играл на нем. Другие, не снимая автоматов, слушали...

...Эскиз утвердили.

На одном из просмотров в училище, на третьем курсе, Иван Кириллович Слюсарев обратил внимание на мой этюд оперного театра. С вечерними огнями и мокрым асфальтом.

Я чуть сквозь землю не провалился от радости и смущения, когда он сказал, что хотел бы его купить...

Из дневника студента Виталия Воловича

1945 год

10 февраля

Вчера сделал интерьер. Грифель заточил лопаткой и рисовал без штриха.

Из дневника Крамского: «Живопись, милая живопись, я умру, если не постигну тебя!»... И я постигну тебя, живопись. Я не отступлю ни перед кем и ни перед чем! Художником я буду.

19 февраля

Делаю композицию. Измучился над верхней фигурой. Нет напряжения. Скоро протру всю бумагу, пока добьюсь.

Ходил в зоопарк, делал наброски. Приходили Вовка, Яша и Владька Антонов. Они мне позировали для композиции.

Как хорошо жить на свете, даже с пустым животом.

4 ноября

Пришел в училище. Стал писать. «Нашлепок» вышел хуже вчерашнего. Повздорил с Юркой. Молча стоял у окна, изображая из себя Чайльд Гарольда. Вспоминаю Надсона и Достоевского: «Жизнь есть страх, жизнь есть боль».

29 марта

Вчера велели принести все работы по живописи за месяц. Давид Моисеевич взял у некоторых по три-четыре работы. У меня только одну, да и то ту, которая мне не нравится. Нина Аркадьевна Попова обещала принести 2-ю часть «Дон Кихота».

В училище мне сделалось нехорошо. Отчасти от голода, а больше того от известия, что завтра к 11 часам утра надо явиться сдавать химию.

Всех вызывали в канцелярию насчет работы по рисунку. Мелентьев взял мою работу

и стал объяснять недостатки. Потом как будто с удивлением и добродушно сказал, весь засияв: «А ведь способный вы, товарищ Волович, очень способный». Вечером пришел Вадька. Вслух читали «Пиковую даму».

12 апреля

Много работал, утром рисовал в альбом пейзажи улицы. Хотел передать солнце. Из училища пришел рано и снова пошел рисовать. Холодище жуткий. Ветер вырывает листья из рук. Взял ту же самую улицу, что и утром, но освещение совсем другое. Ввел человеческие фигуры, тревожное небо. Дома вечером рисовал интерьер.

Вечером стал читать «Мастера искусства об искусстве».

А вот по живописи ничего не получается. Грязь. Я занял у Юрки четверть листа. Завтра опять не на чем писать... И нигде не могу достать.

Дочитал Ван Гога и Клода Моне.

1948 год

11 марта

В училище пишу обнаженную. Пишу с наслаждением. Давно я с таким желанием не работал. У нее тело какое-то перламутровое, но придется пропустить три дня. У меня практический урок по черчению. Боюсь страшно. Когда я смотрю или слушаю объяснения по черчению, я становлюсь идиотом. Но вообще у меня сейчас очень интересная и напряженная жизнь. Хожу в оперу, читаю Флобера. Вчера был у Тамары — милых три сестры... Юрка говорил что-то грустное, она сделала вид, что плачет, и опустила голову мне на грудь. Я погладил ей волосы, шутиливо всхлипнул.

Вечера у них всегда вспоминаю с улыбкой. У них замечательно просто, весело и интересно. У нас всегда есть о чем поговорить.

18 марта

Я убит. Шмелев не разрешил мне делать «Базар». «Нужно доказать свою гражданскую позицию», — сказал он. Живопись разнес в дым. Настроение ужасное. Искрутил мне все мозги, но разве из пальца высосешь тему?

Скорее бы весна. Пейзаж! Прибегать домой в лихорадочном волнении, хватать этюдник и писать, писать...

15 апреля

Достал сегодня хлеб — настроение прекрасное! Первый раз за несколько дней покушал...

16 июля

В общем, я живу в самой гуще жизни. Утром пишу портрет Али, в перерывах пою, потом гуляем, играем с ребятами в волейбол. Я устроился на работу в детскую художественную школу. Хожу на этюды, занимаюсь гирями.

30 августа

Еще день, и начнется моя самостоятельная, взрослая жизнь. С первого числа я — преподаватель детской художественной школы при училище. Чувствую тревогу за завтрашний первый урок. Но я рад.

Время и пространство Мастера

Виталий ВОЛОВИЧ. График и живописец. Заслуженный художник РФ, член-корреспондент Российской Академии художеств. Лауреат премии губернатора Свердловской области, многих отечественных и зарубежных конкурсов книги. Волович всемирно известный мастер. Его работы – в собраниях Третьяковской галереи, Пушкинского и Русского музеев Москвы и Санкт-Петербурга, художественных галерей Праги и Веймара. Они украшают коллекции в США, Германии, Франции, Австрии, Испании, Израиле и других странах. Творчество Воловича потрясает внутренней силой, мощным током эмоциональности и в то же время изысканной, утонченной красотой. Виталий Волович, вместе с Эрнстом Неизвестным, возглавляет рейтинг самых знаменитых в мире уральских художников.

– А начиналось творчество со Свердловского художественного училища, так, Виталий Михайлович?

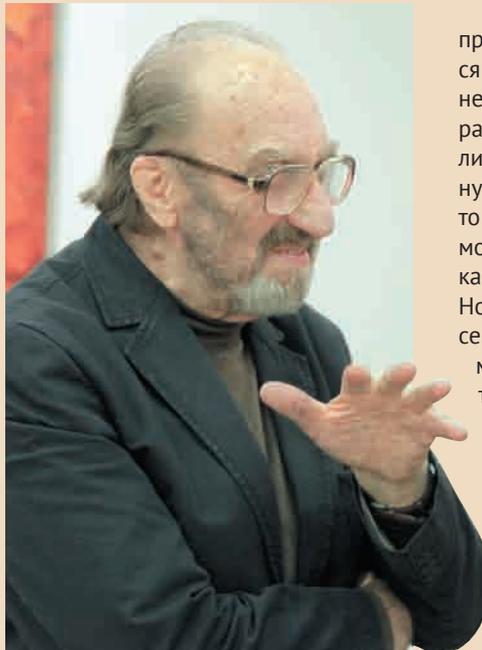
– В 1943 году я поступил в это училище, окончил его в 1948-м. У меня с выбором профессии не было проблемы. Уже в школе решил для себя, что буду рисовать. И в семье меня очень поддерживали. После седьмого класса я, не сомневаясь, пошел в художественное училище. А первая интересная для меня работа (и в том смысле, что имела какой-то отзвук) случилась, когда мне предложили иллюстрировать «Кладовую солнца» Пришвина. Книжка вышла, но так получилось, что по недосмотру издательства там не было фамилии художника. К моему счастью. Потому что Михаил Михайлович Пришвин написал письмо по этому поводу, и там были разные замечательные слова про иллюстрации...

– Виталий Михайлович, вы из скромности их не произносите. Михаил Пришвин написал в том письме, что из всех иллюстраций к его «Кладовой солнца» ваши – лучшие.

– Ну, в общем, что-то в этом роде. Я эти слова запомнил на всю жизнь потому, что они для меня значили невероятно много, еще и потому, что успех этой книги создал атмосферу, в которой я продолжил работать и стал понимать, что, может быть, именно это и станет моей профессией. И в 1965 году мне предложили сделать для Лейпцига конкурсную работу – «Шотландскую балладу» Роберта Стивенсона. Она получила серебряную медаль в Лейпциге. А потом начались неприятности – началась борьба с формализмом.

– Это 60-е годы?

– Да, после шумевшей московской выставки. Но в конечном счете трагедия (как казалось мне тогда) обернулась для меня большим счастьем. Я вынужден был уехать из Свердловска в силу того, что здесь невозможно было работать, у меня два года подряд от-

бирали дипломы, полученные на всероссийских и всесоюзных конкурсах. А в Москве мне предложили делать роскошные книги. Я взял «Отелло», «Песню о Соколе». Потом предложили подать творческую заявку, выбрать самому из всей мировой литературы книгу, которую я хотел бы иллюстрировать. Остановился на двух вещах. «Сид» Корнеля и «Ричард III» Шекспира. Издательство согласилось на «Ричарда». Вот с того момента все было достаточно хорошо.

– Виталий Михайлович, вы говорите «иллюстрации». Мне кажется, в самом этом слове заложена некая вспомогательность. Его иногда произносят даже с негативным оттенком: ну, это всего лишь иллюстрация... В ваших же иллюстрациях (а как сказать по-другому?), в ваших рисунках к книгам идет как бы параллельная жизнь. Это свой взгляд на то, о чем эта книга. То есть получается, что для вас само литературное произведение – только отправная точка?

– Ну, в общем, да. Должен сделать признание. Дело в том, что я относился к работе художника-иллюстратора невероятно эгоистически. Брал ту литературу, которая была важной для меня лично. Ту, где есть идеи, которые волнуют меня. Допустим, если «Ричард», то это тоталитарная власть. И поэтому, может быть, иллюстрации наполнены каким-то дополнительным смыслом. Но, вы правы, слово «иллюстрация» сейчас снова обозначает нечто вспомогательное. А в те времена иллюстрация была связана с интерпретацией литературного произведения. И приспособление классической литературы к политическим идеям, несомненно, было тем, что называлось кукишем в кармане.

– Вот, наверное, поэтому вас и не пускали на выставки «Урал социалистический».

– В какой-то мере. В общем, не столько меня интересовали проблемы короля Ричарда III, да и средневековой Англии, сколько возможность при помощи этой истории выразить представления о современных проблемах. И так случалось в каждой книжке. А когда ситуация перестала быть такой политизированной, иллюстрации потеряли пафос интерпретации. И стали приобретать то значение, которое и должны иметь: нечто вспомогательное, передающее характер эпохи, костюма, оружия... Но сейчас вообще, к большому моему сожалению, книга как форма художественной деятельности перестала существовать. Она из предмета культуры стала предметом экономики.

– Умерла книжная графика?

– Не знаю, надолго ли, но сегодня, конечно, умерла. Хотя представить себе, допустим, «Дон Кихота» без иллюстраций Гюстава Доре или «Трех мушкетеров» без Мориса Ленуара...

– Или «Тристана и Изольду» без ваших.

— Спасибо. Иллюстрация все-таки настолько тесно связана с образом, что представить себе литературу без нее...

— **Вы на всю жизнь выбрали главной для себя графику. Но, Виталий Михайлович, мне кажется, это самое технологически сложное в изобразительном искусстве. Это кислоты, металлы, «грязная» и вредная работа руками. Вон у вас руки кислотой изъедены... А почему, собственно, такой сложный технически жанр вы избрали?**

— Да я не знаю, как это произошло. Ну, во-первых, материал сильно расширяет творческие возможности. И есть у материала свойства, которые совершенно необходимы для того, чтобы произведение было достаточно серьезным. Например, мне показалось, что «Тристан и Изольда» будут лучше всего в литографии, потому что там есть мягчайшая тональность, которую можно достичь только на камне. В «Ричарде» мне казалось, что жесткий офорт, холодный, умозрительный, очень верно передает атмосферу бесчеловечности, в которой происходит действие. То есть каждый раз это было вызвано определенной художественной необходимостью. А разве задумываешься над тем, что это связано с какими-то проблемами и сложностями? Ты погрязнешь в этом, а погрязнув и исследовав эти возможности, поняв все их прелести, уже не можешь оставить. Я, правда, оставлял технику офорта, не занимался ею почти 14 лет. Просто сжег себе горло парами кислоты... Увлёкся красками, очень много рисовал гуашью, темперой, акварелью. А пару лет назад накатила тоска по материалу. Есть, конечно, изумительная прелесть в легкости, импровизационности и свободе, которые возникают,

Шекспир. «Ричард III». Ричард, оплакивающий Хестингса

когда работаешь кистью. Но ощущение преодоления материала так привлекательно! И я снова два года провел в кислоте, в битуме, в керосине. Сделал серию из 100 офортов. А сейчас занят рисованием гуашью, карандашом, пером. Рисую город, это отдельная тема.

— **Серия «Старый город»...**

— Да, был издан альбом. Впервые я стал рисовать Свердловск в 1985 году. Тогда же у меня возникло горькое ощущение, что от города уже мало что осталось. Хотя, сейчас понимаю, все-таки что-то еще было...

— **Я даже цитату приготовила, вашу. Это в конце 90-х годов вы говорили про Екатеринбург: «Старый город уничтожается бессмысленно и равнодушно. У города отнимают память». Так оно и сегодня?**

— Но только если там говорилось «отнимают», то сейчас можно сказать — отняли. Понимаете, какая штука, я не испытываю не малейшего гнева по отношению к тому гигантскому строительству, которое преобразует город. Он действительно становится комфортным, почти европейским. Город повинуется определенным законам, экономическим, растет. Мне непонятно только одно. Почему у нас такое отношение к истории, что как только начинается какой-то новый период, так непременно все, что напоминает о старом, надо уничтожить.

— **А менталитет: «Разрушим до основания, а затем...»**

— Так и получается. Почему-то наши архитекторы полагают, что ансамбль — это нечто единообразное, в то время как городской ансамбль складывается все-таки из соединения разновременных элементов. И если бы куски старой застройки были включены в новую систему, это был бы город замечательный. А подумать о том, что ты живешь в этом городе не первый, до тебя жили люди, у них была история? Это то, что называется корнями, называется памятью. И у меня ощущение, может быть, громко звучит, но долга по отношению к месту, в котором живу всю жизнь. И я пытаюсь мучительным образом отыскивать какие-то оставшиеся кусочки старого города и сохранить их хотя бы на листах.

— **Виталий Михайлович, в связи с историей. У вас в творчестве много мотивов Средневековья. И «Тристан», и «Ричард», и саги. Это и жесткость, и жестокость, они присутствуют в ваших работах. Чем, почему вас привлекает тот период?**

— У моего отчима, писателя Константина Васильевича Боголюбова, была

«Слово о полку Игореве». Плач Ярославны

роскошная библиотека. Там были Брокгауз, Шекспир, Жуковский, Аристотель, «Неистовый Роланд», «История Крестовых походов». И это, собственно, составляло мою атмосферу. Я начитался, посмотрел этих книг. Видимо, впечатления детства — господствующие. И потом, когда я получил возможность делать книги, первое, что шло в голову, — «Шотландская баллада», «Ричард III», Средние века. Отзвуки той самой библиотеки.

— **А ведь, имея в виду нечто темное, ужасное, говорят: это — Средневековье.**

— Ужас этой формулировки был перенесен на ужас того, что происходило уже в наше время. Идеи насилия, бесчеловечности, все, что было связано с фашизмом...

— **И с коммунизмом.**

— Ну, это само собой. Но про коммунизм нам можно было лишь догадываться, а литература, связанная с фашизмом, все-таки существовала. Я делал иллюстрации к Брехту.

— **Виталий Михайлович, я знаю, что вы большой театрал. И у вас много театральных мотивов — «Мистерия», «Манекены»...**

— Театр — сценическое видение истории. И надо сказать, что я постоянно ходил около театра. С Евгением Владимировичем Колобовым мы собирались делать вместе оперу «Сила судьбы». Я должен был быть декоратором. Но видимо, во мне не было авантюрной жилки какой-то, я просто боялся. Ведь я обретал человека, который мог диктовать свою волю, — режиссера. В то время как, изображая театр в своих работах, я сам себе актер, художник, режиссер.

— **Роман с театром не случился.**

— Не случился. И, думаю, к счастью, потому что нереализованная любовь, может быть, даже лучше, чем любовь случившаяся. С меня хватит книг. И станковых серий. Потому что тут я имею возможность создавать атмосферу. И мне это всю жизнь интересно. Это — мое пространство, моя любовь.

Мой дед, Павел Хожателев

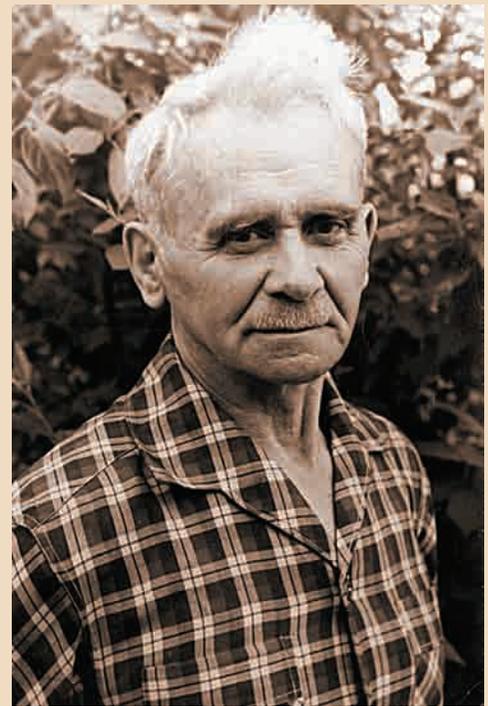
Екатерина ХОЖАТЕЛЕВА

Утренний аромат кофе и булочек с корицей... Это запах дома и детства. Дед вставал в семье раньше всех. Тихонько делал зарядку, пил чай и шел за свежей выпечкой в ближайшую кондитерскую – тогда в Свердловске на улице Малышева было такое кафе со столичным названием «Москва», а при нем кондитерский цех. Затем покупал газеты, возвращался домой и кипятил чайник. Так что, когда просыпались бабушка, мама и мы с братом, завтрак был уже на столе, а дед неторопливо просматривал шуршащие страницы. Каждый день он покупал пачку газет: все центральные – конечно, «Правду», «Известия», «Советскую Россию» – и одну-две местные. Всегда был в курсе главных международных новостей и событий в стране. В середине дня дед уходил на работу. Жили мы на улице Вайнера, 30, напротив картинной галереи. Поэтому в детстве я была уверена: дед работает именно в галерее. Но он тогда, в конце 60-х – начале 70-х, был директором вечерней художественной школы.

Иногда по выходным дед усаживал нас с братом рядом с собой, доставал из серванта старые фотографии, бумаги, даже дореволюционные деньги – у него сохранилось несколько мелких купюр и монет – и начинал вспоминать. Это были наши первые уроки истории... Родился дед, Павел Петрович Хожателев, в Самаре. В семье было 12 детей. Жили дружно. Отец его был служащим, мама не работала, вела хозяйство. После школы поступил в Казанское художественное училище, где в числе его педагогов был ученик Ильи Репина, известный художник, позже ставший национальным живописцем США, Николай Иванович Фешин. Фешин преподавал рисунок. По окончании училища с отличием Павел Хожателев получил диплом техника по архитектуре, рисованию и черчению и без экзаменов был принят в Императорскую Академию художеств. Дед, улыбаясь, вспоминал: когда ему и еще двум абитуриентам сообщили о зачислении, молодые люди вприпрыжку бежали по коридорам вуза, во все горло распевая песни. Навстречу им попался ректор и, нахмутив брови, строго произнес: «Э-э, да вам, молодые люди, не в Академию художеств, а в консерваторию надо было поступать!»

Кстати, музыку дед очень любил. С детства помню черный концертный рояль «August Förster». На нем играли бабушка и мама. Особенно было весело, когда приезжали гости – родственники и друзья. Пахло пирогами и разными вкусностями – бабушка отменно готовила. Гостям в доме всегда были рады. Дед не был балагуром, но умел к месту вставить словцо или рассказать историю, и всегда оставался душой компании.

Моя бабушка – Алевтина Александровна, умница, красавица – была на 15 лет младше

дедушки. Она знала английский, играла на рояле, прекрасно готовила, идеально вела хозяйство. Работала библиотекарем в художественном училище. Когда успевала все – не знаю... При этом всегда прекрасно выглядела. В нее была влюблена как минимум половина преподавателей и студентов.

...В Академии художеств в Петербурге дед проучился всего год. Революция и Гражданская война помешали ему продолжить обучение. В 1919-м Павел Хожателев ушел в Красную армию. Был интендантом. Вообще, по своей природе дед

был человек мирный. Считал силовые методы решения вопросов крайними. Говорил, что всегда надо, прежде всего, думать головой. О войне не очень любил вспоминать. Когда мы с моим братом Андреем просили рассказать что-нибудь о ней, отшучивался, говорил: если в бою слышишь свист над ухом — значит, пуля прошла мимо, ну а если не слышишь — плохо дело, возможно, эта самая пуля тебя настигла.

А вот что вспоминал часто — как в начале 20-х вместе с компанией футуристов — Маяковским, Бурлюком и Каменским — на плотах путешествовал по Волге. Говорил: было удивительное чувство свободы. Уже позже он цитировал Бурлюка своим ученикам: «Если картина стоящая, ее надо бросить на пол. Если она плохая, ее затопчут. Если хорошая — поднимут». Была и другая знаменитая фраза в лексиконе деда: «Прежде чем ты спроектируешь здание, нужно спроектировать санузел».

Дед сам себя никогда не хвалил, был человеком очень скромным. Предпочитал кропотливую работу и реальные дела громким словам. Но мама с бабушкой рассказывали нам с братом, как в 1937 году дед стал директором Свердловского художественного училища. Как спас учебное заведение во время войны. Как ходил по госпиталям и учил, учил, учил... рисовать. Дед вспоминал, что в госпиталях было очень много тяжелораненых, ставших инвалидами-ампутантами. Многие и жить-то не хотели. Но Павел Петрович Хожателев всегда говорил им: «Была бы голова!» Тех, кто без рук, учил рисовать пальцами ног. А у кого не было ни рук, ни ног — держали карандаш зубами. Многим фронтовикам тогда новая профессия, подаренная дедом, спасла жизнь.

Перед войной специально для художественного училища начали возводить здание на улице Малышева. Но — война... Дед с бабушкой зимой 1942-го буквально на санках перевезли все имущество учебного заведения в небольшой зал, выделенный на пятом этаже здания Свердловской филармонии. Тогда за фанерными перегородками там занимались сразу несколько курсов. Некоторые ребята приходили прямо с фронта. Павел Петрович преподавал черчение и перспективу.

В семье часто вспоминали, как дед ездил в Москву «выбивать» отдельное здание для училища. И это ему удалось, в 1959 году. Дед был хорошим не только педагогом, но и руководителем. Он умел без криков, интеллигентно убедить чиновников выделить помещение, обеспечить финансирование. Все отмечали, что Павел Петрович очень скромен, деликатен и невероятно трудолюбив. Не курил, не пил и не сквернословил. Я не слышала, чтобы он о ком-то отзывался плохо. Но порой хватало одного его взгляда, чтобы прекратить конфликт.

Павел Петрович дружил с известным скульптором Сергеем Меркуровым и был хорошо знаком с великой балериной Мариной Семеновой. Кстати, моя мама, Наталья Павловна, после войны окончила у Марины Тимофеевны Семе-

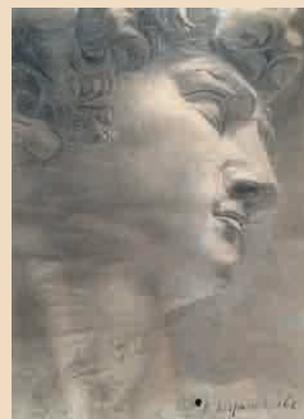
Работа П. Хожателева
«Орел»

новой экспериментальный балетный класс и попала на профессиональную сцену. Дед очень любил театры, особенно оперный. Был меломаном. Много читал, особенно русскую классику. В искусстве признавал эксперименты, но всегда считал, что в основе любых новшеств должна лежать классика.

Преподаватели и учащиеся вспоминали, что во время директорства Павла Петровича в училище была необыкновенная аура. Все работали на подъеме. Для меня имена Федора Шмелева, Давида Ионина, Геннадия Белянкина, Степана Яркова, Германа Метелева, Виталия Воловича тогда постоянно были на слуху...

Кстати, странно, что дед — беспартийный — был назначен директором училища. Когда ему предлагали вступить в ряды КПСС, он уклончиво отвечал, что можно и в душе быть партийным. Может быть, в том числе и поэтому в 1959-м году деду все-таки предложили оставить пост директора. Но полный сил и энергии Павел Петрович в этом же году открыл в Свердловске художественную школу для взрослых, с вечерней формой обучения. С 1959 по 1986 год дед был ее директором. Школа давала возможность людям, работавшим на производстве, получить новую, творческую профессию. В 1986 году школа обрела собственное помещение — деревянный особняк на улице Сакко и Ванцетти. И через некоторое время, после ухода деда из жизни, стала художественно-промышленной школой имени П.П. Хожателева. А в 2006 году учебное заведение выселили из помещения. И школа прекратила свое существование. Но за почти 50 лет она выпустила сотни художников и скульпторов, которые с гордостью называли себя «хожателевцами».

...Сколько помню, дед очень много работал. Работа была его жизнью. Павел Петрович был в хорошем смысле фанатиком своего дела, но при этом никогда не шел по головам. Всегда, в каждом видел, прежде всего, Человека. Еще он обладал, как бы сейчас сказали, харизмой. Интересно было слушать, как он, будучи уже в возрасте, немногословно объяснял и показывал своим ученикам, как и что надо делать. Ученики понимали его буквально с полуслова. Дед считал, что умение педагога — не просто научить тому, что умеешь сам, главное — раскрыть талант. Это, наверное, как из раковины аккуратно, не повредив, достать жемчужину. Многое зависит от мастера.

Работа П. Хожателева
«Голова Давида»

Талантливый и теперь уже хорошо известный не только в России, но и за рубежом скульптор Николай Предеин оканчивал вечернюю художественную школу, когда дед уже ушел на пенсию. Выбирая тему для дипломной работы, Предеин хотел изваять кого-нибудь из великих. Например, Микеланджело. А Лев Хабаров, который после деда стал директором школы, предложил сделать бюст Хожателева. Деду тогда было 92 года, он тяжело болел, но все-таки согласился позировать. Дело для него всегда было на первом месте. Совсем недавно эту замечательную скульптуру — бронзовый бюст Павла Петровича Хожателева — Николай Предеин передал в дар Екатеринбургскому музею изобразительных искусств.

На перекрестке двух эпох

Народного художника Российской Федерации и заслуженного деятеля искусств РФ, участника десятков всесоюзных, республиканских, региональных и городских выставок Игоря СИМОНОВА называют легендой екатеринбургской живописи. Шесть десятилетий он живет и творит в уральской столице. Его работы украшают музеи и частные коллекции Екатеринбурга, Перми, Москвы, Владимира, радуют почитателей его таланта за рубежом — в Англии, Италии, Испании, Бразилии.

«Самовар»
(1999 год, холст, масло)

В нынешнем году Игорь Иванович отметил свое 85-летие.

— Мой отец, Иван Павлович, — вспоминая о детстве, рассказывает художник, — был большим любителем изобразительного искусства. Он часто приносил домой открытки с репродукциями картин известных художников, и я подолгу рассматривал их. Возможно, это и повлияло на выбор моей будущей профессии.

В 1932 году семья переехала в Свердловск, где после окончания школы Игорь поступил в художественно-промышленное училище (ныне — Свердловское художественное училище имени И.Д. Шадра), которое окончил с отличием в 1948 году.

— Я благодарен своему преподавателю, Давиду Розмарину, — говорит Игорь Иванович, — который познакомил меня с творчеством импрессионистов. Для меня словно открылся новый, удивительный мир.

Заметное влияние на творчество художника оказали и произведения мастеров Серебряного века, таких как Валентин Серов, Константин Коровин, Абрам Архипов.

В том же 1948 году Игорь Симонов поступил в Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина в Ленинграде. Обучался у известного отечественного художника Б. Иогансона. Затем в течение двух лет — в аспирантуре под руководством И. Серебряного.

Окончив институт и аспирантуру, Игорь Иванович вернулся в Свердловск.

Творчество художников того времени было ограничено рамками социалистического реализма. Считалось, вспоминает И. Симонов, что мастера искусства в долгу перед рабочим классом. Поэтому в Свердловске он стал писать портреты заводчан.

Первой после возвращения на Урал художник написал картину «Снова в родных краях»: вернувшийся с войны солдат на минуту останавливается в ржаном поле... Ощущение молодого задора и восхищение бытием, которые автор передал в своем произведении, сделали его широко известным.

В Екатеринбургском музее изобразительных искусств есть другая работа художника, принесшая ему официальное признание, поставившая его в один ряд с ведущими мастерами так называемого сурового стиля, — «Литейщики». Монументальная по своему строю картина, написанная в 1959 году, воспринимается как гимн труду.

Внимательное изучение производства, глубокие раздумья о роли в нем современного человека побудили художника к созданию других работ на заводскую тему. Среди них картины «В цеховой лаборатории», «Мои герои», где тема «Литейщиков» нашла свое дальнейшее развитие.

— Мне нравятся люди, с которыми я рядом живу. Я много вижу их во время работы. Я проникаюсь уважением к их труду и просто не могу не думать о них, не писать их, — так отзывался в те годы художник о своем творчестве.

Новая эпоха, которая началась с перестройки, отодвинула на второй план производственную тему. Более актуальной для художника стала тема «Человек и общество». В начале 90-х годов Игорь Симонов создает серию картин «Социальный памфлет», куда входят такие работы, как «Самовар», «Вдова солдата», «Когда б имел золотые горы», «Сельская мадонна» и другие.

— Когда рушился старый строй и создавался новый, многие из лояльных власти художников не знали, чем заняться, — говорит Игорь Симонов. — В «Социальном памфлете» я попытался найти свой образ этого времени.

Игорь Симонов — мастер портретного жанра. По словам самого автора, одна из его любимых работ — портрет известного композитора, художественного руководителя Уральского народного хора Владимира Горячих.

Разносторонность дарования, многогранность творческих поисков свойственны Симонову. Он с равным удовольствием пишет как жанровые, так и пейзажные работы и натюрморты. Среди последних — «Вешние воды», «Цветущий луг», «К вечеру», «Зима», «Весна на Северном Урале», «Натюрморт с печеной картошкой», «Натюрморт деревенский». Главное, считает художник, — передать изменчивые состояния природы: игру солнечных бликов, порыв осеннего ветра, тишину зимнего дня. В каждой его работе — удивительная теплота и умиротворенность.

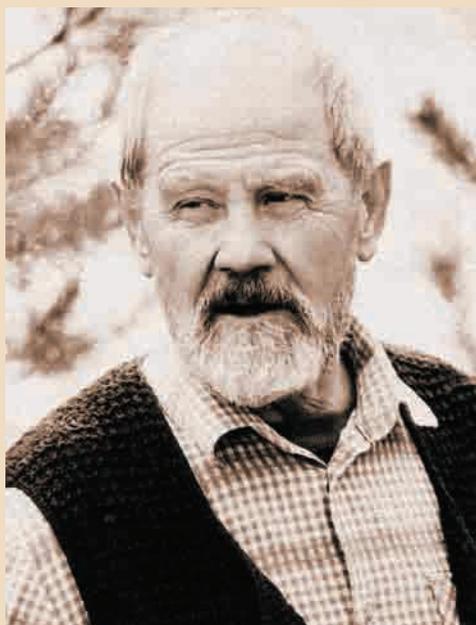
В профессиональной среде художников Игорь Симонов пользуется заслуженным авторитетом. Коллеги по творческому цеху избирали его председателем Екатеринбургского отделения Союза художников, секретарем Союза художников СССР и России.

С 1980 года Игорь Иванович преподавал спецдисциплины в родном Екатеринбургском художественном училище имени И.Д. Шадра и воспитал немало талантливых учеников. Семеро из них поступили позднее в Санкт-Петербургскую академию художеств.

*«Мои герои»
(1964 год, холст, масло)*

Теплый дом у холодной воды

Борис КОРТИН

В поселке Суксун Пермского края этот дом-галерею на берегу пруда знает каждый. На отчей земле возвел его по собственному проекту, с оглядкой на будущее и земляков заслуженный художник РФ Константин СОБАКИН – самобытный мастер живописи, графики и скульптуры, декоративно-прикладного и монументального искусства.

В годы Великой Отечественной войны, когда на фронт проводили отца, отложив школьные учебники, встал к слесарному верстаку на производстве 13-летний Костя. Во время рабочей вахты подросток часто вспоминал друга детства Пашу Пупырева. Вспоминал, как однажды тот взял и... нарисовал его портрет, подивив пацанву. Но стать художником Паше не было суждено: как и тысячи сверстников, он сложил голову в боях за Отечество. А живописный портрет у Кости Собакина остался не просто памятью о невозвратной потере друга – рисунок этот, без преувеличения, стал путеводным.

Токарь взял в руки сначала карандаш, затем кисти, резец, инструмент для чеканки...

И еще помогла в выборе пути новая удивительная встреча: двоюродная сестра ввела в семью известного на Урале художника Олега Коровина. Наметанным взглядом тот

сразу разглядел способности юноши, стал его первым учителем живописи. Константин поступил в Свердловское художественно-ремесленное училище № 42.

«Коровинский круг общения», а были в нем живописцы Д. Ионин, Г. Мелентьев, график Б. Семенов, скульптор А. Анисимов, увлек паренька созидательным полетом замыслов мэтров, их творческой страстностью, вдохновением. С их благословения в начале 50-х годов прошлого века Константин поступил в Свердловское художественное училище.

Впечатляющими для вчерашнего токаря были занятия по истории искусства у Б. Павловского, лекции В. Кускова, В. Тяжелых, С. Яркова. Последний, вскоре ставший директором училища, в монографии «Художественная школа Урала. К 100-летию Екатеринбургского художественного училища имени И. Д. Шадра» вспоминал: «...Несмотря на огромные трудности, училище не просто существовало, в его стенах царил творческая атмосфера, какой оно еще не переживало в своей истории. Во многом это объясняется составом учащихся первых послевоенных лет: больше половины, а иногда 70–80 процентов группы составляли фронтовики... Наученные войной преодолевать любые трудности, они с завидным упорством овладевали знаниями, вкладывая в это весь жар своих душ, что оказывало влияние на жизнь учебного заведения в целом».

Будущие художники самозабвенно осваивали премудрости изобразительного искусства. По 12 часов в день выстаивал за мольбертом или в скульптурном классе Константин Собакин...

Не без активной помощи преподавателей училища в период «оттепели 60-х» из начинающих живописцев образовалась когорта художников-новаторов, азартно торивших новые пути развития российского искусства: Н. Засыпкин, Г. Мосин, В. Волович, А. Казанцев, Г. Метелев... Выпускники свердловского училища трудились на ниве искусства во всех городах и весях Советского Союза, а Эрнст Неизвестный, чье творчество не получило поддержки в родном Отечестве, настойчиво продвигал русское искусство за рубежом, отстаивая принципы, сформированные уроками уральской художественной школы.

...Но вот позади учеба. И вот они – первые в родном поселке красочные афиши,

Портрет искусствоведа С.П. Яркова

«Паром». 1962

извещающие земляков об открытии персональной выставки Константина Собакина. И трепет, с которым недавний выпускник училища читал восторженные записи ее посетителей в книге отзывов: «Здесь столько неподдельного лиризма! Невольно облагораживаешься сам, отдыхаешь душой. Снимаю шляпу перед этим светлым человеком...», «Ухожу, взволнованный той прелестью, которую увидел...», «Чувствуешь запах цветов, тишину леса, скрип снега. Все, что еще будет сделано художником, пусть принесет людям радость...»

Любовь к Уралу, его людям и природе наполнила творчество суксунца. А связи с училищем органично продолжились. Когда с годами К. Собакин возглавил Пермское отделение Союза художников России, а его педагог С. Яркoв, ставший преподавателем кафедры искусствоведения Уральского государственного университета, занялся организацией региональных выставок художников, они шли «в одной связке». Сегодня на счету Собакина участие в десятках всероссийских, областных и международных выставок.

Его живописные полотна знакомят не только с Каменным поясом России. В поиске сюжетов он побывал в горных селениях Армении, на скалистом дальневосточном берегу Татарского пролива, вместе с оленеводами кочевал по заполярной тундре, на краю света «нес вахту» с пограничниками, на берегу Японского моря познавал, что такое рыбацкое счастье, восхищался удивительными мотивами архитектуры Средней Азии...

Работы Константина Собакина стали достоянием галерей и музейных собраний многих городов России, ими гордятся не только

«Морозное утро». 2004

частные коллекционеры в нашей стране, но и собиратели произведений искусства в Германии, Японии, странах ближнего зарубежья.

Ныне он сам – наставник молодых дарований. Имена иных из них уже стали известными: В. Жданов, Е. Кудрявцева, Л. Ракитских.

Благодарный своей альма-матер за путевку в жизнь, заслуженный художник РФ Константин Собакин, в преддверии 110-летия Екатеринбургского художественного училища имени И.Д. Шадра, передал ему в дар скульптурный портрет своего педагога, бывшего директора училища Степана Петровича Яркова.

...А в дом-галерею самобытного художника в Суксуне ежедневно приходят земляки и туристы.

Трудно не согласиться с кандидатом искусствоведения Ольгой Власовой: теплый дом Константина Мильевича Собакина у холодной воды пруда – поистине удивительный остров прекрасного в безбрежном океане жизни.

ПЕВЕЦ героической темы

18 октября отмечалось 85-летие Владимира ДРУЗИНА – талантливого и самобытного скульптора, одного из тех людей, кто внес большой вклад в формирование современного облика столицы Среднего Урала. Одна из его работ – памятник воинам Уральского добровольческого танкового корпуса на привокзальной площади Екатеринбурга, созданный в соавторстве со скульптором Петром Сажиным и архитектором Геннадием Белянкиным. Могучий былинный сталевавар благословляет молодого воина на ратный подвиг...

*Владимир ДРУЗИН
в мастерской у скульптурной
композиции «Первый опыт
полевой хирургии» (1958 год)*

Надежда ПАВЛОВА

Владимир Друзин родился в Свердловске, в семье потомственных рабочих Верх-Исетского металлургического завода. После окончания школы поступил в Свердловское художественное училище, в настоящее время носящее имя И.Д. Шадра. Дипломной работой молодого скульптора стала композиция «Допрос партизанки».

С 1952 года В. Друзин обучался в Московском художественном институте имени В.И. Сурикова. Его учителями были признанные мастера скульптуры, такие как Николай Томский и Матвей Манизер, которые помогли способному ученику в полной мере раскрыть свой талант. В 1958 году, успешно защитив дипломную работу (ею стала композиция «Не пройдешь!» на тему Сталинградской эпопеи), В. Друзин с отличием окончил институт и вернулся в родной Свердловск.

Известность Друзину принесла одна из его студенческих работ – композиция «Первый опыт полевой хирургии», посвященная знаменитому хирургу Н. Пирогову. Узнаваемы и другие произведения скульптора раннего периода: «Рудознавец», «Ваня», «Побег с каторги», «Партизан».

В скульптурных портретах, выполненных художником из мрамора, гипса, бронзы, гранита, увековечены многие знаменитости страны: Я. Свердлов, Ю. Гагарин, летчики В. Шадрин и В. Биркин, конькобежки Л. Скобликова, В. Стенина. Популярный в его годы образ В. Ленина Владимир Михайлович отразил в памятниках, установленных в Первоуральске, Нижнем Тагиле, Ирбите.

Художника не могла не волновать героическая судьба страны, он свято чтит подвиг своего народа, восторгался мужеством и доблестью уральских воинов. В 1959 году Владимир Друзин создал скульптурную группу «За Волгой земли нет!». У стального противотанкового ежа встал с последней гранатой воин, чтобы преградить путь фашистским танкам... Позднее эта скульптура была передана для создания постоянной экспозиции в Центральный музей Вооруженных сил России в Москве.

Дальнейшее воплощение тема Великой Отечественной получила в созданных Друзиным скульптурах «Солдат с винтовкой

у плуга», «Воин-кузнец», «Демобилизованный вернулся к полям», а также в памятнике студентам, преподавателям и сотрудникам Уральского политехнического института, не вернувшимся с полей сражений. «Нашим товарищам, погибшим в боях за Родину», – гласит надпись на гранитном пьедестале памятника, установленного на южной стороне площади имени С.М. Кирова в годовщину Победы в 1961 году.

Последняя работа В. Друзина – портрет академика И.В. Курчатова (гипс, 1966 год), законченный уже его товарищами по цеху.

Многое из задуманного Владимир Михайлович не успел исполнить. Он ушел из жизни в 38 лет, успев сделать благодаря небывалой работоспособности немало, но еще больше осталось у мастера нереализованных идей. Так, В. Друзин мечтал подарить городу памятник великому русскому поэту Александру Пушкину. Был выполнен эскиз, изготовлен миниатюрный вариант памятника из пластилина, который до сих пор стоит в доме родных скульптора...

Памятник воинам Уральского добровольческого танкового корпуса (1962 год). Владимир Друзин работал над фигурой сталевара

Скульптурный портрет боксера А. Беляева

Его миры по-прежнему манят...

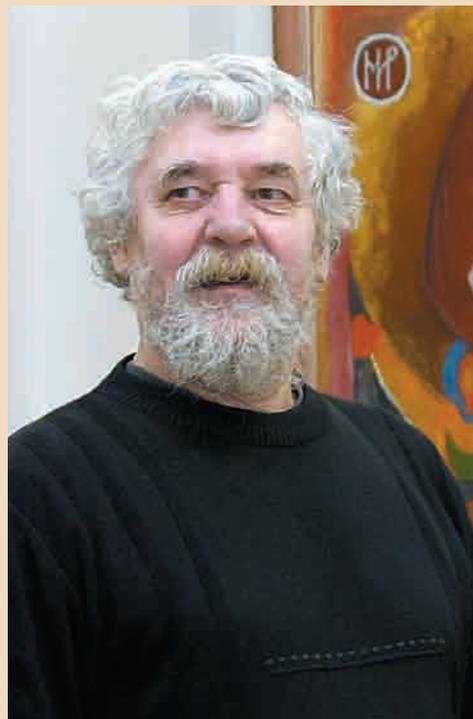
В Екатеринбургском музее изобразительных искусств — выставка работ Анатолия Калашникова

*Он всегда оставался
чуть в тени своих
прославленных друзей
и коллег
по цеху.
Но искушенный
зритель хорошо
знаком с его
грандиозными
сериями и не менее
смелыми
замыслами —
масштабной
художественной
авантюрой
«Перегон скота
в штате Монтана»,
загадочным
и поэтичным
живописным циклом
«Страна Тэмуджина»,
утопающим
в блеске роскоши
венецианским
«Карнавалом»
(в соавторстве
с Мишей
Брусиловским).
Анатолий
КАЛАШНИКОВ
(30 апреля 1947 —
11 января 2012)
по-прежнему
не перестает
удивлять нас своим
творческим размахом.
Не переставал
удивляться и сам
автор — каждому
новому дню, каждой
детали жизни и самой
жизни.*

Подавляющее большинство представленных на выставке работ было создано Калашниковым в течение последних пяти лет — периода, ставшего одним из наиболее интенсивных и плодотворных в творческой биографии художника. Его интересовало буквально все — и незамысловатый на первый взгляд мотив, такой как вид сельского магазина «Глория» по пути на дачу в деревне Волены, и наскоро собранный натюрморт, которые вдруг вплетались в круговорот образов мирового искусства, преодолевая рамки личной истории художника. Калашников буквально хватался за приглянувшийся сюжет, немедленно принимаясь разрабатывать увлекший его образ. Из мотива выросло законченное произведение. Отдельные работы постепенно складывались в цикл. Так, например, родилась серия «Аргонавты». Образ древнегреческого героя стал воплощаться в различных характерах аргонавтов, со временем разросшихся до пестрой галереи выразительных персонажей. Серийность позволяет проследить трансформацию авторского видения — от мягкой, тягучей пластики первых образов Ясона и Геракла (2000) до эффектно стилизованных граненых фигур Арго, Полидевка и Линкея (2010), своими лаконичными формами подчас напоминающих рисунки на древнегреческих вазах.

Анатолий Калашников сформировался под влиянием блистательной плеяды уральских мастеров М. Брусиловского, Г. Мосина, Г. Метелева. После окончания Свердловского художественного училища работал в Художественном фонде, в составе творческой бригады занимался оформлением Дворца молодежи и Екатеринбургского цирка. Эту заказную работу тем не менее нельзя назвать «халтурой», ведь для молодого художника, трудившегося бок о бок с крупными мастерами, она стала своеобразной школой профессионализма, впоследствии отчетливо выразившейся в монументальном обобщении форм и особой композиционной выверенности картин. Любое камерное станковое полотно Калашникова, даже самое миниатюрное, без труда выдержит увеличение в размере.

Разделяя позицию своих старших товарищей, художник полагал, что современная картина — это, прежде всего, новое универсальное художественное пространство, в котором скре-

пчиваются разновременные и разностилевые первоисточники. Калашников выбирал своих «художественных адресатов» в прошлом мирового искусства: это Пуссен, поразивший его еще в детстве, Рубенс, Шагал, Пикассо, Матисс. Так, работа «Игроки в карты» стала своего рода личной беседой с одним из наиболее почитаемых Калашниковым художников минувшего — Микеланджело Караваджо. Виртуозно стилизованные фигуры персонажей, облаченных в доспехи и щегольские одежды глубоких красных и зеленых оттенков, демонстрируют авторское умение монументально обобщать формы, акцентируя внимание лишь на основных элементах композиции. В работе «Виктор, быка-то куда повел» (2011) Калашников синтезирует эстетику народного примитива с традициями иконописи, добиваясь благозвучного единства мира. В основе сюжета — реально увиденный мотив деревенской жизни в Волинах, обретший в авторской интерпретации вневременную значимость.

С легкой руки уфимского художника Михаила Назарова Калашников не на шутку увлекся весьма нестандартным способом подготовки эскиза. Будущие компози-

ции он собирал из подручного материала, вырезая из газет и журналов понравившиеся фрагменты. После этого дизайнерские принты и эффектные орнаменты приклеивались к картону и становились полноправными членами будущего произведения. В процессе написания картины Калашников обращался к своей заготовке, порою вклеивая новые кусочки прямо в живописное пространство работы. Кусочки этих вклеек до сих пор можно заметить в некоторых произведениях автора. Отсюда — повышенная декоративность работ последних лет, когда единственно верной для художника становилась логика пластической и цветовой гармонии.

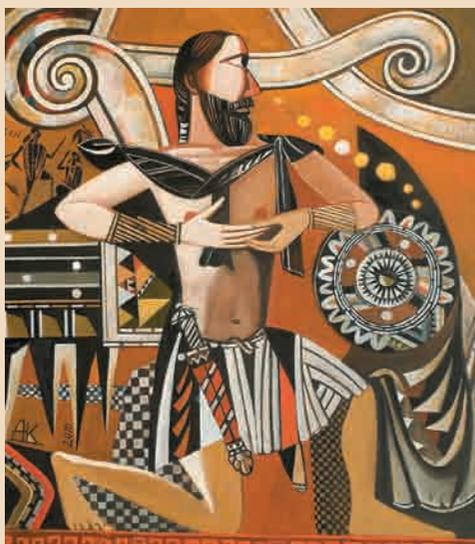
Особое декоративное видение распространялось на все без исключения поздние произведения художника. И в библейской теме, и в фольклорной он сохранял особую непосредственность, позволявшую свободно обращаться с известными историями и образами. Библейское «Бегство в Египет» (2011) поражает своей живописной красочностью, а фольклорная Марусенька («Мыла Марусенька белые ножки», 2001), утопая в разноцветье окружающего мира, представлена празднично и торжественно. В естественных и реалистичных образах рыбаков в «Гени-

«Игроки в карты».
Холст, масло. 1989

«Облака-странники».
Холст, масло. 2001

«Арго». Из серии «Аргonautы». Холст, масло. 2010

«Бегство в Египет». Холст, масло. 2011

саретском озере» (2011) не сразу узнаются библейские герои — «преданье прошлого» обретает вполне осязаемые очертания, нередко указывая на современность. Невроятно обаятельные и человечные апостолы «Петр и Андрей» (2011) предстают перед зрителем обыкновенными рыбаками, угловатыми и непропорциональными формами своих фигур стирая условную границу между священным и обыденным.

Калашникова-пейзажиста знает отнюдь не каждый любитель искусства, хотя художник любил и чтит этот жанр. Представленные на выставке работы — лаконичные «Облака-странники» (2001), простой и вместе с тем весьма эффектный «Пейзаж с забором» (2011) — впечатляют монументальной цельностью и ясной образностью, создающими вневременное универсальное пространство, полное спокойствия и величия.

В работах Калашникова не было трагического надлома. Неслучайно художника когда-то пленила строгая красота Монголии, страны плавных степных линий, равновесия и тишины — и в самом его характере было что-то от восточного мировосприятия. Необычайно скромный, сдержанный, отзывчивый и добрый (по меткому замечанию Виталия Воловича, «в Толе сочетался Художник и Человек»), Калашников неизменно располагал к себе людей, а созданные им миры продолжают манить нас неподдельной искренностью и живым обаянием, унаследованными от автора, их сотворившего.

Анатолий Калашников — один из известнейших художников Екатеринбурга. Учился в Свердловском художественном училище (1966–1970). Свою творческую жизнь начал в 70-е годы прошедшего века, с 1972 года — постоянный участник зональных, республиканских, всесоюзных и зарубежных выставок. Член Союза художников с 1980 года. Плодотворно работал в области монументально-прикладного искусства, участвовал в оформлении Дворца молодежи и цирка. Лауреат премии имени Г.С. Мосина. Работы находятся в художественных музеях и галереях Екатеринбурга, Челябинска, Кургана, Перми, Красноярска и Москвы, а также в частных коллекциях в России, Чехии, Германии, Канаде и США. Жил и работал в Свердловске-Екатеринбурге.

На полотнах — Тибет

Фото Вячеслава ДОНЕЦКОГО

Открытие выставки.
Председатель Свердловского
регионального отделения
Союза художников России
Сергей АЙНУТДИНОВ,
заместитель министра
культуры Свердловской
области Олег ГУБКИН,
художник Владимир ТЮТЮЕВ

В большом выставочном зале Екатеринбургского Дома художника прошла выставка работ уральского живописца Владимира ТЮТЮЕВА «Тибет».

Владимир ТЮТЮЕВ
во время аудиенции
у Карматы XVII

Экспозиция стала итогом нескольких поездок художника в разные районы Тибетского нагорья – величайшего (около двух миллионов квадратных километров) и высочайшего (в среднем 4,5 тысячи метров) нагорья на земном шаре.

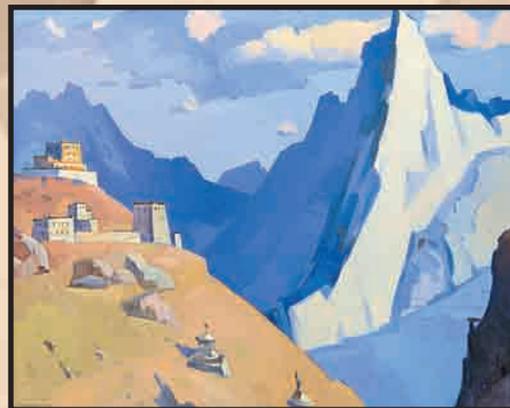
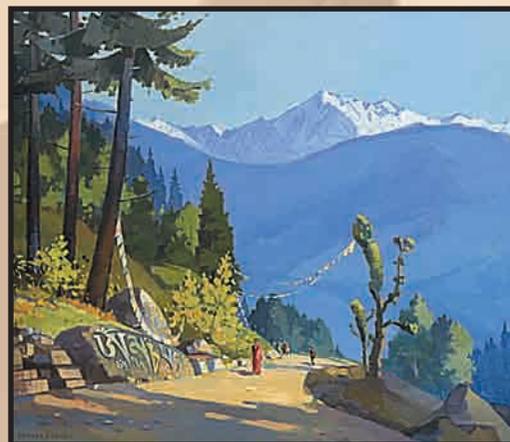
Несколько сотен набросков и этюдов, сделанных художником во время путешествий по завораживающе красивым местам, легли в основу десятков крупных произведений, наиболее интересные из которых и были представлены на выставке.

Последняя, в 2011 году, поездка художника в столицу непризнанного государства – Дхарамсалу (здесь находится тибетское правительство в изгнании, проходят ассамблеи тибетских народных депутатов) была ознаменована его новой встречей с Кармапой XVII – духовным главой традиции Карма Кагью тибетского буддизма. Знакомство художника с иерархом состоялось еще в 2008 году, и теперь «гуру всех гуру» принимал гостя как доброго друга. Уралец привез Его Святейшеству альбом репродукций своих работ, выполненных по итогам предыдущих вояжей.

В альбоме воспроизведены и работы, вошедшие в экспозицию, представленную в Доме художника. Это полотна, на которых отображены «рериховские» горы с заснеженными вершинами, синие озера, монахи в шафранно-бордовых одеждах, сюжеты из жизни некогда «запретного королевства».

Надежда ПАВЛОВА

Работы
Владимира Тютюева,
представленные
на выставке «Тибет»

Лето Макарова

Яна БЕЛОЩЕРКОВСКАЯ

Зайдя в галерею «Урал-Постер», попадаешь... в лето. После зимней заснеженной улицы яркий, солнечный, многоцветный мир художника Анатолия МАКАРОВА – как чудо.

Фото Вячеслава ДОНЕЦКОГО

– Экспозицию я хотел назвать «Цветы и фрукты», – говорит Макаров. – Но жена раскритиковала: мол, так только овощные ларьки называют... Поэтому название поменял на «Лето мое».

Название – чистая правда. Многие картины здесь – летние пейзажи. Но больше всего цветов. Художник рассказал, что в первые

годы творчества долго не мог определиться, в каком направлении идти. Начинать, как и многие, с пейзажей. «Вообще, Россия считается страной пейзажей. Но мне сказали: знаешь, сколько художников их пишет? Вот у тебя цветы получаются – пиши их! И так моей доминантой стали цветы»...

Тяга к рисованию у Анатолия проявилась еще в школе, и школа предоставила такую возможность: пока одноклассники летом трудились на фабрике «Уралобувь», Макаров оформлял классы. С того момента, можно сказать, и началась творческая биография.

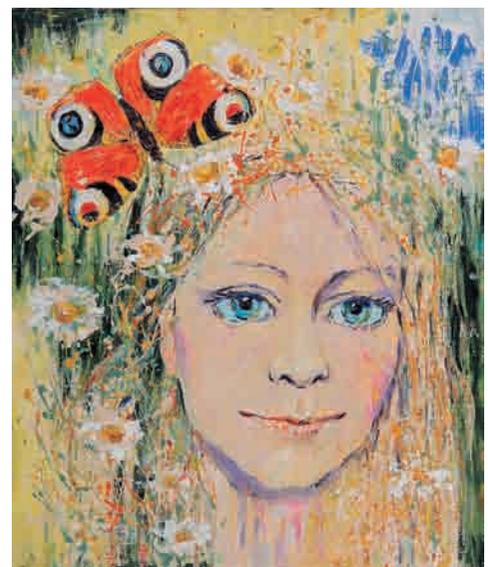
– После школы поработал на заводе, – говорит Макаров, – потом пошел в армию и там тоже был художником. Когда вернулся на завод, меня постоянно привлекали в качестве оформителя. Понял, что надо профессионально развиваться, и пошел учиться в художественную школу. Это было почти как художественное училище, но только мы занимались по вечерам и в выходные. Учил нас Павел Петрович Хожателев, именем которого и названа была потом школа. Четыре года учебы пролетели незаметно... После окончания мы все мечтали найти домик на краю деревни, топить там печку и писать картины... Хожателев нас слушал-слушал и говорит: «А давайте-ка я вам пятый курс открою!» И прошли мы и пятый курс, и шестой. Да, Хожателев хорошо нас готовил...

Хожу по галерее и чувствую, как цепляют обыкновенные на первый взгляд картины. Ловлю себя на мысли: пейзажи кажутся такими знакомыми...

– Именно это и есть главное! – говорит художник. – 25 лет я езжу на пленэры. Каждое лето! И в Феодосию, и в Балаклаву. Но

«Стрекозы»

«Лето мое»

«Кот лета»

«Яблоки»

уже давно понял, что и мне, и нашему зрителю гораздо ближе Шарташ, Каменные палатки или речка Решетка. Важно, чтобы каждый человек почувствовал свое родство с картиной. Нельзя стать вторым Саврасовым или Репиным. Можно стать только самим собой. Найти свой стиль. Но понятно, он будет чем-то напоминать уже существующий — французский импрессионизм, например. Это направление мне наиболее близко.

Когда я служил в армии, так получилось, что довелось побывать в Эрмитаже. И там висела огромная картина Жоржа Сёра «Воскресная прогулка на острове Гран-Жатт». Она была написана мелкими-мелкими мазками. Я стоял возле нее и смотрел как зачарованный.

И вот приезжаю снова в Эрмитаж. Поднимаюсь на второй этаж, говорю: «У вас тут была такая картина...» А мне отвечают, что картины с таким названием у них никогда не было! Оказывается, в тот год был обмен между Эрмитажем и еще каким-то музеем. А сейчас эта картина находится в частной галерее в Чикаго. Но она перевернула всю мою жизнь и, можно сказать, серьезно повлияла на мою художественную работу...

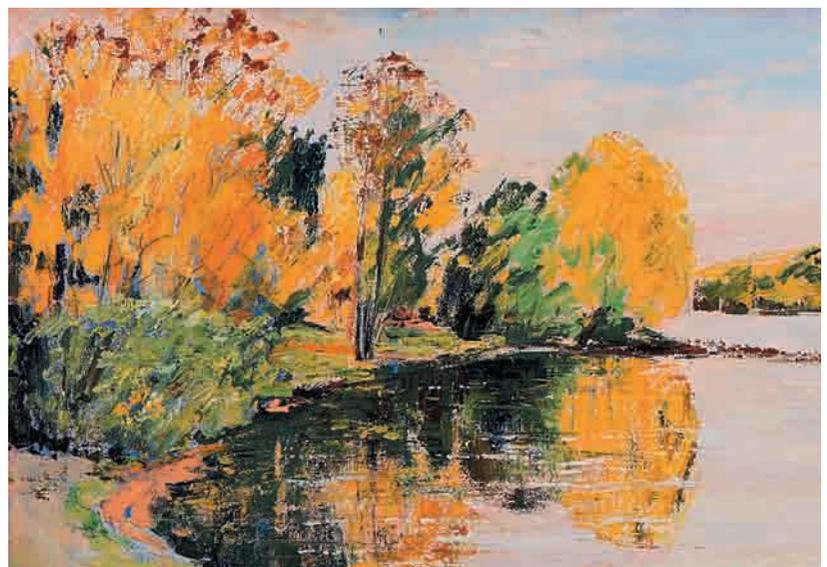
Анатолий показывает фотографию своей картины, которую никогда никому не продаст, — «Все дома». Детские красные сапожки, мужские ботинки и женские сапоги, высокие и изящные... Сквозь простой сюжет проступает то самое важное и самое главное, что чувствует каждый из нас, но не всегда может выразить, — любовь к близким и теплое, уютное счастье от того, что все вместе.

Наверное, именно это и есть главный секрет картин Макарова — мастерство передать то, что всем покажется родным, близким и любимым. Каждый видит в солнечной облепихе ягоды из своего сада, в яблоках — те самые, что срываешь летом с яблони на своей даче, в речке — ту, на которую в детстве бегал купаться.

Лето Макарова — это лето каждого из нас.

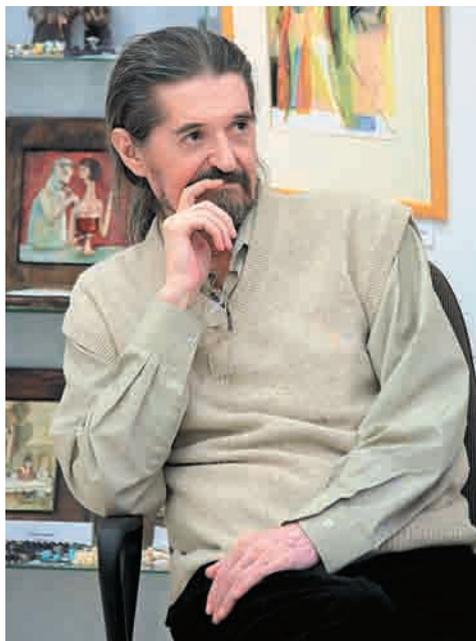

«Облепиха»

«Пейзаж»

Декабрьский солнечный дождь

Евгений АНДРЕЙКИН. Фото Вячеслава ДОНЕЦКОГО

В выставочном зале аукционного дома «Татьянин день», при большом стечении екатеринбургского бомонда, состоялась презентация альбома-каталога уральского художника Юрия ФИЛОНЕНКО «Солнечный дождь». Мероприятие прошло в самой сердечной атмосфере, чему, безусловно, способствовали проникновенные выступления поклонников творчества Юрия Николаевича, отдававших ему должное. То, что он явно заслужил. Так что об этом скажем особо: известный бескорыстием своих размашистых поступков, когда его работы направо и налево уходили в качестве дружеских подарков за просто так, маэстро и своей высокой одаренностью щедро делится со всеми нами, более трех с половиной десятков лет деятельнейшим образом участвуя в культурной жизни нашего региона.

О МАГИИ ЦИФР И СМЫСЛОВ

Юрий Филоненко родился в 1947 году в Луганске на Украине. Учился в знаменитом Львовском полиграфическом институте имени Ивана Федорова, где, памятуя о русском первопечатнике, из поколения в поколение поддерживали высокий уровень профессионализма выпускников.

Мастерство художественного редактирования книги и ее шрифтового решения здесь передавалось «из рук в руки», так

что Юрий Николаевич с благодарностью вспоминает педагога по типографике Юрия Яковлевича Гапона. Вспоминает и специалиста из тогдашней ГДР Альберта Капра, у которого повышал свою квалификацию в оформлении книжной продукции во время стажировки в Лейпцигской высшей полиграфической школе.

Вузовский диплом Юра получил в 1974-м. И тут не надо быть особо одаренным в различении потаенных смыслов и скрытой символики, чтобы заметить, как эти цифры «перекликаются» с годом его рождения. К тому же 1974-й — еще и дата приезда Юрия Николаевича в Свердловск.

Здесь началась работа Филоненко в Средне-Уральском книжном издательстве. И сложилось сотрудничество, превращавшееся в каждодневную учебу — а одновременно и творческое соперничество, — с такими замечательными художниками книги (возьмем только эту ипостась таланта приведенных в моей «обойме» мастеров), как Алексей и Нина Казанцевы, Виталий и Тамара Воловичи, Спартак Киприн и Георгий Кетов, Александр Рюмин и Виктор Реутов. И еще многие и многие художественные редакторы, иллюстраторы, книжные графики Урала. Как раз в те годы на деле смогли проявить себя практики, создающие макет книги на специальной модульной сетке, и о книжном дизайне все вдруг враз заговорили как об особой профессии. А тут еще в нашу жизнь ворвался компьютер, предлагающий неисчислимые возможности пространственных вариаций, колористических и композиционных решений, шрифтовых гарнитур...

К этому времени Ю. Филоненко — уже сложившийся профессионал, член Союза художников, автор замеченных коллегами и публикой незаурядных произведений живописи, станковой и книжной графики. За серию в технике гуаши по мотивам «Слова о полку Игореве» он отмечен на биеннале в Венеции (1987).

В 2003 году Филоненко присуждена премия губернатора Свердловской области в сфере литературы и искусства, в 2007-м он награжден Серебряной медалью Российской академии художеств.

Впрочем, те, кому посчастливилось стать обладателями альбома, обо всех этих филоненковских достижениях узнают в процессе перелистывания страниц. Ведь в альбоме представлены аж 226 работ художника

Юрий ФИЛОНЕНКО
приветствует
гостей презентации

«Браво, Елена Гончарова!» — только так можно адресовать свой респект главному редактору издания, по музеям и частным коллекциям отыскавшей столько Филоненко). К тому же художником альбома выступил сам Филоненко, коллегами которого стали один из мэтров нашего художественного редактирования Виктор Солдатов и мастер верстки и препресса Николай Бучельников. Так что, как говорится, смотрите сами!

ОБРЕТЕННАЯ САМОЦЕННОСТЬ

Конечно же, масштаб сделанного художником впечатляет. Даже у тех, кто регулярно ходит на выставки и периодически наведывается в Юрину мастерскую, вдруг возникает недоумение: да когда же он сумел столько «накрасить» (любимое словцо из жаргона живописцев), если все эти годы еще успевал «для поддержания штанов» заниматься издательской текучкой — счет оформленных им книг идет на сотни. Да еще и более полутора десятков лет вести в Уральской архитектурной академии студию книжного дизайна, дав творческий импульс новой генерации профессионалов!

Альбом композиционно состоит из разделов, которые — к примеру, «Обожженная память», «Ветер перемен» или «Лица моих друзей» — репрезентативно передают характер жанровых и стилевых исканий разных временных периодов творчества автора, представляют его знаковые работы.

Разумеется, у каждого почитателя творчества художника есть свои любимые работы, но, пользуясь случаем, назову, пусть и навскидку, те произведения мастера, новой встрече с которыми я сам был особенно рад. Это «Май Победы» и «Военно-полевой роман» (обе картины — 1986), «Друзья. Журавль и дед» (1987), «Портрет искусствоведа» (1988), «Ангел сушит кры-

лья» (1989), «Птица счастья» (1990), «Белый пес, сидящий у края холста и вне его» (1991), его работы недавнего времени — «Два диалектика. Брусиловский и петух» (2009) и многие другие.

Книгу сопровождают несколько искусствоведческих очерков, биографических справок и свободных по тематике эссе, принадлежащих перу Марины Романовой, Тамары Бондаревой, Людмилы Калининой, Евгения Зашихина etc. Отдельно отметим посвященную книжной графике Филоненко публикацию Александры Филонковой.

Нельзя не вспомнить и выступления тех, кто в предварении к альбому презентует институции и организации, оказавшие помощь в его издании. А здесь в качестве поклонников автора отметились премьер областного правительства Денис Паслер плюс многие известные руководители и предприниматели, как оказалось, еще и ценители изобразительного искусства.

Альбом, подготовленный Издательским центром «Мария» при поддержке Министерства культуры Свердловской области и местного отделения Союза художников России, не только станет подарком для любителей прекрасного, он — еще и важная, зримая и вполне материальная веха в духовном пространстве региона.

На вернисаже —
мэтры изобразительного
искусства Виталий ВОЛОВИЧ,
Сергей ГОЛЫНЕЦ,
Миша БРУСИЛОВСКИЙ

«КИНОПРОБА»: девятое последствие

*Более 120 фильмов начинающих кинематографистов
19 стран мира представил IX Международный
фестиваль-практикум киношкол в Екатеринбурге*

Международный фестиваль-практикум киношкол «Кинопроба» прошел в декабре 2012 года уже в девятый раз. Это истинно уральский фестиваль. Его идея родилась здесь, в местном отделении Союза кинематографистов России. Председатель Свердловского отделения СК РФ Владимир Макеранец — президент фестиваля, а доцент Уральского федерального университета, кандидат философских наук Лилия Немченко — арт-директор, неизменно креативный и активный. Это фестиваль-уникум: ни в России, ни в мире нет такого форума, где соревнуются не только студенты и дебютанты, но и целые киношколы. Ученики представляют свои работы вместе с мастерами.

УНИКУМ НАЧИНАЛ С МУЛЬТИКОВ

В 2004 году «Кинопроба» началась как фестиваль анимационного кино. В Екатеринбурге действует признанная уральская школа аниматоров, собравшая «все золото мира» на международных кинофестивалях. Уральская государственная архитектурно-художественная академия и Свердловское художественное училище готовят специалистов анимационного кино, работает детская студия «Аттракцион». Потом фестиваль конкурс пополнился короткометражными игровыми и документальными фильмами. И

с каждым разом расширяется география и растет количество творческих школ-участников. За эти годы, включая 2012-й, фестиваль показал и оценил лучшие учебные и дипломные работы студентов и дебютантов из России (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Челябинск), Беларуси, Киргизии, Австралии, Австрии, Великобритании, Германии, Израиля, Индии, Испании, Кубы, Польши, Словении, США, Франции, Чехии, Эстонии... И все это — на большом и малом экранах Дома кино. И прямо на его стенах — тоже.

ФИЛЬМЫ «НА ПРИЩЕПКАХ»

Жюри оценивает не только состоявшиеся фильмы, но и еще не снятые. Анимационные киноленты, которые значатся только в проектах: раскадровках и эскизах. В прошлые годы работы начинающих аниматоров и их сиюминутные рисунки можно было увидеть везде, в том числе и «на веревке» — как бельё прищепками, их прикрепляли в фойе второго этажа Дома кино на всеобщее обозрение. На девятой «Кинопробе» ограничились солидными планшетами на стенах. Но и при сугубо «академическом» оформлении эти проекты молоды и азартны. Сколько же фантазии и точности в воплощении мультяшных образов вновь проявили ученики профессоров архитектурно-художественной акаде-

Екатерина ШАКШИНА. Фото Вячеслава ДОНЕЦКОГО

Участники фестиваля — обсуждают...

...смотрят фильмы

мии Оксаны Черкасовой и Алексея Караева! Екатеринбургцы из УрГАХА заслуженно и закономерно заняли весь пьедестал почета в номинации «Проекты». Лауреатом стал Виталий Русаков (на «отлично» оценен его проект фильма «Хорошо или плохо»). Диплом жюри присужден проекту 14 студентов «Маленькие сказки Киплинга». В учебной работе эти ребята сумели изящно и забавно представить известные сказки «в исполнении» разных народов мира. Дипломом награжден и Павел Алексашин, автор проекта фильма «Топь», где вместе со способностью аниматора выдумывать затейливо и бесстрашно уже виден его художественный и личный опыт.

КОТ И ОДИНОЧЕСТВО

Перед церемонией награждения членов жюри спросили, была ли какая-то приоритетная тема среди множества разных фильмов из разных стран. Кинорежиссер Сиддик Бармак (Афганистан) ответил серьезно: «Одиночество...» А редактор интернет-издания kinokultura.com Биргит Боймерс (Великобритания) ответила весело: «Зайчики и коты! Такого количества симпатичных животных, как на «Кинопробе»-2012, я еще не видела...» Председатель жюри, кинорежиссер Андрей Звягинцев и редактор журнала «Искусство кино» Елена Стишова (Москва), урожденный екатеринбуржец, а теперь тоже москвич, режиссер анимационного кино Дмитрий Геллер подхватили «животную» тему. Оказалось, всем по нраву пришелся сильно пьющий кот из польского игрового фильма «Замерзшие истории» Гжегожа Ярошука (Национальная высшая школа кино, телевидения и театра, Лодзь).

Кот-алкоголик, которого полюбило жюри, принес удачу автору — приз за лучшую учебную работу. А одиночество старика, закончившееся с загадочным появлением очень целеустремленной курицы, — приз за лучшую анимацию учебному фильму «Из ниоткуда». Старик и курица созданы Маайан Тсуизель и Джессикой Майо в Академии искусств и дизайна Бецалель (Израиль).

Призы фестиваля

«F5» — ОБНОВИТЬ!

Ежегодно обновляется состав участников «Кинопробы». Фестиваль не тусовочный, а настоящий кинематографический. В одной связке здесь те, кто учит, и те, кого учат, — мэтры и молодые, и обе стороны осознают взаимную ответственность, и смена поколений здесь заложена самой жизнью. Впервые в России в Екатеринбурге на «Кинопробе» № 9 представила свои работы Международная школа кино и телевидения Кубы.

По мнению жюри, она стала приятным открытием, получив приз как лучшая киношкола. Абсолютным же победителем конкурса признан кинорежиссер Тимофей Жалнин из Санкт-Петербургского университета кино и телевидения с фильмом «F5».

Компьютерная клавиша с таким символом осуществляет функцию обновления открытой страницы. Так и две юные героини отправляются на конкурс современного танца, чтобы обновить свою жизнь победой. И компьютер, бывает, дает сбой, и у борющихся за приз тоже не получается «одним нажатием клавиши» открыть страницу поновому — чисто, красиво, ярко. Получилось у автора фильма — Гран-при. Но призом, даже самым главным, ничего не начинается и ничто не заканчивается. Сколько раз придется еще прибегать к опции «обновить»... всю жизнь.

На фестивальной афише в девятый раз самым озорным образом красуется его символ — клякса. Это не просто клякса. Художник в азарте творчества уронил на лист эту каплю туши, не растерялся и превратил ее в храброго и настырного человечка. Клякса стала человеком, а первые кинематографические опыты, может быть, в свою очередь, станут предшественниками замечательных фильмов. «Кинопроба» просто обречена и обрекает участников на такое обновление.

Гран-при достался Тимофею ЖАЛНИНУ за фильм «F5»

...отдыхают

Перед просмотром фильмов

Андрей Звягинцев: «Мы все Адамы и Евы»

Знаменитый российский кинорежиссер Андрей ЗВЯГИНЦЕВ пробыл в Екатеринбурге 76 часов. В процессе предварительных переговоров стало ясно, что времени на неделовое общение у гостя практически не будет. И действительно, расклад получился следующий: 24 часа ушли на работу председателем жюри фестиваля «Кинопроба» — просмотр конкурсной программы, полтора часа — пересмотр спорных фильмов, четыре часа — обсуждение итогов, выбор победителей. Полтора часовая встреча со зрителями после фильма «Возвращение», один час — пресс-конференция, полтора часа — на спектакле «Большая Советская энциклопедия» Николая Коляды. Церемонии открытия-закрытия фестиваля, трапеза, сон. Простые арифметические подсчеты показывают, что наше личное общение с Мастером складывалось из фрагментарных разговоров «между».

— Андрей Петрович, вы пришли в кино из театра. По театральному поводу, кстати, бывали и в нашем городе.

— Да, это был фестиваль «Реальный театр».

— Эйзенштейн, когда расставался с театром, говорил, что там слишком много человека, он хотел создать «новый театр», где человеку будет отказано в центральном положении, его энергия будет наполнять пространство наряду с другими вещами. У вас совершенно иное кино, но шаг был сделан аналогичный. Чем вызвано ваше решение?

— Я действительно изначально человек театральный. В 16 лет поступил в театральное училище. Естественно, хотел сниматься в кино. Потом стал студентом актерского факультета

ГИТИСа, наш мастер Евгений Николаевич Лазарев, будучи в 1986 году главным режиссером Театра на Малой Бронной, собирался создать на базе нашего курса основу нового театра. Но идее этой не суждено было реализоваться... Педагог по актерскому мастерству Владимир Наумович Леверттов добивался от нас подлинности существования на сцене. Я почему-то был убежден, что подлинность и мимезис тождественны. Когда мне говорили, что шепчу на сцене, с которой должно быть слышно героя, я огрызнулся. Я поверял искусство бескомпромиссной правдой жизни, ведь в жизни говорят, как правило, не очень громко. Только потом понял, что подражание, установка «как в жизни» — лишь повторение мира, а дальше что? В общем, в институте я был вроде изгоя. И вот на втором курсе совершенно случайно посмотрел фильм «Приключение» Антониони. Я понял, что есть другая условность. Потом были Трюффо, Годар, Фассбиндер, Тарковский, я десять лет смотрел фильмы в Музее кино, там, собственно говоря, и пришло осознание необходимости перехода в кино. Больше всего меня занимал новый язык. Есть условность театрального пространства, диктующая актеру особый способ существования, а киноусловность — это пространство, которое задается режиссером. В театре актер «обживает» и дополняет собой пространство. Он его все время сам завершает. В кино все безусловно (я даже не беру в расчет документальное кино). В кино пространство творится режиссером. Ты можешь выбрать одну-единственную вещь, построить нужный именно тебе дом. В кино мы имеем дело с ни с чем не сопоставимой точностью в вещах, правдой деталей. Здесь, конечно, дают о себе знать границы природы, приводящие к неожиданным режиссерским признаниям. Так, Курасава спросили, откуда он взял для фильма «Ран» такой общий план. Курасава ответил: «Знаете, в пяти дюймах вправо — токийский аэропорт, а в девяти дюймах влево — вывеска «Кока-кола».

Это кино». И все-таки вещный мир, из которого рождаются обстоятельства жизни, в кино — это особый уровень подлинности. Ты (как режиссер) выстраиваешь артефакты, отбираешь предметы...

— И от этой физики вы делаете переход к метафизике... Но до метафизики не все в кино доходят... Вы рассказывали о конструировании в «Возвращении» эпизода первой встречи детей с отцом, это и есть преодоление простого мимезиса («как в жизни»)?

— Сначала завершим разговор про разные условности. Вот, к примеру, в театре я хочу показать такую сцену: супруги после серьезной ссоры поутру молча завтракают. Если даже я найду зрителей, которым будет интересно наблюдать за молчащей завтракающей парой, в лучшем случае мы станем свидетелями конкретной бытовой ситуации. В кино же я могу вывести эту интровертную по своей сути сцену на другой уровень, уровень иного обобщения, все будет зависеть от того, где это молчание будет разворачиваться.

Теперь о «Возвращении». План, когда мальчики входят в дом, мне приснился. По сценарию дети видят бицепсы и татуировку отца, и это их увлекает. Если бы я снял эту сцену в интерьере среднестатистической узнаваемой комнаты с сушеными грибами на стене, занавесочками, фикусом, с вещами на спинке кровати, а Лавроненко был бы снят в профиль или в три четверти, получилась бы совершенно другая, бытовая история. А когда дети входят и видят (и зрители вместе с ними) актера в позе «Мертвого Христа» Андреа Мантеньи, то сразу пропадает смысл задавать вопросы типа: кто этот отец, где был отец и т.п.

— Тем не менее эти вопросы вам задавали не раз.

— Конечно, не зря же я начал свое выступление после фильма с признания, что у меня есть три любимых вопроса: «О чем фильм или что вы хотели этим сказать? Что было в ящике? Где 12 лет был отец?»

— Согласитесь, для многих зрителей без ответа на второй и третий вопросы невозможно подступиться к первому. Соблазненные достоверностью «иллюзиона», они не хотят иносказания. А вам оно зачем? Как от любви к артефактам вы выходите к мифу, символике?

— Миф — это и есть реальность, идея, облаченная в тело. Миф — абсолютная реальность, ибо она позволяет действовать разным пределам. Мы все — Адамы и Евы, это только нужно вскрыть. Кино может это открытие сделать видимым. В «Возвращении» для меня был важен переход от Ветхого Завета к Новому. Бог Ветхого Завета — жесткий, твердый, давший закон и требовавший повиновения. Бог Нового Завета изменил свое отношение к людям. Я так это интерпретирую. Согласитесь, мы весь фильм ждем доказательств, отец это или все же не отец. Но вот он лезет на вышку, пытаясь остановить сына, понимая, что тот может погибнуть, и про-

износит слово «сынок», а до этого мы от него слышали только «Иван». Этот краткий миг — предел доказательства отцовства.

В «Изгнании» Алекс для меня — новый Иосиф, который опять (уже не в библейские времена) не слышит голос ангела. Одним словом, миф — это и есть подлинная правда происходящего с нами в конкретном месте и в конкретное время или независимо от места и времени.

— После «Елены» возник вопрос: что вам дает переход от метафизики к социальной драме?

— Никакого перехода не было. «Елена» и, кстати, мой следующий фильм «Левиафан» — это метафизика чистой воды, только в одеждах современности. Я исхожу из того, что человек в основном не меняется. Просто наступает такое время, которое как бы вытаскивает из многообразия потенциальных человеческих возможностей и задатков нечто. Вот, к сожалению, в России сейчас именно такое время, поэтому появились Елена и ее сын. В отдельно взятом человеке совершается Армагеддон, но кто мешает проецировать это на себя?

— Андрей Тарковский когда-то писал, для какого зрителя он точно не снимает кино, я помню, что в этом списке он упоминал мам и дочек, плачущих на индийских фильмах. Но во времена Тарковского была система проката. Сегодня все зависит от случая. У нас в Екатеринбурге очень хорошо прошла, например, «Елена», а вот от нас вы едете в большой город Ижевск, где проката фильма не было. Сегодня нам все время объясняют, что зритель хочет смотреть только аттракционы. Надоевший вопрос о прокате: каков он сегодня?

— У меня грустный взгляд на вещи. Зритель молодеет. Вот цифры: в России 2700 экранов (мультиплексы, где по пять-шесть залов, в их числе), в США — 40 тысяч экранов, из них 300–500 показывают артхаус, авторское, интеллектуальное кино, в России таких залов — порядка 20. Так что перспективы печальны. Прокатчиков интересует только полный зал. При этом они говорят, что у нас в России «плохое кино», зритель на него поэтому не ходит. Но хорошее просто не выпускают на экраны! Почему средний зритель и молодеет — показывают лишь то, что понижает селекцию до инфантильной возрастной категории, которой нужны только «стрелялки». Эта общая тенденция наметилась давно и в нашем кино доминирует.

— На встрече в Екатеринбургском Доме кино вы говорили о будущем своем фильме «Левиафан»...

— Это современная социальная драма, происходящая в провинциальном городке. В истории задействованы порядка 10–12 персонажей. В центре внимания семья. Мне хочется надеяться, что к финалу эта история приобретет масштаб очень большой и трагический.

Наше знакомство с Андреем Звягинцевым состоялось в 2009 году на фестивале «Начало» в Санкт-Петербурге. Он был в жюри фестиваля киношкол и проводил мастер-класс. Я пригласила его на «Кинопробу», он ответил, что запускается с фильмом и «выпадает из жизни» на два года. Через два года вышла «Елена». И Звягинцев приехал в Екатеринбург.

«В кругу 7И» тепло

В рамках XII кинофестиваля «В кругу семьи», прошедшего в Екатеринбурге, впервые показали новый спектакль Кшиштофа Занусси с участием знаменитых российских актеров «Воспитание Риты». История простой девочки со счастливым финалом, о том, что у каждого есть выбор. Мировая театральная премьера стала «неформатной» изюминкой смотра фильмов разных жанров – от игрового полного метра до анимации и документального кино. В программу фестиваля вошли картины для родителей, детей, бабушек и дедушек от режиссеров из Голландии, Индии, Кореи, России, США, Швейцарии и других стран. Организаторы утверждают: лучший эффект достигается, если смотреть эти ленты в кругу семьи.

Гость фестиваля
Микеле ПЛАЧИДО

«СЕКРЕТНЫЙ» ГОСТЬ

Средний Урал в начале зимы превратился в настоящую киностолицу. Такое средоточие звезд мирового уровня на одном кинофестивале говорит о высоком уровне мероприятия и еще о глобальном смысле всего происходящего – будущее мира за истинными ценностями, которые прививаются с первых дней жизни человека.

В Екатеринбург прибыл итальянский актер и режиссер Микеле Плачидо, его визит стал неожиданностью для гостей и даже многих участников «В кругу семьи», до последнего организаторы держали имя приглашенной звезды в секрете. По-европейски одетого «комиссара Каттани» Урал встретил 20-градусным морозом, пришлось срочно искать для гостя шубу, чтобы удалась предусмотренная программа: катание на собачьих упряжках и осмотр местных красот. Кульминацией программы стал международный кулинарный поединок. В нем приняли участие команды трех стран: от Италии Микеле Плачидо, от России Светлана Светличная, от Украины Владимир Талашко. Герой «Спрута» встал к плите,

Кшиштоф ЗАНУССИ
вышел на поклон с актрисами

чтобы приготовить традиционную итальянскую пиццу, получилось очень по-семейному.

Прощаясь, Микеле Плачидо пообещал генеральному продюсеру общенациональной программы «В кругу семьи» Александру Ковтунцу приехать еще не раз и согласился рассмотреть возможность создания совместного российско-итальянского кинопроекта.

«НАИВЫСШАЯ ТОЧКА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА»

Фестиваль «В кругу семьи» создается сотнями людей, но ассоциируется с первыми лицами: его президентом Ириной Алферовой, художественным руководителем Валерием Золотухиным и почетным гостем, польским режиссером и драматургом Кшиштофом Занусси. Они же задают главную идейную линию.

Больше 20 лет К. Занусси работает с российскими актерами, в 2011 году ставил в Москве и в Свердловском театре драмы спектакль не для всех «Король умирает», нынче – напротив, понятную любому историю по пьесе Уилли Рассела. О настоящих ценностях. О том, как простая девушка глубоко чувствует неполноценность той жизни, которой живут она сама, ее семья и друзья. Разорвать пути – не только сословные, «классовые», но, что куда сложнее, психологические – ей помогает погружение в культуру.

– Спектакль укладывается в идеологию кинофестиваля, к счастью, она понимается широко, – сказал Кшиштоф Занусси. – Поднимается вопрос о том, что человек должен расти нравственно, духовно. Эта пьеса прошла весь мир, с успехом была снята кинокартина. Смысл в том, что человек может вырваться. Девушка из провинциальной парикмахерской тянется к театру, опере, к искусству, она хочет разобраться в том, что не знает, не понимает. Она осознает, что смысл жизни – не вещи, не покупки, не машина, а участие в красивых действиях, в переживании истинных чувств. В культуре она нашла то, что искала, потому что культура – наивысшая точка развития человека.

ПОБЕДИЛ ФИЛЬМ О НОВОГОДНЕМ ЧУДЕ

Мировая премьера Занусси шла вне рамок конкурса, и, пока польский режиссер принимал поздравления коллег, участники кинофестиваля ждали оценок представительного жюри во главе с нашим знаменитым земляком Владимиром Хотиненко. В этом году лучшим по итогам смотра стал российский фильм «Со мною вот что происходит» режиссера Виктора Шамирова. Это история, которая случилась в канун Нового года. В

В зале перед просмотром

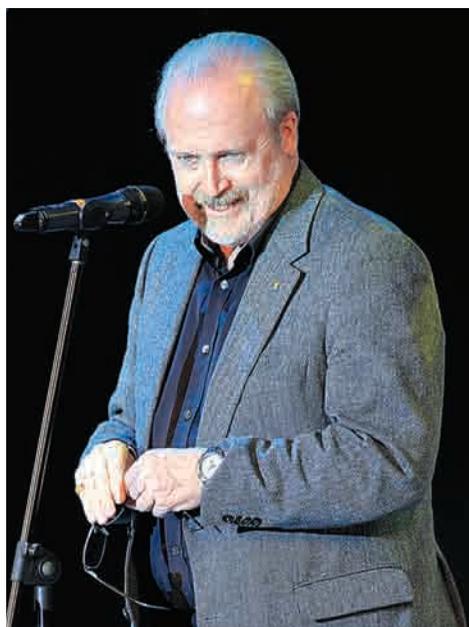

*Президент фестиваля
Ирина АЛФЕРОВА*

преддверии праздника два брата узнают, что их отец неизлечимо болен. Рядом с трагедией фоном идет обычная жизнь, казалось бы чудовищно нектати. Однако эти будничные разговоры, калейдоскоп чужих судеб дают надежду на то, что выход есть из любой, даже самой трудной ситуации... Главные роли в картине исполнили известные актеры Гоша Куценко, Олеся Железняк, Александра Петрова и сам режиссер картины.

Приза за лучшую мужскую роль был удостоен Ильяс Салман, создавший образ героя в картине «Ночь тишины», а награду за лучшую женскую роль получила Мария Смольникова («Дочь»). Лучшей режиссерской работой члены жюри признали фильм «Королевство полной луны» американца Уэса Андерсона. Триумфатором фестиваля стала еще одна российская картина – «Частное пионерское» Александра Карпиловского. Этот фильм признали лучшим профессионалы во главе с режиссером, кинодраматургом Владимиром Грамматиковым. Свою высшую награду этой ленте вручили и члены детского жюри. Специального приза фестиваля удостоен продюсер фильма «Голливудский хлам» Игорь Черноголов.

«В кругу семьи» – это всегда событие не только для региона, но и для всей России. Доступная и понятная форма обмена мнениями, информацией, установления деловых и творческих контактов, но, главное, просто человеческого общения. Пять дней в Екатеринбурге шли показы, более 50 полнометражных художественных, короткометражных, документальных, игровых и анимационных семейных и детских фильмов из 15 стран мира посмотреть могли все желающие и бесплатно. А гости и участники фестиваля провели встречи и акции в детских домах, детском онкогематологическом центре, воспитательной колонии для несовершеннолетних, в домах ветеранов. Мастер-классы известных российских и зарубежных актеров и режиссеров состоялись в высших учебных заведениях. Мероприятие не ограничилось одним городом, концерты и киносеансы были организованы в Верхней Пышме, Каменске-Уральском, Верхотурье, Нижнем Тагиле.

*Режиссер, актер,
кинодраматург
Владимир ГРАММАТИКОВ*

*Председатель жюри
Владимир ХОТИНЕНКО*

Нынче «В кругу семьи», или, как еще пишут это название, «В кругу 7И», оказался символичным с точки зрения нумерологии: седьмой кинофестиваль открылся 7 декабря, а день закрытия выпал на 12-е число 12-го месяца 12-го года. Участники и организаторы верят, что это доброе предзнаменование и в каждый дом, в каждую семью придет удача, а круг семьи будет шириться.

Праздник, который всегда с тобой

«Стать немножко лучше...»

Со знаменитым европейским режиссером Кшиштофом ЗАНУССИ беседует министр культуры Свердловской области Алексей БАДАЕВ

— Господин Занусси, размышления о будущем культуры в ваших книгах «Между ярмаркой и салоном» и «Пора умирать» достаточно безрадостны. Вы пишете: «Культура заходит в тупик, пора умирать или идти на пенсию». В общении тем не менее предстаёте человеком достаточно оптимистичным. Вы постоянно ставите спектакли, снимаете фильмы, участвуете в большом количестве фестивалей различного уровня. Как все это сочетается?

— Культура, безусловно, развивается. А оптимистом я себя не считаю. Я реалист, пробую смотреть правде в глаза. То, что было в XIX веке, — дети работали в шахтах, в деревнях голодали, большинство людей было безграмотно... Все это прошло, сейчас появился средний класс, в котором уровень образования довольно высок. Уже есть богатство, доступное всем: все летают на самолетах, ездят на поездах. В XIX веке это была привилегия элиты. А для кого была культура высокая, литература в XIX веке? Только для элиты. Сейчас есть массовая публика, и она читает книги, низкого уровня, но читает. Люди слушают разную музыку, но, мы знаем, число слушателей оперной музыки увеличилось в сотни раз. В этом смысле можно быть оптимистом. А с другой стороны, то, что было высокого уровня, сейчас его потеряло... Но я буду до конца жизни бороться за высокую культуру. Радуюсь, что она все же живет, хотя такой силы, как когда-то, уже не имеет.

— Вы пишете, что филармония — это учреждение, которое финансируется за счет налогов всех людей в пользу того небольшого количества людей, которые слушают...

— Конечно, так было всегда. Филармония — это тоже из XIX века. Еще раньше и Моцарт, и другие писали музыку для 60–80 слушателей, высокообразованных, влиятельных людей. И мы помним эту музыку, а попса в то время тоже существовала... На ярмарках, в ресторанах тоже люди что-то играли, что-то пели, что-то танцевали. Но мы это забыли, это была музыка невысокого уровня. Сейчас, когда уже нет корней, когда «могучие» этого мира уже совсем другие, государство взяло на себя обязанность поддерживать высокую культуру. Филармония, конечно, работает для меньшинства. Вы знаете, сколько нужно доплачивать за одно кресло в оперном, драматическом театре и в филармонии. Но все-таки мы понимаем, что без этого развития не будет. Это необходимо.

— Вы один из немногих людей, кто не стесняется говорить, что есть элита, которая определяет пути развития. Вы предлагаете даже: если вам не нравится слово «элита», называйте ее «авангардом»...

— Авангард — лучше звучит.

— ...хотя вокруг все говорят совершенно о другом, о «глазе народа». Ваши размышления, совершенно естественно, вызывают много вопросов.

— Ответы должен найти сам читатель.

— Многие вещи задевают за живое. Позвольте процитировать ваш текст: «Если вспомнить о временах, когда творили Томас Манн или Альбер Камю, когда в театре появлялись пьесы Ионеско, Фриша или Беккета, тогда то, с чем мы встречаемся сегодня, — это тень минувшей славы. Высокому искусству уже не сопутствует тот особый вид энтузиазма, который мы помним в 60-х». Вот это размышление как-то кор-

релирует с тем, что говорят сегодня: нет современного искусства, нет современной драматургии, все плохо, и мы должны чаще обращаться к классике. Вы же сам автор, пишете пьесы, снимаете фильмы по собственным сценариям...

— Я просто знаю, какой зритель сегодня. Более ленивый, у него нет такого амбициозного подхода, который был в Европе в 60-е, 80-е годы, время, когда шел подъем. Люди так рвались к высокой культуре. Они начинали одеваться по-другому, слушать другую музыку, петь другие песни, ходить в другие театры. Английский историк Тойнби сказал: «Пока народ имитирует элиты — это время развития, а когда элиты начинают имитировать народ — это время распада». Если мы позволяем себе дешевые развлечения — это момент определенного распада. Человек должен тянуться вверх. С другой стороны, я не забываю, что элиты стареют, впадают в склероз, что высокое искусство тоже бывает уставшим, академическим, мертвым. И это тоже причина того, почему люди не всегда тянутся к высокому искусству, но это процесс, который проходил в течение веков, и он повторяется.

— Какие у вас еще любимые авторы в театре, кроме тех, кого вы назвали в книге?

— В театре я с огромным уважением отношусь к англосаксам, которые не экспериментируют, не отходят от определенного реализма, они гораздо более на земле, ничего не приукрашивают, но там есть человеческое. Я даже на Бродвее вижу пьесы, которые можно смотреть серьезно, и они не глупые, в них есть сильные чувства. А скажем, сегодняшний немецкий театр — это такие остатки экспрессионизма и постоянная ревизия всего, и, наконец, это не интересно, чувств уже не вызывает. Поздний театр Любимова, то, что я видел на Таганке, — там тоже уже было что-то уставшее от авангарда. Вообще авангард легко стареет...

— Несколько слов об Эжене Ионеско, с которым вы были лично знакомы.

— Я ставил одну его пьесу 30 лет тому назад в Мюнхене, многое хотел вырезать и сделать по-другому, для этого требовалось согласие автора, и я с ним связался. Был очень интересный разговор с необычным человеком, с абсолютным человеком театра! Он играл всю жизнь, и по телефону, и когда мы встретились. Он согласился, чтобы я сделал то, что хотел. Сегодня уже режиссеры делают все, что захотят, и не спрашивают авторов. В то время это было не только вопросом вежливости, но вопросом принципов, надо было спросить автора, согласен он или нет на такую интерпретацию.

Я потом ставил и оперный спектакль на основе его либретто, это было уже в 80-е годы. Меня тогда очень удивило, что это была чисто религиозная пьеса. И на пресс-конференции, когда ему задали вопрос: как вы прошли от театра абсурда к религиозному театру, он как будто разозлился (конечно, это была игра) и сказал: я никогда не был автором театра абсурда. Хотя он был им, и мы все знаем его как автора театра абсурда. Он сказал: «Я был реалистическим автором, это мир без Бога был абсурдным, я его так показывал».

— Но театр абсурда, наверное, и стал главным событием XX века, потому что он питал совершенно все: и Восток и Запад, все течения, которые были. Казалось бы, он все отвергает, но на самом деле он вбирает все в себя.

— Да, вбирает. Прежде всего, я думаю, он переживает это все как драму, как трагедию, а не как развлечение.

— Почему вы предпочитаете репетировать у себя дома?

— Видите ли, театр не должен попадать в рутину, которая его убивает: учреждение, в котором работают за зарплату. Театр должен таить в себе авантюру. Мы работаем у меня дома — там все по-другому. Совсем другое общение. Актеры узнают друг друга лучше, потому что живем вместе, гуляем вместе в парке, с собаками. В этом есть что-то, чего нам сейчас не хва-

тает. В корпорациях, вы знаете, делают разные вечера, чтобы люди были ближе друг к другу. В театре это тоже нужно. Это мое пожертвование моим домом и жертва моей семьи, которая на это согласилась. Но это очень помогает, приводя к полной концентрации — работа с утра до вечера.

— Ваш домашний театр со сменяющимися труппами — это не проявление грусти по так и не созданному своему театру со своим зданием?

— Нет, я в основном занимался кино. Сейчас иногда легче пробиться к публике в театре, в театре она все же избранная... А массовая и очень молодая публика — в кино. Она иногда бывает для меня уже недоступна. Если им нужно развлечение в 3D — это не для меня. Хотя, если придется снимать в 3D, буду снимать. Но меня к этому не тянет, мне это не нужно. Я, как бывший физик, прекрасно знаю, что мы не видим мир в 3D. Мы видим в двух плоскостях. Это просто придумка, чтобы продать новый товар. Но это интересный момент, связанный с кризисом современного мира. Мы мало мечтаем, мы слишком серьезны... Я участвовал в нескольких экономических саммитах, так вот экономисты говорят, что кризис современного общества пошел от рекламы. А чем вредит реклама? Тем, что она уже не представляет товары, а придумывает наши желания, которых мы на самом деле не имеем. 3D — это одно из таких желаний, которое никому не нужно. Но нас уговаривают: вам нужно 3D, вы его полюбите и выбросите свой телевизор. И много таких вещей. К примеру, апартаменты в Дубае... Я знаю, многие богатые русские покупают. Одним поколением раньше то же самое было на Западе. А потом жалуются: зачем я это купил? Ехать туда не хочу, а продать это невозможно! Почему люди покупают джипы, а потом ездят на них по нормальным дорогам? Реклама уговорила. Окончились элементарные потребности. Сколько можно иметь жилья? Сколько можно иметь машин? Оказывается, голова дошла до момента, когда уже не знает, что ей нужно. Хвост, конечно, бедный, и хочет жить, как голова. Это правда. Но кризис сегодня — это то, что люди не знают, о чем еще мечтать. И кино тоже не знает, что ему нужно, и думает, что 3D его спасет. Но ему нужны чувства, а не 3D.

— С чем связано ваше участие во многочисленных саммитах по всему миру?

— Меня удивляет череда приглашений на различные встречи, как и то, что я на них часто откликаюсь. Недавно меня пригласили в Россию, просят выступить в высоком собрании на тему мультикультурности, входящей в моду в России тогда, когда вся Европа потерпела крах с этой идеей. Мы сейчас осознаем серьезную угрозу исчезновения европейской цивилизации, мы не так уверены в себе, как еще 30 лет назад. Растут другие цивилизации, у которых есть огромная динамика. И если мы не сможем противопоставить им нашу динамику, если у нас не будет свежей мысли, инноваций, энергии и веры в себя, в то, что мы добились того способа жизни, который превосходит все, чего добился другой мир... А в нас этой веры мало. И в России этот недостаток ощущается. А нам удобно быть самой развитой цивилизацией, мы привыкли к нашему первому месту. И что будет дальше?

— А вы все-таки верите в то, что театр может что-то изменить в душах зрителей?

— Глубоко верю. Настолько, насколько вообще можно что-то изменить в душе человека. Но театр может эту каплю добавить. Театр — место мечты и развития в человеке поэтических смыслов. Я надеюсь, что это может на людей повлиять, дать им импульс подумать и потом жить немножко по-другому. Хороший спектакль — тот, после которого человек выходит немножко лучшим, чем был до прихода в театр. А если он вышел таким же, каким вошел, значит, он потерял время.

В 2012 году известному артисту, нашему земляку Александру ДЕМЬЯНЕНКО исполнилось бы 75 лет.

Александр. Не только Шурик

ОН МЕЧТАЛ О ДРУГИХ РОЛЯХ

...1967 год. Арамил. Небольшая чайная. Съёмочная группа фильма «Угрюм-река». Только что отсняли сцену, когда пьяный Прохор Громов возвращается домой и у подъезда его встречают чада и домочадцы. Все в группе очень устали. Предстояла еще дорога до Свердловска. Заказали пельмени и немного выпить. И тут исполнителя роли Ильи Сохатых Александра Демьяненко, человека скромного, немногословного и обычно закрытого, вдруг

прорвало: «Надоело быть Шуриком! Хочу сыграть новые роли, чтобы зрители смотрели на меня иначе!»

Присутствующие были удивлены. Находясь в зените славы, благодаря комедиям Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», «Кавказская пленница», он, оказывается, мечтал о другом. Да, режиссеры чаще использовали лишь его типажные данные: застенчивый, интеллигентный, обходительный, романтический юноша-очкарик. А он видел себя в образах социальных, сложных, драматичных, конфликтных.

Безусловно, был и другой Демьяненко. В фильме «Мир входящему» Алова и Наумова его Ивлев приходит на войну наивным мальчиком, но, столкнувшись с фронтовой жизнью, мужает и взрослеет. В одном из писем отцу, которое мне довелось читать, Александр замечает, что этот герой ему чем-то даже неприятен, но он хочет показать образ в развитии, говоря актерским языком, «довести». Демьяненко вообще был из тех, кто привносил в роль много своего.

В фильмах «Порожний рейс», «Государственный преступник», «Сколько лет, сколько зим» артист пытался избежать клише, одноплановости, стремился раскрыться по-новому. Но жизнь распорядилась так, что он остался в памяти зрителей, прежде всего, Шуриком, из-за чего, собственно, всегда немножко страдал. Правда, сегодня, спустя годы, видится приверженность актера единой теме — познания молодым человеком окружающего мира, поиска своего пути в нем через ответы на извечные вопросы «кто я?» и «зачем я?». Путь его нередко лежал через приключения; обстоятельства, в которые попадал герой, бывали смешными, комедийными.

Шурик состарился и стал... невостребованным. Далеко не лучший сериал «Клубничка» показал, что Демьяненко там делать нечего. Он, как человек творческий, понимал, что кино уже, видимо, не для него, потому и ушел в театр, где работал до последних дней.

ЧЬИМ ГОЛОСОМ ГОВОРИЛ БАНИОНИС

Остались его знаменитые, популярные до сих пор фильмы. Остался его голос. Многие отечественные и зарубежные фильмы дублировал Демьяненко. Своим успехом у русскоязычной публики картины «Никто не хотел умирать», «Мертвый сезон», «Командир счастливой «Шуки» обязаны и незримому мастерству Демьяненко, говорившего за литовского артиста Донатаса Баниониса. Режиссеры, при-

Алексей МОЛЧАНОВ

глашавшие его дублировать эти кинобестселлеры, попадали, что называется, в десятку, ибо речь Демьяненко великолепно ложилась на «изображение» героя.

На Свердловскую киностудию Демьяненко приглашал Ярополк Лапшин, сниматься в картинах «Угрюм-река» и «Приваловские миллионы».

— «Угрюм-река» произведение многоплановое, — рассказывал в свое время Ярополк Леонидович. — Актеров нужно было много. Встал вопрос об Илье Сохатых, написанном Шишковым не просто сочно, но иногда с комедийным уклоном. Я-то считаю, что это персонаж трагикомический. Демьяненко оправдал наши надежды.

В «Приваловские миллионы» режиссер пригласил его на роль Виктора Бахарева, сына купца-старообрядца. Аккуратно Лапшин помогал «Шурику» избавиться от жестов, интонации, мимики героя гайдаевских лент. И роль тоже получилась...

Следующая точка рассказа — Свердловская государственная телерадиокомпания, где состоялся режиссерский дебют Александра Демьяненко: экранизация рассказа Куприна «Святая ложь».

— Прошло уже 30 лет. И я, честно говоря, лишь недавно понял, почему он это сделал: здесь много личного, — считает оператор картины Евгений Цигель. — Жизнь у Саши была непростая, честно говоря. Для него было важно сделать эту картину о тонких взаимоотношениях. Ну и, конечно, прикоснуться к Куприну. Когда съемки «Угрюм-реки» шли к финалу, он появился в редакции со сценарием: «Посмотрите! Я думаю, недельки за две мы сможем сделать». «Как за две недели? — возразили мы. — Материал сложный, надо отобрать натуру, сделать декорации...» «Все будет нормально. Завтра мы с оператором поедем по точкам, посмотрим, что и как», — успокоил Демьяненко. Действительно, когда мы поехали с ним на следующий день «искать натуру», Саша совершенно четко знал, где и какой план будем снимать: где проход, где панораму. Я понял, он вынашивал это в себе очень давно, готовился...

Демьяненко поставил обязательное условие, чтобы в роли матери снималась Екатерина Уварова из Ленинградского театра комедии, и та специально приехала на съемки. А сам Александр в роли Семенюты оказался великолепным психологическим актером. Еще одна попытка выбраться за рамки амплуа?

«МЫ ОЩУЩАЛИ ЕГО ПОДДЕРЖКУ»

Родился Шура Демьяненко в Свердловске. Здесь по-прежнему живут его родные, друзья. Отец, Сергей Петрович, работал на кафедре музыкально-сценической подготовки консерватории, режиссером и актером мимических ролей в театре оперы и балета. Свои первые шаги на сцене Саша сделал в оперном под руководством отца.

Будучи студентом ГИТИСа, он писал: «Здравствуй, папа! Очень-очень виноват перед вами. Так долго молчал. Этот месяц для меня действительно был сумасшедшим. Съемки, генеральные репетиции, прогоны. И наконец, спектакли, спектакли. Я бы сказал, имеем мы некоторый успех. Был Топорков на спектакле. Сказал, что у меня очень хорошо получается, когда я слушаю партнера, приходил поздравлять Марков и т.д. Фильм с моим участием выйдет на экран в декабре».

— Александр часто приезжал в Свердловск, — рассказывает его сестра Наталья Сергеевна. — Останавливался у меня. Свободное время чаще всего проводил за чтением книг. Когда заболела мама, Саша дважды устраивал ее в ленинградскую больницу. Вообще, мы с сестрой Татьяной все время ощущали моральную и материальную поддержку с его стороны. Как-то, будучи у брата в гостях, смотрела спектакль «Уик-энд с убийством» Ленинградского академического театра комедии имени Акимова с его участием. И поняла: публика пришла специально «на Демьяненко». Ему устроили овацию, подарили большой букет цветов.

В апреле 1999 года брат проходил медкомиссию для получения водительских прав. А врачи положили в больницу, откуда он уже не вышел. Отказало сердце. Меня поразило, сколько народу пришло проводить его в последний путь...

*Александр ДЕМЬЯНЕНКО —
Илья Сохатых
в фильме «Угрюм-река»
(Свердловская киностудия).
1968 год*

*В гостях у родных
в Екатеринбурге*

Уральская генерация «ЖИВЫХ КАРТИНОК»

Уходящий год был объявлен Годом 100-летия российской анимации. Отсчет повели со дня первой официальной мультипликационной премьеры в России. Это был короткометражный фильм «Прекрасная Люканида, или Война усачей с рогачами», по ходу которого жуки разыгрывали сцены, пародирующие сюжеты из рыцарских романов. Автор первого мультфильма Владислав Старевич применил удивительную технику, как мы говорим сегодня, кукольной анимации. Он сделал из панцирей жуков-рогачей муляжи и покрупно снимал их «движение». Такая техника была тогда совершенно неизвестна, поэтому во многих отзывах сквозило изумление тем, каких невероятных вещей можно добиться дрессировкой насекомых. Фильм, в котором были сохранены все элементы псевдоромантических костюмно-исторических драм — сюжетное построение, костюмы, элементы интерьеров и архитектура, вызвал огромный интерес у зрителей. Знаковым этапом развития отечественной анимации считается ее бум в 1932–1936 годах, когда было выпущено немало завоевавших успех фильмов, в числе которых и первый в мире полнометражный мультипликационный фильм «Новый Гулливер» режиссера Александра Птушко. В 1936 году в СССР была создана киностудия «Союздетмультфильм», чуть позже переименованная в «Союзмультфильм», которая заложила индустриальную основу советской мультипликации.

Свердловская анимация «зазвучала» в 70-х годах прошедшего века. Тогда на телеэкранах появились «мультки» «Свердловсктеелефильма». Многим памяты «Легко ли быть храбрым?», «Я рисую красный лес», «Русские потешки», «Буренка из Масленкина», «Я встретил вас» («Под шорох шин»), серия фильмов о Муми-Доле. В них вложили свой талант режиссеры Анатолий Аляшев, Михаил Шаров, художники-постановщики Андрей Евладов, Борис Демидов, Евгения Стерлигова, другие свердловские телевизионщики, выбравшие путь, как тогда говорили, мультипликаторов.

Начиная с 80-х годов XX века уральская мультипликация дает сильный крен в сторону авторской анимации. В Свердловске стали появляться философские фильмы Владимира Петкевича, мягкие и лиричные — Алексея Караева, простые и наивные, основанные на народном прикладном искусстве, — Оксаны Черкасовой, глубокие и ироничные — Сергея Айнутдинова, живописно-изысканные — Александра Петрова.

«Мы питали иллюзии — благодаря им все и происходит»

О возникновении авторской анимации на Урале и продолжении ее традиций рассказывает член правления Уральского отделения Союза кинематографистов России, председатель Свердловского регионального отделения ВТОО «Союз художников России» Сергей АЙНУТДИНОВ.

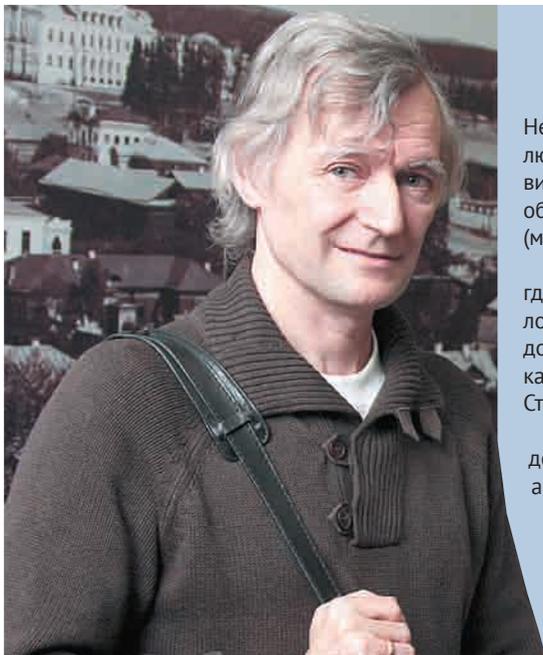
— **Какими качествами, на ваш взгляд, должен обладать аниматор, чтобы создавать авторское кино?**

— Создавать мультипликационные картины — тяжелый труд, поэтому главное для аниматора — усидчивость. В нашей работе без этого качества сложно. Нужно много часов проводить за столом, отрисовывая кадр за кадром. Это очень точная и кропотливая работа. Порывистость здесь противопоказана. Надо быть трудоголиком, ведь десятиминутный фильм — это свыше десяти тысяч рисунков. Каждый из них необходимо нарисовать на кальке, затем перевести на целлулоид, потом этот целлулоид раскрасить и сложить. Так возникает один оживший кадр. Вся информацию о том, где и в каких позах будут располагаться персонажи, нужно держать в голове. Вот так аниматор много часов сидит и рисует, рисует, но наступает момент, когда картинка оживает, именно в этом счастье. Кто-то на это не ловится. Это иллюзия, что заниматься мультипликацией может каждый, это не каждому дано, это люди, отмеченные Богом. По-другому не могу объяснить. Хороших художников после учебных заведений много, а таких, как Александр Петров, больше нет. В нем идеальное сочетание человеческих ка-

честв — громадная усидчивость и мастерство. За десять минут экранного времени он способен показать до пяти тысяч художественных живописных произведений. Или — все знают, как водить плоскую куклу, но где такие, как Юрий Норштейн? Он такой один.

— **Сергей Сагитович, почему вы и некоторые ваши коллеги по Высшим курсам сценаристов и режиссеров выбрали такое направление, как авторская анимация?**

— Знаете, я люблю цитировать фразу Николая Гумилева: «Человечеством движут иллюзии, ничем не обоснованные, но во имя их и случается вся жизнь». Она как раз про аниматоров. Особенно эта фраза хорошо характеризует период развития анимации в начале 80-х. Мы все питали иллюзии — благодаря им все и происходит. Во многом наш уход в авторскую анимацию был спровоцирован нашим педагогом Федором Хитруком. Он еще в 60-е годы начал уходить от рисунка диснеевской школы. В это время получила активное развитие техника перекладки, в которой начал работать Юрий Норштейн. Стали появляться новые темы, которые были выражены в таких картинах Федора Савельевича, как «История одного преступления», «Человек в рамке».

Сергей Айнутдинов родился в 1953 году в Москве. С 1971 по 1976 год он учился в Уральском политехническом институте имени С.М. Кирова. Начал снимать анимацию еще в студенческие годы на 16-миллиметровой киноплёнке. Неоднократно становился лауреатом всесоюзных и международных фестивалей любительских фильмов. Работал художником-аниматором на Свердловском телевидении, занимался созданием учебных фильмов в отделе технических средств обучения УПИ. Затем окончил Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве (мастерская Э. Назарова и Ю. Норштейна).

В 1988–1989 годах работал режиссером на киностудии «Союзмультфильм», где появилась картина «Жертва». С 1990 по 2007 год делал фильмы на Свердловской киностудии. Работал в качестве режиссера, сценариста, аниматора, художника-постановщика. Именно на Свердловской киностудии были сняты такие картины, как «Сничи», трилогия «Аутизм», «Аменция», «Айнудизм», «Белка... и Стрелка», «Слава», «Записки аниматора», «Шуточный танец», «Шаг в сторону».

С 1993 года ведет курс художников анимационного кино в Свердловском художественном училище имени И.Д. Шадра. С 2000 года возглавляет НП «Студия анимации «Аттракцион».

Сергей Айнутдинов – участник более 200 международных выставок, обладатель более 40 международных наград. Занимается станковой графикой, книжной иллюстрацией, полиграфическим дизайном, видеорекламой. Многие его художественные работы находятся в собраниях Союза художников России, музеях, частных коллекциях и галереях зарубежных стран.

В 80-х годах он сделал осознанный шаг в сторону педагогики. По его инициативе был образован факультет анимации при Госкино и объявлен всероссийский набор. На Свердловской киностудии для тех, кто хотел заниматься анимацией, был проведен предварительный отбор. Кто успешно проходил конкурс на месте, отправлялся в Москву для сдачи последующих экзаменов. Володя Петкевич, Алексей Караев, Оксана Черкасова, Саша Петров, я, Алексей Харитиди – все мы прошли трудный творческий отбор. Там нас разглядывали буквально под лупой. Как впоследствии признались наши педагоги, таким образом они хотели выбрать наиболее талантливых слушателей, особенно предрасположенных к анимации. Поэтому поступить было сложно. Вокруг Ф. Хитрука собралась

замечательная команда, которую составили педагоги-практики: Юрий Норштейн, Эдуард Назаров, Андрей Хржановский, Гарри Бардин. Вот эти педагоги и провоцировали нас делать авторское кино.

– Сразу все получалось?

– Каждый из нас старался сделать свои маленькие открытия. У кого какое мироощущение было, в том направлении и работали. Кто-то откровенно занимался авторской анимацией, кто-то все же тяготел к детской. Но так или иначе, в каждом из этих направлений нужно было что-то придумывать, находить что-то свое. К тому же во время учебы мы смотрели разные интересные фильмы. Это не только анимация, это и художественные фильмы, документальное кино. «Насмотренность» была громадная, кругозор колоссален.

Группа ведущих уральских кинематографистов-аниматоров:

Анатолий ПИЧУГИН,
Оксана ЧЕРКАСОВА,
Сергей АЙНУТДИНОВ,
Валентина ХИЖНЯКОВА,
Александр ПЕТРОВ,
Алексей КАРАЕВ,
Наталья ПЕТРОВА,
Изольда СОЛОДОВА,
Сергей РЕШЕТНИКОВ

4 ЧАСА 11 МИНУТ 49 СЕКУНД...

В 2000 году Сергей Айнутдинов организовал «Студию анимации «Аттракцион», где дети создают авторские рисованные фильмы под руководством профессиональных аниматоров: Е. Лапшиной, Д. Сильницкой, В. Денисова, А. Крицкой, Н. Кузьминых, Ю. Павенко.

Особенность работы студии заключается в том, что дети полностью вовлечены в процесс кинопроизводства. Каждый ребенок создает свой фильм самостоятельно. Он пишет сценарий, делает к нему раскадровку и анимацию, затем озвучивает мультфильм.

За 12 лет работы на студии выпущено более 200 мультфильмов, созданных детьми в возрасте от трех до 15 лет. Это немногим более четырех часов интересного и увлекательного детского кино.

Студия «Аттракцион» — член клубов ЮНЕСКО, единственный представитель России в Международной организации Объединенных анимационных мастерских (AWG) при Международном профессиональном союзе аниматоров (ASIFA). Студия — обладатель 107 наград различных международных и российских кинофестивалей.

Кадр за кадром рождается «мультик»

Дипломная работа выпускницы Свердловского художественного училища имени И.Д. Шадра Натальи Грофпель

Все хотели заниматься таким же авторским кино, как аниматоры из стран соцлагеря. Ведь эта свежесть в изображении, изложении мысли будоражила нас. И как следствие, нам тоже хотелось двигаться в этом направлении. С одной стороны, мы хорошо знали диснеевскую школу, с другой — мы от нее стали сознательно уходить. В результате каждый, кто прошел школу Федора Хитрука и Юрия Норштейна, стал снимать авторское кино. Кто-то в рамках детской анимации успевал создавать авторские работы. Мы же с моими коллегами-уральцами начали экспериментировать с технологиями, брались за сложные, вроде бы не мультипликационные темы.

— Как вам удается сохранять традиции авторского кино на Урале?

— Для того чтобы сохранить то хорошее, что есть в уральской мультипликации, необходимо «воспитывать смену». Такая мысль у меня и у Саши Петрова появилась еще на заре перестройки. Мы договорились открыть отделение на базе художественного училища имени И.Д. Шадра и сделать целевой набор художников, которые хотя бы заниматься анимацией. Вскоре он уехал в Ярославль. И нашу задумку реализовывал я в одиночку. В 1993 году в училище набрали первых студентов — будущих художников анимационного кино. Вот уже около 20 лет я занимаюсь с молодежью. Можно подводить первые итоги. Многие выпускники либо учатся во ВГИКе имени С.А. Герасимова, либо окончили его с отличием. К примеру, М. Цукерман, О. Калафати. Сейчас работают художниками-постановщиками А. Крицкая, М. Кишкина. Лауреатами премии губернатора Свердловской области «За выдающиеся достижения в области литературы и искусства» стали Е. Лапшина, Ю. Павенко. В Уральской государственной архитектурно-художественной академии создано отделение «Дизайн в компьютерной графике и анимации». Руководят этим процессом мои коллеги, аниматоры О. Черкасова и А. Караев. Таким образом, молодые мультипликаторы Екатеринбурга продолжают традиции, заложенные их учителями и коллегами в 80–90-х годах. Аниматоры новой волны активно участвуют в фестивалях, получают за свои картины призы. К примеру, высокими наградами были отмечены картины «Девочка дура» З. Киреевой, «Поездка к морю» Н. Бисяриной, «Девочка, наступившая на хлеб» Е. Лапшиной.

— На ваш взгляд, возможно ли начинать «будить» в себе аниматора с более раннего, детского возраста?

— В 2000 году решили попробовать поработать с детьми, чтобы уже в этом нежном возрасте заронить в них какое-то стремление. Абсолютно неважно, свяжут ли они потом свою жизнь с кино. Но вполне вероятно, что впоследствии выберут какую-то серьезную творческую профессию. Поэтому

на базе Свердловской киностудии была создана образовательная инфраструктура — некоммерческое партнерство «Студия анимации «Аттракцион». Мультфильм — это все-таки детский жанр кинематографа. А кто лучше детей сможет привнести в анимацию то, чего ей периодически не хватает, — интересные сюжеты и новые способы их воплощения. Одним словом, взрослый иной раз может стараться, но не придумать ему так непосредственно и гениально просто, как это делает ребенок. Причем наш подход к работе с детьми принципиально отличается от тех, что существуют в других студиях за пределами региона. Для нас главное — это чтобы ребенок делал все самостоятельно: придумывал сценарий, персонажей, рисовал анимацию. В этом процессе мы ему по минимуму помогаем, так как нам важен детский поток сознания. Дети раскрываются, и так появляются неожиданные и интересные мультфильмы.

— В чем вы видите перспективы развития анимации на Урале?

— Сейчас в городе существует несколько маленьких студий, где снимается профессиональное анимационное кино: «А-фильм», «Студия анимации «Аттракцион», «Снега», «29 февраля». То есть точечная активность есть. В уральской анимации много неравнодушных людей. Но перспективы развития анимационного кино я связываю с организацией крупной киностудии или появлением заинтересованного продюсера. О таких замечательных продюсерах, как Сергей Сельянов, который много делает для питерской анимации, пока нам приходится только мечтать. Если сравнивать Санкт-Петербург и Екатеринбург, то в 80-е годы XX века Северная столица была далеко в хвосте. У них не было анимационного кино, а Свердловск уже называли уральской анимационной Меккой. Но это в прошлом. Сейчас на частных киностудиях мы делаем что-то маленькое и лично для себя. А чтобы перейти на новый уровень анимационного кино, необходимы большая студия, производство полнометражных фильмов, тогда влюбленность в анимацию станет профессией, а не хобби.

— Ваши любимые картины?

— Трудно сказать, потому что их много. У меня устойчивый интерес к картине Норштейна «Ежик в тумане». Очень люблю картины Хитрука: «Винни-Пух» и «Каникулы Бонифация». Они очень точно сделаны с точки зрения анимации. Эти детские мультфильмы совершенны по изображению, по истории, по темпоритму. Видна великолепная работа мастера. На них можно смотреть бесконечно и учиться мастерству. Если брать что-то из современного, то мне очень нравится кино «На краю земли» К. Бронзита. У А. Петрова картина «Корова» — замечательное произведение. У канадского режиссера Нормана

Макларена фильм «Ритметика» меня просто завораживает своей простотой. Великолепна картина «Танго» Збигнева Рыбчинского. Каждый раз смотрю и каждый раз наслаждаюсь. И своим студентам советую. В целом хороших фильмов довольно много, и это большое счастье.

Дипломная работа выпускницы Свердловского художественного училища имени И.Д. Шадра Ольги Горлиной по мотивам сказки братьев Гримм «Три фельдшера»

ЖИВОПИСЬ ОЖИВАЕТ НА УРАЛЕ, «ГАГАРИН» ПОКОРЯЕТ КАННЫ

Обладатель «Оскара» за анимационный фильм «Старик и море», художник-мультипликатор Александр Петров начал свою карьеру в Екатеринбурге. В анимации он работает с 1981 года. Как мастер сформировался на Свердловской киностудии, где трудился художником-постановщиком анимационных фильмов с 1982 по 1992 год. В Свердловске А. Петров начал работать в направлении авторской анимации. Он пробовал создавать картины в разных техниках. Вместе с Владимиром Петкевичем они сделали кино с применением металлического порошка. Затем появилась идея работать в технике «ожившей живописи». Преимущественно это рисование пальцами на стекле, лишь в исключительных случаях мастер использует кисточки. Каждый кадр снимается в одном экземпляре. По окончании работы над отдельным фрагментом стекло отмывается. Одной из первых работ, выполненных в этой технике, стала картина «Добро пожаловать!» Алексея Караева. Впоследствии именно эта уникальная техника принесла мастеру пока единственный анимационный «Оскар» в России.

Уральским аниматором, отмеченным «Золотой пальмовой ветвью» Каннского кинофестиваля за фильм «Гагарин», стал Алексей Харитиди. Название его картины — своеобразный трюк, чтобы привлечь внимание зрителей. Но мало кому известно, что своим именем эта картина обязана аниматору Сергею Айнутдинову. Во время создания «Гагарина» А. Харитиди активно советовался со своими коллегами. Однажды он спросил Сергея Сагитовича о том, как ему лучше назвать свой мультфильм. С. Айнутдинов не задумываясь ответил, что «Гагарин». В этот момент он как раз работал над своей картиной «Белка... и Стрелка», чье название нас также отсылает к теме космоса. И во многом благодаря необычному названию картина имела большой успех на различных фестивалях и конкурсах. Хотя советский космонавт Юрий Гагарин в фильме совершенно ни при чем.

Из плеяды «ОТЦОВ- ОСНОВАТЕЛЕЙ»

6 декабря исполнилось 120 лет со дня рождения Маркиана ФРОЛОВА.

С этим именем неразрывно связано развитие на Урале музыкальной культуры в 30-е годы прошедшего века. Маркиан Петрович был одним из организаторов и первым директором Уральской консерватории, первым директором Свердловской филармонии, первым председателем Свердловского отделения Союза композиторов.

К 120-летию композитора Маркиана Петровича Фролова

Игре на фортепиано он начал обучаться с ранних лет под руководством матери. Любовь к музыке привела его в 1918 году в Петербургскую консерваторию, в класс знаменитой пианистки А. Есиповой. Свои первые сочинения Маркиан показывал А. Глазунову. Дальнейшее образование Фролов получил в Киевской консерватории, где его наставником был композитор Р. Глиэр.

Имея прекрасную профессиональную подготовку и опыт общения с выдающимися музыкантами своего времени, Фролов в 1928 году приехал в Свердловск, где и начала разворачиваться его активная деятельность музыканта-просветителя и композитора. Он преподавал в Свердловском музыкальном техникуме (ныне музыкальное училище имени П.И. Чайковского), организовал при нем музыкальную школу (впоследствии ставшую музыкальной школой № 1). Плодотворно работал Маркиан Петрович как композитор: его оратория «Поэма об Урале» и симфоническая картина «Седой Урал» воссоздают музыкальный облик сурового и прекрасного края, ставшего ему родным. Выступал М. Фролов и как концертирующий пианист.

Став первым директором открытой в 1934 году Уральской консерватории, Фролов организовал в ней композиторское отделение. Среди его учеников – известные впоследствии Г. Белоглазов, Б. Гибалин, первый профессиональный композитор Бурятии Б. Ямпилев.

Зловещий 1937 год сыграл роковую роль в судьбе музыканта, из-за клеветнических доносов его исключили из партии и сняли с поста директора консерватории. Однако некоторое время спустя Фролов был полностью реабилитирован и вновь возглавил любимый вуз, но пережитые потрясения, несомненно, обусловили его раннюю смерть.

В 1940 году М. Фролов закончил работу над созданием оперы «Энхэ Булат-батор» – на основе бурятского национального эпоса. Для музыкальной Бурятии событие было столь же важно, как для России появление в свое время «Ивана Сусанина» Глинки.

В годы войны Фролов писал главным образом хоровую музыку: кантата «Русь», хор «Отчизна», патриотические песни. Уделял внимание и камерно-инструментальным жанрам, из-под его пера вышло крупное сочинение – Увертюра на три бурятские песни.

Маркиан Петрович ушел из жизни в октябре 1944 года.

Надежда ПАВЛОВА

Сохранить живую душу

Легкое пчелиное жужжание скрипок, кошачий говор арфы... «Партита». Он сидит в зале, слушает внимательно и даже напряженно. Свою музыку. На сцене Свердловской филармонии юбилейный концерт. Его — Вадима БИБЕРГАНА и его друга Владислава КАЗЕНИНА. Композиторов, народных артистов РФ. Они назвали это собрание сочинений в двух частях «Нам — 150!». Потому что каждому исполнилось 75. Но разве не принадлежат эти полные юного волнения и жизни сочинения двум молодым композиторам? Именно так. И совершенно не важно, какой по счету день рождения они справляют. Концерт — удовольствие, размышления, радость. А до него был разговор. К сожалению, короткий: дни гостей расписаны по минутам — встречи, выступления, музыка и музыканты... Не досказанное Биберганом и Казениным договорили за и про них их любимый друг, одноклассница, однокурсница, известный екатеринбургский музыковед, заслуженный деятель искусств РФ Наталия ВИЛЬНЕР.

— Где точка вашего соприкосновения? Ведь вы живете и работаете в разных городах?

В. Казенин: — Мы же вместе с восьмого класса. Учились в музыкальной школе-десятилетке. Сидели за одной партой. Потом поступили в Уральскую консерваторию, учились вместе на двух факультетах. Годы пробежали, а мы до сих пор вместе, хотя Вадим живет в Питере, я в Москве. Но работаем часто вместе. У нас есть святой месяц август: встречаемся в Карелии, на берегу Ладожского озера в Доме творчества «Сортавала» и работаем.

— Концерт в Свердловской филармонии 9 декабря — результат совместного творчества?

В. Биберган: — Дело в том, что в этом году каждому из нас исполнилось по 75. Мы решили отметить концертно эту дату сразу в нескольких городах. Уже звучала наша симфоническая программа в Белгороде — третий концерт Владислава и моя «Партита». Прекрасно принимала программу и публика в большом зале Московской консерватории. И здесь, в родном Екатеринбурге, в любимой филармонии, мы завершаем наш юбилейный год концертом, поделенным на две независимые и в то же время сплетенные между собой части. Ведь действительно, все эти годы жизнь так или иначе связывает. И теперь нам 150. Именно НАМ. На двоих.

— Что изменилось за многие годы вашего «пребывания» в музыке? У современных музыкантов способы выражения отличны от ваших?

В. Б.: — Конечно. Техника сегодня фантастическая. А в музыке огромную роль играет цифровая аппаратура. Кроме того, можно купить все, что угодно,

любые записи. Раньше мы переписывали друг у друга, втихаря. А сегодня любой концерт, который состоится в Нью-Йорке, завтра вы уже сможете иметь. И информативное поле стало очень широким. Но с другой стороны, такая доступность серьезной музыки немножко уменьшает ее значение. Для нас каждое новое исполнение симфонии Шостаковича было событием. Все музыканты прилипали к радиоприемникам. Для нас это были пророческие ноты. Так мы понимали, как жить дальше. Такого отношения к музыке сейчас уже нет. А мы продолжаем относиться к ней с тем же пиететом, конечно с некими поправками на жизнь. Музыка — особый мир, понятно, что выдуманный, не существующий в природе, особый. Именно этот мир невероятным образом воздействует на человека — струны человеческие настраиваются на музыку и звучат в унисон. Фактически это одно из средств воспитания. Причем воспитания не только в музыкальном отношении, но и в целом личности, души.

Однажды прогуливались с Шостаковичем и Славой Наговициным (Биберган и Наговицин были последними учениками Дмитрия Шостаковича). Речь зашла о Салтыкове-Щедрине. Дмитрий Дмитриевич вспомнил про сказку «Пропала совесть» о потерянной совести: вот лежит она на дороге, вся истоптана, в грязи, никто ее не подбирает. Понимают: если подобрать совесть, то с ней будет гораздо тяжелее жить. Это нравственный императив, который держит нас: не позволяет воровать, гадости делать, подлости — и который человека возвышает. А совесть... Через 40 лет после того разговора совесть оказалась одной из самых редких ценностей в нашем государстве.

— Что же может решить музыка на государственном уровне?

— Государственные вопросы! Воспитание совести в душе человека и всеобщая безоглядная коррупция, в которой мы погрязли, — все связано. Если в каждой школе было бы настоящее музыкальное воспитание, думаю, наше государство с большой долей вероятности было бы другим.

— Каким днем вы живете: сегодняшним, завтрашним?

— Наверное, завтрашним. Хочется, чтобы наша музыка звучала и завтра. Потому что если она сегодня исполнится, а завтра будет никому не нужна, то зачем же тогда работать.

— То, что вы планировали, скажем, пять лет назад, вам удалось реализовать?

— Так и осталась ненаписанной задуманная книга. Все время какие-то дела отвлекают. Вообще, планы всегда обширны, и не все получается реализовать. Тем не менее я написал музыку к кинофильму, к спектаклям. В этом году прошла премьера пьесы «От первого лица» по роману Лермонтова «Герой нашего времени» в московском Новом драматическом театре. В прошлом году с моей музыкой там же был поставлен спектакль «Улыбки летней ночи» по мотивам одноименного кинофильма Ингмара Бергмана. Работаю...

— Что самое главное в жизни?

— У нас преподавал один профессор в Санкт-Петербургской консерватории. Ему было лет 80. Однажды он сказал, что знает, в чем смысл жизни: в том, чтобы жить. Мы разочаровались, а потом я понял, что это очень верно. Главное, чтобы меньше гадостей было в этой жизни.

Вадим БИБЕРГАН

Из интервью Наталии ВИЛЬНЕР:

— Что объединяет Вадима Бибергана и Владислава Казенина?

— Объединение произошло не сейчас, не в этом юбилейном филармоническом концерте. Это единение по жизни. Они оба родом из молодости. Вот основное, что их объединяет. Человек ведь складывается эстетически и этически одновременно с физическим формированием. А это происходит приблизительно к 25 годам. Так, основное в шестидесятниках (как определяет нас известный критик, доктор искусствоведения Анатолий Смелянский — «уходящая натура») заложено было именно в те годы, когда мы вращались в необыкновенном, высоконравственном окружении. Временные краски ведь всегда свои. Нам повезло. Мы учились на втором курсе, когда был XX съезд, хрущевская оттепель. Какое поколение! Какие поэты, фильмы... и все это — просто наша жизнь. Мы счастливые люди, вынесшие из той краткой, но замечательной оттепели все лучшее, что там было, и все сохранившие внутри.

Так что самое прекрасное в сегодняшнем творчестве Бибергана и Казенина пришло оттуда.

Они (я, кстати, вместе с ними) учились в свердловской музыкальной школе-десятилетке. Пришел к нам Биберган в восьмом классе, и сели они с Казениным за одну парту. Вот и все.

И потом, и сейчас вместе. Просто каждый работает в своей области. Казенин выбрал невероятно сложный путь. Не каждому человеку под силу пройти эту дорогу. Руководить таким «террариумом единомышленников» (Владислав Казенин возглавляет Союз композиторов России) — очень сложная задача. Заслужить доверие огромной всероссийской творческой организации просто так невозможно. А ему удастся, уже более двух десятков лет. Это совершенно особое дарование.

Притом Казенин написал очень много музыки — к десяткам фильмов, балеты, мюзиклы, оперы, фортепианные концерты, вокальные циклы, песни... Что, бесспорно, помогло ему сохранить душу и человека в себе.

— Часто имя композитора в кино остается неизвестным, а как у Вадима Бибергана?

— Биберган совершенно не выставляется, не торчит на виду. Но его музыку узнают все. Причем эта музыка выдерживает очень тонкую грань. Ведь он демонстративно демократичен. Мне говорили иные, что произведения Бибергана включают в концерты для развлечения, чтобы поднять настроение. Мол, не комильфо. Но это же прекрасно!

— Вадим Давидович человек особенный?

— У него особенная энергетика. Он притягивает к себе людей словно магнит. И его музыка насыщена этими флюидами. Он приспособлен для общения человеческого и художественного. Его талант — душевное здоровье, большой дефицит в наше время. Он отпущен ему так щедро, что распространяется и на других. Быть в числе его друзей — большая честь. Слушать его музыку — праздник души, именины сердца. Высока и степень доступности

Владислав КАЗЕНИН

его музыки. Глинка когда-то мечтал писать музыку «равнодокладную для знатоков и широкой публики»... Михаил Иванович был бы доволен Биберганом. Он естественен. А естественность — это то, что не может позволить себе композитор, сочиняющий актуальную музыку, то бишь авангардную. Там всегда первенствует голова. Здесь же главенствуют чувства, эмоции. Вообще, чтобы писать музыку традиционную и не повториться, надо обладать огромным дарованием. Создавать музыку, которая будет вызывать непосредственный эмоциональный отклик, при этом говоря современным языком, — задача невероятно сложная.

— **Это дано не каждому автору?**

— Авангардисты, например Денисов, Губайдулина, Сидельников, Шнитке, — композиторы, которые глобально, философски относятся к миру, язык их музыки очень сложен. Да и вообще авангардная музыка, сейчас ее называют актуальной, в мире живет точечно. Все-таки широкий слушательский круг предпочитает Брамса, Рахмани-

нова, Бетховена... Именно этот круг с радостью обозначает и в Бибергане композитора абсолютно понятного, доступного. Он вневременной. Все, что о нем можно было сказать 20 лет назад, сегодняшним днем не опровергается. Поскольку он излагает вечные ценности.

Биберган мог бы сочинять и недоступную музыку. Но ему необходим отклик других душ. Кстати, поэтому он пишет музыку для кино, доступного всем.

— **Биберган один из лучших знатоков русских народных инструментов.**

— Китежские легенды звучат в его сердце. Он настоящий интеллигентный русский композитор. Выполняет высокую миссию, общественное дело — осуществляет движение русской национальной музыкальной культуры. Глубина знаний и мудрость души дают ему не точку зрения, а вершину зрения.

— **Вы дружите с Вадимом Давидовичем уже много лет...**

— Нам хорошо вместе. У нас одинаковая шкала ценностей. Нам уда-

лось сохранить живую душу, это нас объединяет. А Биберган, он очень порядочный человек. Не совершил ни одного поступка и не сочинил ни одного такта в музыке, за которые было бы стыдно. Это феноменально. Группа крови такая.

— **Для Бибергана и Казенина, как и для вас, Свердловск-Екатеринбург — «свой» город?**

— Они оба его очень любят. Для них приезд сюда — радостное и дорогое сердцу событие. Не дань чему-то, а искреннее желание. Мы считаем их своими, а они этого не отрицают. Для художника подобные связи бесценны. Потом это накопленное он отдает окружающим посредством своего искусства. Сущность одаренного человека требует высказывания и проявляется в нем. Ведь ни один творец не пишет «в стол». Всегда — с надеждой быть услышанным. А Казенина и Бибергана слышат и слушают с удовольствием. Их музыка несет энергетику со знаком «плюс».

Вадим БИБЕРГАН. Композитор и пианист. Народный артист РФ. Профессор, член жюри международных и российских музыкальных конкурсов. Окончил Уральскую государственную консерваторию, затем аспирантуру Ленинградской консерватории, где его учителем был сам великий Дмитрий Шостакович. Биберган – автор музыки более чем к 60 фильмам, к постановкам МХТ и БДТ, Ленкома и многих других московских, петербургских и свердловских театров. Он истинный соавтор создателей сценических и кинопроизведений. Его музыка – яркое действующее лицо картин и спектаклей. Она потрясающе образна и настолько выразительна, что, кажется, зрима. Особое, значительное место в творчестве Вадима Бибергана занимают сочинения симфонические и камерные, которые он и сам часто исполняет, как пианист и как дирижер. Его музыка понятна, вместе с тем изысканна и – просто красива.

Фото Вячеслава ДОНЕЦКОГО

Музыка — это гармония мысли

– Вадим Давидович, как началась музыка в вашей жизни?

– Ой, это очень смешно. Начну издаleка. Мы тогда жили в Москве. Вернулись после эвакуации зимой 1942–1943 года. Мой отец командовал полком. А отец, между прочим, историческая личность. Именно он был командиром 17-й автомобильной бригады, которая начала движение по ленинградской «Дороге жизни».

– То есть первые машины через Ладогу...

– ...Из бригады моего отца. А затем его назначили командиром отдельного офицерского полка в Москве. И мы туда переехали. Вскоре отец ушел на фронт, начальником штаба танкового корпуса. Я в 1944 году пошел в первый класс в обыкновенную школу. А потом папа прислал гармошку трофейную. Помню, как мама растягивала эту гармошку, а я одним пальцем подбирал какие-то звуки, мелодии. Видно, слух был. И я написал отцу: «Дорогой папочка, поздравляю тебя с орденом Отечественной войны. Спасибо за гармошку. Я на ней играю «Темную

ночь» и Седьмую симфонию Шостаковича».

– Ни больше ни меньше?!

– Представляете, да. Мальчишка семилетний в Москве в 1944 году знал, что существует Седьмая симфония Шостаковича.

– По радио слышали?

– Ну да, по радио. И все напевали тему нашествия фашистов. Естественно, что я ее и играл. Мог ли тогда подумать, что пройдет 20 с небольшим лет и в 1965 году я стану учеником Шостаковича в аспирантуре Ленинградской консерватории...

– А до этого вы получили не один, а целых два диплома в нашей Уральской консерватории. Почему именно Уральской?

– Это тоже связано с отцом. Он сказал, что из всех командующих уважает больше всего Георгия Константиновича Жукова. Мы после войны приехали в Свердловск. И я прожил на Урале до 25 лет. Все мое взросление, и детство, и отрочество, и мои «университеты» – все прошло в Свердловске. Учился в 37-й школе и одновременно в музыкаль-

ной школе № 1. Там окончил семь классов по фортепиано у Марианны Сергеевны Колосовой. Встал вопрос, что делать дальше. И отец пошел в музыкальную десятилетку. А эта школа тогда была вообще чем-то таким высокоодаренных детей... Но отец пошел к директору, Любови Васильевне Введенской. И когда она узнала, что пришел полковник Биберган, говорит: «Господи, мой сын воевал под вашим командованием!» Ну, в результате, по благу, можно сказать, я поступил в музыкальную десятилетку. К отличному педагогу – Наталье Николаевне Позняковской. Я в шутку говорю, что, если выстроить цепочку моих учителей, получается так: Людвиг ван Бетховен, его любимым учеником был Карло Черни. У Черни учился Лешетицкий, знаменитый профессор Петербургской консерватории. У Лешетицкого была любимая ученица Анна Николаевна Есипова, на которой он был женат и которая явилась основательницей петербургской фортепианной школы. У Есиповой любимая ученица – Наталья Николаевна Позняковская. А это уже моя учительница.

У Натальи Николаевны я проучился три года. Конечно, получил от нее огромное количество и знаний, и умений, и воспитания, всего-все-го. И потом поступил в консерваторию. Там под руководством Николая Михайловича Хлопкова я уже начал заниматься композицией, кстати вместе с Владиславом Казениным. И окончил консерваторию по двум специальностям. По композиции – у

Виктора Николаевича Трамбицкого, и по фортепиано. Это школа была, кстати, петербургская — и Трамбицкий, и Позняковская. Так что я, человек, родившийся в Москве, считаю себя все-таки воспитанником двух культур — уральской и петербургской. Ну а потом я поступил в аспирантуру к Трамбицкому. Он, по семейным обстоятельствам, уехал, и я остался без руководителя. Пришел к Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу, который в то время как раз был в Свердловске, он немного знал меня по моим работам. Говорю: «Дмитрий Дмитриевич, вот я остался без руководителя. Если есть возможность, возьмите к себе». И он написал записочку в Ленинградскую консерваторию: «Прошу в мой класс включить Вадима Бибергана».

— Сегодня это звучит просто фантастично!

— Представляете?! У меня эта записочка до сих пор сохранилась. Я два счастливейших года провел в классе Дмитрия Дмитриевича, даже не знаю, с чем это сравнить. Ну, вот если бы сейчас мне сказали: будешь консультироваться у Александра Сергеевича Пушкина! Примерно такое же было ощущение. Тем более что я еще в семь лет играл Седьмую симфонию... (Смеется.) Я, правда, Дмитрию Дмитриевичу никогда этого не рассказывал, неловко было. Потом у нас была встреча в 1957 году, когда он в Свердловск приезжал. Я попросил его: оставьте мне автограф. Он говорит: «Понимаете, у меня бумажки нет и ручки нет». Я говорю: «Вот у меня единственная бумажка — это моя сонатина для фортепиано». Шостакович: «Так это неловко. Я вам буду дарить вашу же музыку». Я ему: «Да нет, вы же мне только автограф оставите». И вот у меня есть эти ноты, где написано: «На добрую память о встрече в Свердловске с Шостаковичем».

— Вы много работали и работаете для кино. Почему больше всего — с Глебом Панфиловым, на всех его фильмах?

— А мы рядом жили в Свердловске. Панфилов на Ленина, 54, а я на Ленина, 56. Как сейчас выясняется, это такой особый участок, эти метров 200, потому что теперь на этом же участке живет великий художник Миша Брусиловский. Получается, как говорится, намоленный кусочек земли для уральской культуры.

— А вообще, раз уж начали о кино... Я читала ваши слова о том,

что музыка для кино — это совершенно особый раздел музыки. Может быть, нынче музыка кино даже выкристаллизовывается в некий особый ее жанр?

— Конечно. Фактически это новый вид искусства. Ведь кино сначала называли «великий немой». Потому что звука не было, чтобы понять, что происходит, писали титры. Потом пришел звук, появилась запись. Писать музыку стали предлагать, естественно, маститым композиторам. Вот Прокофьев написал к «Александру Невскому». Мы всю жизнь говорили, что это классическая музыка кино. А когда я посмотрел, как она с видеорядом сочетается, с сегодняшней точки зрения, то увидел: очень трудно сочетается. Потому что у каждого вида искусства свои законы развития и восприятия. Я не говорю о качестве самой музыки. У Прокофьева она гениальная. Но — не для кино. Потому что человек должен вслушиваться в симфоническую музыку, вдумываться, что она изображает. И подчиняться законам симфонизма. А здесь — видеоряд. Должно происходить движение кино и музыки навстречу друг другу. Так всегда нащупывается новое, происходит «притирка», и в результате появляется новый вид искусства. Киномузыка — как бы на грани серьезной музыки, и в то же время отличается: она более открытая, более доступная. Я считаю, что наше время, начало XXI века, — это момент поиска новых стиливых черт для киномузыки.

— Думаю, что могу утверждать: исходя из вами сказанного, вы явились одним из первых «проводников» нового жанра — киномузыки.

— Старался. Одна из первых картин, которая была у нас с Панфиловым, — «В огне брода нет». Там сначала была такая «оформительская» музыка, а потом Глеб говорит: знаешь, вот у нас прекрасные рисунки есть (художница Васильева сделала рисунки Тани Теткиной), они будут делать форму фильма, и к ним нужна музыка. В результате родилась кантата для хора и симфонического оркестра, которую мы кусочками «выдавали». И заканчивается фильм такой мессой в память героини. Потом мы уже пытались направлять этот симфонизм в сторону открытости, доступности.

— «Начало» имеете в виду?

— Да, хотя бы «Начало».

— И дальше, дальше, дальше, и вот уже совсем недавно «Романовы. Венценосная семья».

— «Романовы» — это большая работа была, там много музыки, я там написал ряд романсов...

— Романсы? Я сразу вспомнила «На полпути в Париж»...

— «На полпути в Париж» — это уральская работа. Кстати, мы с Ярополком Лапшиным несколько фильмов сделали.

— Задам, наверное, странный вопрос. Как вы думаете, на самом деле можно научить человека сочинять музыку? Мне кажется, что композитор «слышит музыку в себе», а если этого нет, разве можно научить?

— Очень сложный вопрос. Вот в последнее время много развелось композиторов, которые предлагают свои услуги. Почему? Потому, что настолько стала совершенная аппаратура, что механически сочинять музыку не стоит никакого труда. Ну, например, в синтезаторе нажимаете кнопку, и сама машина уже играет. Умпа-умпа-умпа-умпа, и все. Вы можете одним пальцем что-то там настучать — и готово. Вот это человека и провоцирует: если это так легко, значит, и я могу. Но композиция — совсем другое. Сочинять музыку — это выражать свои чувства и мысли. Музыка, если хотите, это гармония мысли. О земле, о существовании, о смысле жизни, о том, что ты любишь, что тебе нравится, что не нравится, о совести. Это темы искусства. Это темы культуры человека.

— И по большому счету, ведь искусство, в том числе и музыка, еще и своего рода, в хорошем смысле слова, инструмент влияния.

— Совершенно верно. Как Пушкин писал, «и чувства добрые я лирой пробуждал». Вот эти добрые чувства «лирой пробуждать» — основная задача искусства. В этом я вижу, может быть, и свое предназначение, стараться, чтобы в человеке добро преобладало, чтобы совесть была мерилем взаимоотношений между людьми и твоих поступков в жизни. И чтобы музыка, в частности, на это как-то влияла.

— Что для вас сегодня город Свердловск, ныне Екатеринбург, Урал?

— Урал всегда был для меня священным местом. Потому что, как я уже сказал, тут прошли те определяющие всю жизнь 17 лет, когда я из мальчика, который поступал в музыкальную школу, стал зрелым композитором. То есть и мое становление, и просто лучшая пора жизни — юность — связаны со Свердловском.

Владислав КАЗЕНИН. Композитор. Народный артист РФ, лауреат Государственной премии РФ. Председатель Союза композиторов России. Творчество Казенина многогранно и многожанрово. Симфонические и камерные сочинения, песни, опера, балет. Более десяти музыкальных комедий и мюзиклов. Кстати, все это воплощено на сцене. Музыка более чем к 100 кинокартинам. Например, чудные мелодии из фильма «Здравствуйте, я ваша тетя!» на слуху у любого, кто видел эту ленту. Композитор Казенин удостоен многих государственных наград. Но важнее всего то, что, несмотря на звания, отличия и множество общественных обязанностей, Владислав Казенин продолжает творить главное в своей жизни — музыку.

Фото Вячеслава ДОНЕЦКОГО

Свердловский камертон и усы... Джоконды

— Владислав Игоревич, знаю, что вы каждый год приезжаете в Екатеринбург...

— Да, обязательно. Навестить могилы на Широкой речке. Папину, других, кого любил. Там же цвет нашей оперетты похоронен.

— Виск, Маренич, Энгель-Утина...

— Да, помню, именно в моем спектакле «Мы большие друзья» она играла в Свердловске первый раз. Прекрасная Татьяна была.

— Ваш отец был директором театра музыкальной комедии, и поэтому, как вы думаете, — путь ваш был предопределен?

— Возможно... Отец был музыкант, окончил Ленинградскую консерваторию. А потом работал директором театра. Я считаю то время золотым веком театра, потому что была блестящая труппа. Возглавлял ее Георгий Кугушев, замечательный режиссер этого жанра. Ну, и были такие великие артисты, как Дыбчо, Маренич, Коринтели, Виск, Емельянова. Я вырос в театре, и это, конечно, оставило след. Отец меня начал учить музыке, когда мне было пять лет. Он первый учитель, а потом у меня

были замечательные педагоги и в школе, и в консерватории. Во-первых, Берта Соломоновна Маранц, удивительный музыкант. Я у нее учился в музыкальной школе-десятилетке с четвертого по десятый класс. Потом приехал из Европы известный музыкант Евгений Ваулин, у него я учился по классу фортепиано. А по композиции — у тоже очень известных Николая Михайловича Хлопкова, Виктора Николаевича Трамбицкого, Льва Иосифовича Христиансена, Николая Михайловича Пузеля. Все это созвездие светило нам, было рядом с нами, двумя будущими композиторами, которые учились на одном курсе, — это Вадим Биберган и я.

— Оперетта для нашей музкомедии была у вас первым сочинением для театра?

— Да, первым, и спектакль замечательно был поставлен. Кстати, это первая режиссерская работа Владимира Курочкина, который до того был актером.

— Отличным актером, кстати.

— Да. И вот он поставил «Мы большие друзья» по пьесе Ирины Риф, работавшей завлитчастью в театре. Там

было много балетных номеров, и это в моей жизни сыграло большую роль. Был такой танец спутников, тогда космос только начинался и был «на пике». Этот танец в 1960 году увидел Хрущев, который приезжал в Свердловск с Фиделем Кастро. Ему очень понравился номер, и Хрущев где-то сказал об этом. А в то время как раз готовились Первый съезд композиторов России и концерт в честь его в Кремлевском театре. И вот в том концерте, среди произведений таких композиторов, как Шостакович, Новиков, Мурадели, Соловьев-Седой, вдруг исполнили эту балетную сцену, и, собственно говоря, так началась моя композиторская карьера.

— Вы работали и сейчас работаете в разных музыкальных жанрах, и для кино пишете музыку.

— Для кино много писал. Это тоже часть пути музыканта. Все начиналось в Свердловске, но потом так получилось, что больше половины жизни я живу в Москве, с 1968 года.

— Вас пригласили?

— Да. Мне предложили работу главного редактора Бюро пропаганды советской музыки. Но там я проработал всего

полтора года, потому что Ваню Ильичу Мурадели позвал меня ответственным секретарем в Московский союз композиторов. Пять лет я там работал, с Мурадели, затем с другим председателем, замечательным композитором-песенником Серафимом Туликовым. Потом на очередном съезде Союза композиторов России был избран председателем Родион Щедрин. Он меня захотел видеть своим заместителем, и мы с ним трудились вместе 15 лет.

— Я знаю, что еще в Свердловске вы создавали молодежную секцию Союза композиторов.

— Это когда мы учились в консерватории. Вадим Биберган, Наталья Вильнер, Юрий Морозов, Людмила Белобрагина, Евгений Гудков, Герман Селезнев, Игорь Пальмов. Мы, еще будучи студентами второго курса, организовали молодежную секцию и поехали с концертами по Уралу.

— А цель?

— Хотелось, чтобы нашу музыку слышали. Поехали в Нижний Тагил, в Алапаевск и другие города. О каждом городе писали песни и исполняли. Песни были связаны, кстати, со Свердловским телевидением. Потому что наша молодежная секция после поездок всегда собиралась в телестудии, мы рассказывали о встречах и иллюстрировали рассказ нашей музыкой. С тех пор необходимость выступать на сцене, общаться напрямую с публикой осталась у меня на всю жизнь.

— Какие музыкальные жанры — «ваши»?

— Есть композиторы, которые любят какой-то один жанр. Мы даже говорим: это композитор-песенник, это композитор-симфонист. У меня любимого жанра нет. У меня есть и симфоническая музыка, и много песен, вокальных циклов, фортепианной музыки для рояля соло.

— А музыка для театра?

— Ну, я вообще счастливый композитор, потому что все мои спектакли были где-то поставлены. После Свердловска «Мы большие друзья» шли в Новосибирске. У меня есть такая музыкальная комедия, посвященная цирку, «Когда полюбит клоун». Она была поставлена в новосибирском и красноярском театрах оперетты, спектакль о России в далекие времена, назывался «Моя золотая леди», шел в Магадане, «Русские потешки» шли в Краснодаре, в Иркутске. А мюзикл «Дядюшкин сон» в омском театре не сходил с афиши 15 лет, такое редко бывает. В общем, работ для театра много, и, к счастью, они все увидели сцену.

— Владислав Игоревич, вы имеете самое непосредственное отношение к киноопеке «Великая Отечественная».

— Да. Нас было пять композиторов. 20 серий, Роман Кармен, великий режиссер, создатель этой эпопеи. Потом было продолжение, называлось «Всего дорожке», восемь серий. Там мы работали вместе с Яном Френкелем. Если говорить еще о кино, конечно, есть один фильм, который имеет потрясающую судьбу. Его снял замечательный режиссер Виктор Титов. Прошло уже больше 20 лет, а картина живет и так же любима. Это «Здравствуйте, я ваша тетя!».

Со Свердловской студией у меня тоже большие были контакты. Много я там работал в мультипликационном кино. По словам Бажова: «Малахитовая шкатулка», «Медной горы хозяйка», «Золотой волос», «Серебряное копытце». Когда говорю о кино, всегда вспоминаю моих друзей на Свердловской студии. Иосиф Аранович, музыкальный редактор, замечательная пара режиссеров-документалистов Вера Волянская и Леонид Рымаренко. Чудесные были люди, преданные своему ремеслу.

— Вы член оргкомитета Международного конкурса музыкантов имени Чайковского. А вот скажите честно, бывают в ходе конкурса и подведения его итогов какие-то конъюнктурные моменты?

— Ну, вы знаете, конечно, все может быть. Потому что иногда известные музыканты сидят в жюри, а их ученики играют. И конечно, хочется как-то своим помочь... Я был в свое время председателем песенного конкурса в Сочи, пять или шесть раз, и должен сказать, что атмосфера, которая была в жюри того конкурса, — вот это образец. Никаких нюансов, никаких взаимоотношений, никаких просьб. Только человек на сцене, его голос, его песня, и баллы, которые честно выставляли такие музыканты, как Александра Пахмутова, Иосиф Кобзон, Валентина Толкунова. Какой может быть компромисс? Таких честных, творческих, замечательных людей я помню и по Свердловску. Григорий Белоглазов, наш педагог, Любовь Никольская, Клара Кацман, Пузей, Хлопков, Трамбицкий, Гибалин, Родыгин.

— У вас масса общественных обязательств, работы с коллегами, с молодежью. Ну, и когда же вам музыку-то писать? Успеваете?

— Пока успеваю. Есть утро, вечер, ночь. Понимаете, когда есть какое-то задание...

— Вы самому себе даете задание?

— Сам себе — да. А вообще, сейчас творить в радость. У нас есть главное,

что художники должны иметь: мы сегодня свободны. И когда я рассказываю молодым о том, как мы получали из Министерства культуры репертуарные рекомендации, темы, на которые должны писать композиторы, понимаю, как это страшно. А сегодня я могу сочинять на любую тему. Могу поехать в любую страну мира. Раньше решалось — «выездной», «невыездной», вызывали на комиссию, расспрашивали, сколько у нее мужей или у него жен. Мне приходилось коллег защищать в райкоме партии. Что я ручаюсь за этого композитора, он едет в жюри конкурса, его замечательные песни будут там звучать. А меня спрашивали опять: какое у него семейное положение? Я говорил: так он же не семью создавать туда едет!

— А правда, что вы страстный спортивный болельщик?

— В Свердловске, да и потом, болел за команду СКА по хоккею с мячом. Там были такие уникальные игроки, как Дураков, Измоденов, Осинцев. Это была фантастическая команда. Николай Дураков — Пеле в хоккее с мячом. А еще у нас была своя футбольная команда в консерватории, в ней играли Вадик Кацуба, Вадик Биберган, мой брат Игорь, я. На стадионе собирались раз-два в неделю и играли с разными командами. А потом шли в концертный зал.

— Ну, в свете воспоминаний вполне логичен такой вопрос: в Москве, где вы уже давно-давно живете, что для вас Свердловск, Урал?

— Это жизнь моя. Это моя юность. Это начало всех творческих путей. Боже мой, как мы ездили на Шарташ, как любили это озеро. Каменные палатки. Наши телевизионные передачи... А как сегодня композиторам, музыкантам — не «попсе» — попасть на телевидение? Там спрашивают: сколько заплатите? Но у нас нет таких денег. Поэтому проходит наш съезд, проходит фестиваль, и мы удовлетворяемся только тем, что где-то в новостях или в какой-то передаче прозвучат об этом несколько слов. А неужели опус Родиона Щедрина или песни Александры Пахмутовой недостойны занять экранное время? По-моему, они имеют право, это наша подлинная культура. Я не против шоу-бизнеса, он должен быть. Но тут дело ведь даже не во вкусе, а в художественности того или иного акта. Понимаете, когда начинают коверкать старые песни, мне это не нравится. Это изливание души, это другой ритм, другая эпоха, другие песни. Не трогайте их. Не надо подрисовывать усы Джоконде.

Хор музыкального колледжа исполнил произведения гостей-юбиляров

Пусть коники скачут!

Если бы дни от переполненности событиями раскалялись, то первые недели декабря точно вспыхнули бы фейерверком. Игла в яйце, яйцо в ларце, ларец... Именно так собраны были в это время самые важные концерты, фестивали, конкурсы музыкального екатеринбургского сообщества.

Значимость музыкальных событий выходит далеко за пределы Екатеринбурга. Итак, все завертелось вокруг юбилейного творческого торжества двух прекрасных российских композиторов, свердловчан, народных артистов РФ, заслуженных деятелей искусств РФ Вадима Бибергана и Владислава Казенина. Центром этого события стал концерт в Свердловской филармонии.

Еще одним украшением «новогодней гирлянды» стал традиционный ежегодный фестиваль «Композиторы России – детям!». Нынче (а это была 27-я по счету акция Союза композиторов России) принимали его уральцы, и название ему дали особенное, с уральской задорной ноткой: «Коники и пряники» (но об этом чуть позже). В рамках фестиваля прошло множество концертов, где малыши и юные музыканты постарше показывали свое умение слушать, слышать и исполнять музыку.

Очередная «краса гирлянды» – I Открытый екатеринбургский городской конкурс «Юный композитор». Событие уникальное, ничего подобного раньше не проводилось в Уральском регионе. Организатором стала детская музыкальная школа № 1 имени М.П. Фролова. Кстати, конкурс также нарекли именем Маркиана Фролова – первого руководителя Уральской государственной консерватории имени М.П. Мусоргского и Свердловской государственной академической филармонии.

Первый шаг стал удачным. Об этом с удовольствием говорили и члены жюри – заслуженный деятель искусств РФ, профессор, ведущий кафедрой композиции Уральской консерватории, композитор Анатолий Ниженский, лауреат международного конкурса, доцент кафедры композиции Уральской консерватории, композитор Ольга Викторова. И председатель жюри Вадим Биберган, в прошлом сам выпускник детской музыкальной школы № 1.

– Есть таланты, – радовался председатель, – и конкурс «Юный композитор» тому доказательство. Удивила младшая группа – тонкими, не по возрасту, композициями. Поразил мальчишка, маленький совсем, Юра

Ксения ШЕЙНИС. Фото Вячеслава ДОНЕЦКОГО

Зуев. Очень хорошо играл на рояле свои же вещи (Юра, воспитанник ДШИ № 12, исполнил «Эскизы для фортепиано»). Мы присудили ему Гран-при. И по всему видно, что мальчик может быть прекрасным музыкантом.

Изначально на конкурс было представлено 22 работы в разных возрастных группах. И только десять самых лучших произведений прошли в финал. Итоговый концерт и церемония награждения состоялась 6 декабря в Концертном зале имени И.З. Маклецкого. Кстати, дата была выбрана не случайно. Именно в этот день исполнилось 120 лет со дня рождения мецената и поклонника искусства Ильи Маклецкого и Маркиана Фролова. Словом, все «сплелось и спелось». На гала-концерте свои произведения исполнили юные композиторы – победители конкурса: Артемий Бабков, Яна Бахолдина, Ольга Белоглазова, Юрий Зуев, Анастасия Кочева, Иван Лазорин, Полина Макарова, Арсений Мерзлов и Эльмира Салимханова.

Кто-то подумает, описка: должно быть десять финалистов. Нет, все верно, еще одним, правда, внеконкурсным, участником стали дети с ограниченными возможностями из школьной филармонии «Вера-Надежда-Любовь» (ЕДШИ № 4). Они получили специальный диплом лауреатов за коллективное творчество.

– Безусловно, выступление необычных конкурсантов требует от остальных терпения и толерантности. И наши дети прекрасно понимают, что усилия, приложенные особыми ребятами, заслуживают особого же внимания и уважения, – считает директор ДМШ № 1 Наталия Зворская.

Это мнение разделяет и Ольга Викторова. Что же касается конкурса в целом, то Ольга Владимировна уверена, что мероприятие это имеет будущее:

– У конкурса есть пружина, готовая к разрыву, главное сейчас – продолжить работу со школами, готовить детей к участию в творческом состязании.

А теперь вернемся к акции «Композиторы России – детям!», или, по-нашему, «Конники и пряники». Разработчики идеи фестиваля и его непосредственные участники – Ольга Викторова и музыкант, продюсер Алексей Бояршинов. Придумка родилась в стенах Уральского музыкального колледжа. Краснощекий, как Дед Мороз, яркий проект, в котором участвовали все до одного ученики десятилетки и много гостей из других школ – всего около 300 музыкантов.

Поскольку специальными гостями «Коников» были Вадим Биберган и Владислав Казенин, то главный концерт фестиваля «И снова дома» был собран целиком из произведений этих композиторов, они же стали и ведущими. Исполнители – юные екатеринбургские музыканты. По словам директора колледжа, музыковеда Эльвиры Архангельской, за право выступления в концерте шла настоящая борьба – всем хотелось показать свое умение и выразить почтение композиторам. Для фестиваля была разработана оригинальная эмблема – очаровательный маленький конь – коник. Музыкальный оберег – глиняная свистулька. К каждому экземпляру прилагались сертификат и спецификация (глина – гончарная; музыка – вечная; мысли – счастливые). Ну и, конечно же, организаторы припасли море пряников (больше 60 килограммов!).

Столичные гости, любимые свердловские композиторы, были впечатлены и тронуты. Говорили: приятно, когда твою музыку исполняют. Ну а если без шуток, то Казенин и Биберган именно серьезно относятся к детям. Особенно когда речь идет о музыкальном обучении. Считают, что нужно его обязательно продвигать, помогать «маленькой» музыке и защищать ее. Причем делать это на государственном уровне. Что ж, будем верить, что наша «маленькая», но уже очень серьезная уральская музыка станет расти и развиваться. И пусть коники скачут!

Гости-юбиляры (на снимке – в центре, в шарфах с символикой) с удовольствием слушали игру и пение юных музыкантов

«Сумасшествие» В... консерватории

Уральская консерватория представила грандиозный проект «Сумасшедший декабрь», состоящий из фестивалей и концертов. Все-таки обидно, что такие концерты у нас теперь не собирают полный зал. Значительную часть публики составили консерваторские студенты и преподаватели, в большинстве, несомненно, «страдающие» восприятием эксперта. Слава Богу, я – не эксперт, поскольку никогда всерьез музыке не обучался и по сей день остаюсь любителем. Зато не теряю счастливой способности слушать музыку сердцем, не придавая значения малейшим исполнительским огрехам и тонким техническим нюансам интерпретации или вовсе не замечая их.

ФОРТЕПИАННЫЙ БЛОКБАСТЕР

4 декабря

Екатерина МЕЧЕТИНА (фортепиано)

В программе:

Людвиг ван Бетховен. 32 вариации
Ференц Лист. Соната си минор
Фредерик Шопен. 24 прелюдии

Екатерина МЕЧЕТИНА

Мне искренне жаль, прежде всего, молодых людей, отказывающих себе в удовольствии встреч с живой классической музыкой. Они просто не представляют, что небольшое, в сущности, усилие отделяет их от переживания, гораздо более сильного и глубокого, чем переживание от просмотра какого-нибудь голливудского блокбастера.

Вот и в этот раз, когда на сцену вышла красавица в черном и открыла программу бетховенскими вариациями... Мне пришло в голову, что это произведение сродни увлекательному приключенческому роману, в котором есть решительное действие, полный опасностей и сомнений путь, любовь сражается со жгучей ревностью, чистота и честность сталкиваются с вероломством, движение мысли непрерывно и стремительно, вечные вопросы мучительны, но цель достижима, и мечта становится реальностью. И даже меломанский опыт, норовивший, к примеру, то и дело перебрасывать мосты, соединяющие Бетховена с Гайдном и Доменико Скарлатти, не мешал этому настроению.

Когда же прекрасная Екатерина перешла к сонате Листа, она и вовсе показала мне супергероиней, ничуть не менее сильной и смелой, чем, скажем, героиня Милы Йовович из кинофильма «Обитель зла». В конце концов, вот он – рояль, в сущности, машина, черная, покрытая ледяным лаком, на трех негибаемых лапах, снабженных золотыми колесами, и вот она – девушка, совсем не приспособленная к борьбе, но храбро вступающая в напряженную «схватку» с этой машиной. Правда, с целью не убить, а напротив –

оживить и привести в могущественное музыкальное движение.

Ведь музыка Листа, по крайней мере в этой си-минорной сонате, – это пограничное явление, главным образом она выражает страдание от невыразимости, переходя от мучительных попыток преодолеть таковую – к умиротворяющей надежде и от надежды – вновь к отчаянным, почти безумным усилиям преодоления. И никакого хэппи-энда, никакого пафоса победы добра. Смерть невозможно понять и принять, но это не делает нас бессмертными.

Хорошо, что концерт не закончился на этом. После антракта прозвучали 24 прелюдии Шопена. Именно среди прелюдий, коротеньких отрывков произвольной формы, собранных в краткую энциклопедию тональностей и тем, есть такие опорные вещи, как печальное раздумье четвертой и скорбная поступь 20-й. Однажды услышав, это невозможно забыть. Нельзя не вернуться. Но каждый раз эти гениальные осколки являют все новые и новые оттенки смысла. Так, исполнение Мечетиной заставило обратиться к первоначальному значению слова «прелюдия». Принято считать, что Шопен, сочинив цикл прелюдий «без фуг», это первоначальное значение отменил, окончательно трансформировав то, что было лишь вступительной частью к чему-то большему и более значительному, в нечто самостоятельное и цельное. Но на сей раз подумалось: все-таки это прелюдии к чему-то. Уже не в жанровом, не в музыкальном контексте, но – в философском и даже попросту в житейском. Некоторые из них – прелюдии любви. Другие – смерти и забвения. Но 24, вместе взятые, – возможно, прелюдии жизни вечной. Не чересчур ли возвышенно звучит? А что вы хотите? Это Шопен...

МАСТЕРУ ОТ МАСТЕРОВ

10 декабря

Торжественное закрытие
фестиваля «Приношение мастеру»,
посвященного 80-летию
Родиона Щедрина

Попал я только на заключительный концерт фестиваля, посвященного 80-летию Родиона Щедрина, но принадлежность и этого последнего акта музыкальному

празднику «Приношение мастеру» по существу неопровержима. Однако торжественное закрытие Щедринского фестиваля стало триумфом уже не столичного юбиляра, а двух славных выпускников нашей консерватории — композиторов, народных артистов РФ Вадима Бибергана и Владислава Казенина.

В концерте прекрасно выступили ученики музыкального колледжа — талантливые пианистки Ульяна Маркова и Ирина Гулина, они исполнили фрагменты из «Японского детского альбома» В. Казенина, скрипачки Виктория Малыгина, Тамара Старикова и Ольга Узинкина, по очереди сыгравшие несколько фрагментов из музыки к балету В. Казенина «Коты в сапогах», и другие юные музыканты.

Прозвучал удивительный, написанный на народные слова вокальный цикл В. Бибергана «Висимские песни» в исполнении солистки Свердловской филармонии Яны Пакляновой (сопрано) и доцента УГК Лилии Поляковой (фортепиано).

Затем к этому разнообразному исполнительскому празднику присоединился ректор консерватории Валерий Шкарупа (заслуженный артист РФ, заслуженный деятель искусств РФ). Их мастерский фортепианный (и, совершенно очевидно, старинный дружеский) дуэт с Вадимом Биберганом никого не оставил равнодушным.

Прозвучавшие затем романсы Бибергана (сам автор выступил в роли аккомпаниатора) в исполнении замечательной певицы, солистки Екатеринбургского театра оперы и балета Натальи Карловой стали подлинной кульминацией вечера. Особенно тронул всех романс на стихи прекрасного екатеринбургского поэта Майи Никулиной «Не говори мне о разлуке».

И в завершение концерта опять перехватил инициативу Владислав Казенин, известный балагур и в своем роде мастер слова. Его забавные рассказы повеселили публику не меньше, чем песни на слова неизвестного костромского стихотворца, которые исполнил (при фортепианном сопровождении автора) народный артист РФ Валерий Алиев.

В одном из анонсов этой концертной программы я прочел, что песня Казенина «Любовь и бедность» из кинофильма «Здравствуйте, я ваша тетя!» на сей раз не прозвучит. И вот — сюрприз: песня или,

точнее, импровизация на ее тему, украшенная множеством музыкальных цитат и внезапных отступлений, все-таки прозвучала в завершение концерта (тут сверкнул солист ансамбля «Изумруд» Евгений Ханчин, чудесно владеющий виброфоном, ксилофоном, разнообразными ударными инструментами). Прозвучала в качестве остроумного приношения мастеру, но уже не Родиону Щедрину, а Владиславу Казенину (о котором, между прочим, Щедрин сказал: «Стремление к образной конкретности, мелодическая изобразительность, артистизм — наиболее характерные черты таланта В.И. Казенина»).

Остается сказать, что публика, выдержавшая два с половиной часа музыки без антракта, не выглядела утомленной и, кажется, ничего не имела бы против продолжения праздника — хоть до полуночи...

ТРИУМФ ГРАФА

18 декабря

**Заключительный концерт
фестиваля-фейерверка
«Скрипка-бродяга»
Солист — заслуженный артист РФ
Граф Муржа (скрипка)
Концертный
симфонический оркестр УГК
Дирижер — заслуженный
артист РФ Вольф Усминский**

Прежде всего, это была премьера. Впервые Граф Муржа выступал вместе с камерным составом консерваторского оркестра. И впервые им были исполнены 24 каприса Никколо Паганини в удивительном переложении Г. Купрявичюса.

Сначала в исполнении оркестра прозвучала симфония С-Dur Антонио Вивальди. Это было изысканно, но послужило всего лишь прологом к главному событию вечера и, пожалуй, всего нынешнего фестиваля. Знаменитые 24 каприса Паганини даже в студийном исполнении одним скрипачом — редкость. А чтобы вот так — в одной концертной программе все 24 с небольшим перерывом, — и вовсе уникальное событие.

Замечательный литовский композитор и импровизатор Гедрюс Купрявичюс переложил каприсы,

балансируя на тонкой грани между творческой свободой и верностью оригиналу. Не изменив, кажется, ни одной авторской ноты, он сумел ввести камерный оркестр в сложнейший строй музыки Паганини естественно и органично.

Временами возникало такое ощущение, что два десятка музыкантов за спиной у Графа Муржи то дают ему краткую передышку, то как бы мягко поддерживают, выводя из очередного виртуозного пассажа или, напротив, плавно вводя, буквально внося в таковой... Но в иные моменты происходило нечто обратное: солист вел за собой всю махину аккомпанемента, сообщая ей свою энергию, заряжая своей эмоцией. И в целом замена скрипичного одиночества такой почти концертной поддержкой ничуть не убавила колоссальной трудности, которую представляют собой каприсы для солиста.

24 каприса — это техническая граница, обязательный элемент, выполнив который скрипач может считаться мастером высшего уровня. В их технической сложности заключена главная трудность для исполнителя. И это не трюизм. Оттачивая исполнительскую технику, очень легко растерять искусство. Произведение, сочиненное как вызов виртуозам, легко превращается в этакую музыкальную гимнастику.

Иными словами, исполнительская техника, на которую рассчитаны каприсы, настолько сложна, что неизменно затрудняет собственно музыкальное высказывание. Преодолевший именно эту трудность может считаться взявшим барьер, который прежде был доступен только, по всей вероятности, самому гениальному Паганини и считаным единицам блистательных скрипачей после него.

И что же можно сказать по поводу исполнения, предложенного публике 18 декабря в большом зале консерватории? Только одно: барьер взят. Мы услышали не просто затейливые звукосочетания, но — целый мир, полный живых чувств и мыслей, страстей, страданий, счастья и несчастья, борьбы, восторга и вдохновения. Добро пожаловать в высшую лигу, великолепный Граф Муржа! Это победа.

Впрочем, скорее всего, это запоздалое поздравление скрипачу, которого сам великий Иегуди Менухин давным-давно назвал одним из лучших в мире.

Прыжок в неизвестность

В Свердловском театре музыкальной комедии представили «Белую гвардию» Владимира Кобекина

**«Вышла оперетка, только не простая,
а с большим кровопролитием».**
М. Булгаков, «Белая гвардия»

Лариса БАРЫКИНА. Фото Виталия ПУСТОВАЛОВА

Слово, которое, вместе со своим героем Тальбергом, так не любил Булгаков, все-таки прозвучит. Ну в каком самом фантастическом сне могло присниться великому писателю, что герои его романа выйдут на сцену, славную канканами, куплетами и прочими прелестями жанра оперетты? Театр, от которого ждут улыбок и развлечения, посягает на сложные темы, глубокие мысли. И ведь не в первый раз! Прежде чем взяться за «Белую гвардию», Свердловская музкомедия уже прикоснулась к Диккенсу, Бомарше и Гоголю. И к исторически неоднозначным персонажам и временам. Но на этот раз все вышло еще радикальнее. Для сочинения музыки был приглашен Владимир Кобекин, известный своими операми: их у него порядка 20, и подавляющее большинство имеет сценическую жизнь в российских театрах. Вместе с постоянным соавтором, поэтом Аркадием Застырцем они написали по заказу театра сочинение, жанр которого обозначен ими как «музыкальная драма». По Булгакову.

«...Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918-й, от начала революции второй...» Киев образца 1918 года, где все сошлось и смешалось: немецкая оккупация, гетман, Петлюра, бандиты, красные... В невероятном месиве политических интриг, борьбы за власть и военных переворотов – судьба одного семейства. Турбины, два брата и сестра, пытаются жить согласно своим устоям: милые застолья, романсы, флирт и шутки. Их дом по-прежнему притягателен для друзей и соседей, но уже где-то совсем рядом – смерть, хаос и будущее, полное неизвестности... Для авторов спектакля (режиссер Кирилл Стрежнев) этот конфликт домашнего, интимного, и внешне-го, «чужого», вторгающегося с непрошеными гостями, – важнее всего. А уж какой окраски «вихри враждебные» – черной, красной, желто-голубой, – не суть важно. Им должен противостоять универсальный белый. Цвет абсолюта, нравственной чистоты, главных человеческих ценностей. Впрочем, символика цвета если и присутствует (белые стены, рубашки военных, снег), то отнюдь не определяет главного в визуальном облике спектакля. Сценическая метафора художника Сергея Александрова – дом на юру, открытый всем ветрам. Он помещает героев спектакля в просторную гостиную двухэтажного дома Турбиных: рояль, стол под абажуром, ширмы, лестница наверх. То и дело во все двери и «щели» этого пространства внезапно врываются толпа, новые персонажи, и тогда оно «становится» вокзалом, улицей, местом боевых действий. Но тепло, домашний уют, человеческие связи и отношения возвращаются снова и снова, именно они здесь неизбывны и непобедимы.

Похоже, свою партитуру Владимир Кобекин писал, ностальгируя по тем временам, когда опера была жанром общедоступным и объединяющим широкие людские массы. Аллюзии с оперной классикой напрашиваются сами собой. Например, рассказ Шервинского (об ожившем государе) написан в том же ритме, что и баллада Томского о трех картах из «Пиковой дамы». Хор «Слава Петлюре» напоминает все оперные славления разом. А сцена болезни Алексея Турбина явно инспирирована сценой бреда князя Андрея из «Войны и мира» Прокофьева. У всей остальной музыки – не менее «благородное» происхождение: народные и солдатские песни, старинные романсы. А еще клейзмер и некие полуджазовые реминисценции. В единое целое все складывается мастерски: благодаря лейттемам, пульсирующим ритмическим структурам,

непрерывному развитию. Особый прием — симультанность, полифоничность действия. В итоге жанр нового сочинения получился смешанный — полуопера-полумюзикл: диалогов немного, в основном поют, но звук усилен микрофонами. Впрочем, шлягеров, свойственных мюзиклу, здесь, пожалуй, не найти.

«Белая гвардия» стала настоящим испытанием всему театру, проверкой на прочность. Затеиловые тембровые звучания, постоянно живой рояль на сцене, переходы от оркестровых, «во весь голос» фрагментов к аккомпанементу, причем не только пению, но и разговорам, — все требует от оркестра необыкновенной гибкости, баланса, и коллектив под управлением Бориса Нодельмана справляется с этими трудностями достойно. Некоторое злоупотребление звучностью, напором отнесем на счет микрофонов. Хор (хормейстер Светлана Асуева) в который раз демонстрирует универсальную оснащенность: пение, актерские задачи, движение. Балетмейстер Гали Абайдулов выступает как создатель образа коллективного героя — толпы, массовки, — меняющего обличья. Он же придумал необычную пластику некоторых персонажей. А вот поставленные им танцы кордебалета оригинальностью не отличаются. Будучи исполнены вместе с хоровыми эпизодами, они сильно смахивают на вокально-хореографические композиции советских ансамблей песни и пляски.

Перед солистами труппы возникли задачи невероятной сложности: освоить практически оперный материал (с вокалом пока есть проблемы) и сохранить ритм и интонацию естественной человеческой речи. Создать живые, объемные характеры и при этом обойтись без опереточных ухваток, штампов и желания выкрасить своего героя одной краской. Такая универсальность дается пока не всем. Кто-то тяготеет к эксцентрике и утрированию (особенно если роль эпизодическая и сценического времени маловато!), и тогда образ выходит плоским, даже карикатурным. Но многие — на пути к обретению биографий, сложных подробностей жизни своих героев. Сохранив основные сюжетные линии и булгаковских персонажей (кроме Лариосика), авторы музыкальной версии все же оправдывают сакраментальную ремарку «по мотивам», добавляя новые в сравнении с первоисточником ходы и штрихи. Но как пережить смуту и спастись от ужасов происходящего? Есть хорошо проверенный оперный способ, да и опереточный тоже: все должны быть влюблены! И то, что в романе проскальзывало лишь намеком, получает неожиданное развитие или педальирование. У всех героев-мужчин появляются пары. И вот уже Алексей Турбин (нервно-взвинченный Владимир Алексеев) устраивает сцены ревности Юлии, любительнице кокаина и пахитосок в декадентских лиловых шелках

(стильная, пластичная Татьяна Мокроусова), и эти сцены пока заслоняют другие стороны его характера. Мышлаевский (молодцеватый Леонид Чугунников) решает приударить за прислугой Аннушкой (Альбина Дроздовская), которой он искренне нравится. И здесь, пожалуй, есть смысл поискать иные нюансы, кроме тяги штабс-капитана к алкоголю.

Более других развит в спектакле роман Елены Тальберг и Шервинского, занятых совместным музицированием. Правда, к ним всегда присоединяется молчаливый поручик Карась (пианист Кирилл Бузмаков — весь вечер за роялем). Для этих сцен Кобекин сочинил прекрасные романсы: один на лермонтовское «Белеет парус одинокий», другой на стихи Фета «Тихая звездная ночь» — он стал одним из лейтмотивов спектакля. Ведущая актриса театра Светлана Кочанова, переиграв в последние годы всех мам и маменек, в этом спектакле вновь героиня — прекрасная, чуточку загадочная женщина, не увлечься которой решительно невозможно! В том числе и юному поручику и будущему оперному певцу Шервинскому (отличная работа Игоря Ладейщикова). Логика режиссерского выбора на главную женскую роль понятна: в театре немало замечательных актрис, но вряд ли кто из них способен передать весь драматизм в труднейшем монологе-молитве о спасении брата. Наконец, младший, Николай. Он встречает свою судьбу в лице сестры погибшего полковника Най-Турса Ирины, и их зарождающаяся влюбленность выглядит самой трогательной. Вообще, молодежь в спектакле удалась. Леонид Забоев, новое дарование театра, обаятелен и органичен, ему под стать — хрупкая прелесть Анастасии Сутягиной. Сцена и рассказ Николая о гибели Най-Турса и юнкеров становятся первым мощным драматическим всплеском. А их разговор с Ириной на фоне хора-отпевания «Ныне отпускаеши» — прекрасной тихой кульминацией.

Два акта музыкальной драмы пока воспринимаются по-разному: в первом необходимость раскрутить экспозиционную пружину и представить всех действующих лиц довлеет над авторами и несколько тормозит действие. Второй — гораздо стремительнее по темпоритму и запоминается яркой финальной кульминацией. «Марш, вперед, труба зовет, наливайте чары», — поют все мужчины спектакля, живые и мертвые. Сбросив шинели и гимнастерки, они, как перед расстрелом, остаются в белых рубахах. Белая гвардия...

В самом конце спектакля вновь, как и перед началом, зазвучит тихий, спокойный голос автора-рассказчика: «А маленький Петька видел сон. Он не интересовался ни красными, ни белыми, ни любовью взрослых. И сон его был простой и радостный». Вместе с последними словами опустится прозрачный суперзанавес, словно отдавая от нас все происшедшее на сцене, покрывая его дымкой времени...

Екатеринбургская труппа не впервые отважилась на прыжок в неизвестность. И в былые времена она с гордостью носила статус «лаборатории советской оперетты». Хочется верить, что и в зрители нашего города не иссякла тяга к новизне, экспериментам и умному театру.

Легко ли быть примой

Надежда БАСАРГИНА
на презентации своей
книги в Доме актера

Она хотела петь в опере. И, окончив Ленинградскую (Санкт-Петербургскую) консерваторию, была готова выйти на оперную сцену. Но — неожиданно получила приглашение из Свердловского театра музыкальной комедии и... так же неожиданно для себя ответила согласием. Решив свою актерскую судьбу на всю жизнь. Бог дал ей все для сцены: внешность, голос, талант. Но этими дарами надо еще уметь распорядиться, собрать их в единое целое, чтобы стать Актрисой, тем более — Примой.

Надежда БАСАРГИНА вот уже 35 лет — эта дата как раз в нынешнем декабре — прима свердловского театра. Явившись на этих подмостках в 1977 году как Белькоре («Купите пропуск в рай» Д. Модуньо), она уже вскоре предстала Розалиндой («Летучая мышь» И. Штрауса), Еленой («Прекрасная Елена» Ж. Оффенбаха)... И дальше, дальше... Сыграны практически все героини классического репертуара и масса современных. Именно сыграны, потому что с каждой ролью росло мастерство актрисы (вокально у нее изначально на высоте). И по праву она носит неофициальное, но столь дорогое звание примы труппы. Есть у нее сегодня и официальное почетное звание: народная артистка РФ. В своей крохотной гримерке Надежда Басаргина рассказала о театре и о себе.

— **Название вашей книги — «Судьба моя — оперетта». Надо ли это понимать так, что ваш приоритет все-таки классика?**

— Ну, впрямую я это не имела в виду. Хотя, конечно, классических оперетт в моей жизни было и есть очень много. Я люблю их за прекрасную музыку. Но были и интересные работы в, как тогда называли, советских опереттах: «Стряпуха», «Земное притяжение», «Товарищ Любовь», и в мюзиклах, например «Милый друг». В моей жизни в театре две эпохи — Курочкина и Стрежнева. У Владимира Акимовича все всё пели и играли. Кирилл Савельевич артистов как бы немного «разделил» по жанрам, но, грех жаловаться, я и у него много занята.

Вот сейчас, например, в «Тетке Чарли» у меня номер, в «Как вернуть мужа» — характерная роль, он дал мне возможность попробовать переход на характерные роли, чему я очень рада. На днях вывесили приказ, что Кирилл Савельевич будет ставить спектакль по пьесе Николая Коляды «Баба Шанель», и это просто подарок, особенно для среднего и старшего поколений, на которые он собирается ставить. Там пять больших женских ролей, и сама пьеса замечательная, и музыка, которую написал Александр Пантыкин, тоже. Мы сходили с Галиной Петровой в театр Коляды, посмотрели этот спектакль, получили огромное удовольствие от самой пьесы и от игры актеров.

— **И все же, почему я спросила про классику: мне казалось, что с вашим-то оперным образованием душа должна лежать к классике.**

— Она, в общем, так и тяготела в течение 30 лет. Но я уже все перепела, даже некоторые оперетты в двух, трех постановках.

— **Надоело?**

— Надоело, знаете, играть рафинированных героинь. Ну, представляете, 24 года я выхожу на сцену Теодорой Вердье в «Принцессе цирка»... Хочется характера какого-то интересного, необычного. Выйти из рамок «светской дамы».

— **Как женщина женщине: а разве не нравятся вам выходить в таких образах — наряды, шляпы, красота, шарм и шик?**

— Ну, лукавить не буду, конечно, мне нравятся красивые костюмы и «облики». В таких спектаклях, как «Сильва», «Марица», «Веселая вдова», ощущаешь себя шикарной женщиной. Когда вокруг тебя кавалеры, восхищаются тобой, признаются в любви — приятно, но вот эти рамки, в которых ты очень долгое время находишься, надоедают, как и все в жизни.

— **То есть актрисе становится скучно?**

— Да, да! Хочется чего-то нового, и время перехода-то ведь настало. Хочется что-то

другое попробовать, из реальной жизни. Ну, смотрите, если взять героинь из многих оперетт, они и их истории практически одни и те же: встретились, влюбились, потом ссора, потом счастливое примирение.

— **Собственно, вся классика — «сказочные» истории.**

— Да, а вот спектакли, которые сейчас у нас появляются, — это жизнь, сама жизнь. Та же «Баба Шанель», я не помню, чтобы в последнее время так смеялась и плакала, и люди в зале сидели со слезами на глазах. Понимаете, это такая больная тема, это правда. Об одиночестве возрастных людей, которые остаются одни, как они дорожат друг другом...

— **Вы мне говорили когда-то, что вам очень хотелось бы спеть комическую оперу. Что-то подобное довелось осуществить?**

— У нас был спектакль такой — «Званный ужин с итальянцами». Это же Оффенбах, партии все как оперные, и вокал довольно сложный. И хотя считается, что это оперетта, ее можно назвать и комической оперой. Мы, поющие актеры, такое удовольствие получали! И зритель великолепно принимал. Сейчас, когда у нас открылась Новая сцена, этот спектакль, я считаю, мог бы там идти. Так что удалось немножко попробовать оперу, и, конечно, мечтаю о подобных постановках небольших, где можно было бы еще попеть.

— **В своей книге вы много написали о том времени, когда пришли в театр. О том, как вас учили и наставляли старшие коллеги, корифеи, которые в то время здесь работали.**

— Это Энгель-Утина, Чернов, Крапман, Духовный, я у всех у них училась, они помогали. А Мария Густавовна Виск! Она подходила ко мне и говорила: «Деточка, знаешь, как надо носить этот костюм? Вот этот шлейф не должен за тобой волочиться, когда ты поворачиваешься, ты его должна ножкой отодвинуть». Такие детальки ни от кого не услышишь, нигде не прочитаешь. Как она, уже очень грузная, двигалась по сцене как бабочка... Что с ней делала сцена, я так и не могу понять.

— **Наверное, это и есть симбиоз магии театра и актерского мастерства. Поколения сменились, а нынешнее поколение нехотят учиться? Эта традиция продолжается?**

— Мне кажется, сейчас молодежь другая. Они приходят уже «звездами» в театр. Звездная болезнь, которая у нас очень помолодела и плюс ко всему очень пропагандируется средствами массовой информации, — это плохо. Они приходят, считая, что все уже умеют. Ну зачем учиться, лишний раз репетировать, мы и так все знаем... Иногда смотришь и думаешь: Господи, как тебе еще далеко до высот знаменитых имен нашего театра! Знаете, на днях посмотрела видео — номер в исполнении Алисы Виноградовой и Виктора Сытника. Не могла оторвать глаз от

В спектакле
«Веселая вдова»

них. Вот это звезды! Эта пара действительно олицетворяла...

— **...Те самые блеск и шарм, которые в оперетте необходимы?**

— Да, здесь все: умение и вокализировать, и общаться, и двигаться. Сейчас у нас такой пары нет.

— **Вам, можно сказать, везло и с партнерами, и с репертуаром. Вы окончили консерваторию и всю жизнь поете.**

— Мне очень повезло, действительно. Жаловаться на свою судьбу не могу.

— **35 лет в театре. А как столько лет держать голос и форму прекрасную? Вы что-то для этого специально делаете или природа такая?**

— Нет, ничего специального, единственное у меня правило всю жизнь: соблюдать певческий режим.

В спектакле
«Екатерина Великая»

В спектакле
«Марица»

— **Что это значит?**

— Это значит не пить простуженной, не пить холодного, на улице в холод не болтать. Я знаю, что должна выходить на сцену, петь, что у меня голосовой аппарат должен быть не просто в хорошем состоянии, а в отличном. Ну, естественно, заниматься и заниматься. Все время сама занимаюсь.

— **А физическая форма? Надо же еще танцевать, двигаться, носить костюмы, чтобы, грубо говоря, застежки сходились.**

— Конечно, с возрастом сложнее стало, но я стараюсь за собой следить, потому что прекрасно понимаю, что физическая форма для актрисы — это очень важно. Если позволишь себе утратить форму — это значит, что надо отказать от ряда спектаклей, а то и уходить со сцены, но ведь еще хочется поиграть!

— **Вы 35 лет в этом театре прима. Я это слово говорю не в кавычках, это на самом деле так. Легко ли быть примой? Мы знаем, какой сложный коллектив — театр, труппа. Кто-то может и завидовать, кто-то может и злостствовать. И потом, коли ты прима, надо всегда этому положению соответствовать, чтобы никто не мог усомниться.**

— Безусловно, я прекрасно понимаю, о чем вы говорите. Да, все бывает, конечно, в

театре, но у меня такое правило: я никогда не вступаю ни в какие разборки. Слава Богу, у нас в театре такого, в общем-то, и нет. Хорошее, приятное — подойдут, скажут, даже молодые, неприятное стараются не говорить. Нужно всегда все доказывать делом. Вышла, спела, смотрите, в какой ты форме, как ты сыграла.

— **Про личную жизнь, точнее, про домашнюю: я слышала, что вы прекрасная хозяйка. До сих пор на кухне бываете?**

— Я бываю на кухне постоянно. Муж у меня любит, чтобы всегда было первое. Поэтому — изошряюсь. У меня много всякой кухонной техники, и она мне помогает. Если что-то появляется новое, я тоже стараюсь внедрить, чтобы меньше тратить времени. В доме у меня всегда есть и обед, и ужин.

— **И это при театральном-то расписании?**

— Да, при театральном расписании. Раньше мне Эдик Жердер очень помогал, он говорил: «Сейчас тебе дам шикарный рецепт. Очень быстро!», я записывала и дома готовила. Он был просто мастер, отлично готовил и постоянно что-нибудь мне подкидывал.

— **Планируете как-то отметить 35-летие на сцене?**

— Мы с Кириллом Савельевичем Стрежневым говорили об этом и решили сотворить такой спектакль-концерт. Сейчас мы над ним работаем с молодым режиссером Сергеем Юнгансом и нашим главным дирижером Борисом Нодельманом. Хочется сделать так, чтобы это было не разовое «мероприятие», а репертуарная постановка для Новой сцены.

В спектакле «Княгиня чардаша»

«...То, от чего мне хорошо»

«Немецкое Рождество в Екатеринбурге» уральцы встретили в начале декабря. Рано? В полном согласии с русскими традициями и немцы празднику рады накануне. С 1 декабря Германия погружается в атмосферу веселья: тысячи гирлянд, нарядные елки на городских площадях, фигурки святых, с которыми разыгрывают сценки на религиозные сюжеты... Весь декабрь в Германии ждут праздника — дня рождения младенца Иисуса. Генеральное консульство Германии в Екатеринбурге провело традиционное торжество. На Немецкой рождественской ярмарке уральцы познакомились со святым Николаусом (коллегой Деда Мороза), малыши узнали, для чего в предрождественском немецком календаре 24 окошечка и зачем все дети в Германии выставляют в ночь на 6 декабря начищенные ботинки за дверь.

В рамках рождественского проекта состоялся немецкий гала-концерт в Свердловской государственной академической филармонии. В нем на одной сцене выступили филармонический симфонический хор, екатеринбургский хор «Доместик», джаз-хор и капелла мальчиков и юношей Свердловской государственной детской филармонии. «Возглавил» концерт берлинский хормейстер и композитор Маркус ВЕТТШТАЙН. А потом ответил на наши вопросы, и первый из них: без чего невозможно представить настоящее немецкое Рождество?

— Самое главное — празднично украшенная елка. Кроме того, каждый регион Германии может похвастаться особым блюдом, которое обязательно появляется на праздничном столе. Еще одна значимая составляющая немецкого Рождества — музыка, звучащая в храме. Это одинаково важная традиция и для тех, кто поет, и для слушателей.

— **Хоровое пение имеет особое значение для нации?**

— Насколько мне известно, сегодня только в Берлине около 800 хоров. Большею частью это любители. В Германии довольно сложно осуществлять финансирование профессионального коллектива. При этом еще сравнительно недавно хоровое пение в стране практически не существовало. После Второй мировой войны оно было прочно связано в восприятии народа с национал-социализмом. В те времена песня имела огромное значение. К сожалению, негативное. Поэтому еще в 60–70-х годах прошедшего века в образовательных учреждениях практически не пели. Преподавалась только теория музыки. Сейчас постепенно хоровое, ансамблевое пение возрождается.

Маркуса ВЕТТШТАЙНА заразила энергия хора

— **И немецкая, и русская хоровые традиции имеют богатые корни. Переплетаются ли они в вашем репертуаре?**

— Я должен сказать, что не очень хорошо знаю произведения великих русских хоровиков: Танеева, Рахманинова, Прокофьева... Точнее, я знаю эту музыку как слушатель и нахожу ее прекрасной. Она способна разбудить в людях лучшее. Но те хоры, с которыми я занимаюсь, недостаточно большие,

чтобы петь такие масштабные произведения.

— **В работе с уральскими хорами что вам показалось странным, неожиданным, непривычным?**

— Общение с большим количеством детей оказалось для меня новым опытом. С молодежью я практически не занимаюсь. Всегда очень интересно посмотреть, как работают другие руководители: как хоры распеваются, настраиваются. Я отметил для себя несколько новых упражнений, которые буду использовать в Берлине. Восхищен работой руководителей хоров. Это профессионалы высочайшего уровня. На репетициях с хорами детской филармонии мне стало понятно, что легкость звучания здесь — не само собой разумеющееся, что голоса уральцев гораздо более сильные. Было много моментов, на которых я заострял внимание и просил уделить внимание манере пения. Отказаться от вибрато для ваших хоров оказалось непросто. Но коллективы были замечательно открыты и чутко реагировали на замечания. Я отметил, что в работе с детьми необходимо быть очень четким в своих указаниях, иногда даже требуется довольно жесткое слово. Это, может быть, то, что мне удастся меньше всего. Но я заметил, что за определенной жесткостью руководителей капеллы мальчиков и юношей и джаз-хора кроется доброта, которую они просто излучают.

— **В среде уральских педагогов-музыкантов звучит мнение, что мужчины в России жили бы дольше, если бы могли себе позволить петь и плакать. Как вы относитесь к терапевтическому воздействию музыки?**

— Думаю, это имеет место быть. Музыка оказывает очень большое воздействие на человека. Я много раз наблюдал, как человек приходил на репетицию и говорил, что он разбит. Однако после пары часов пения его силы восстанавливались, появлялось воодушевление. По себе могу судить: музыка — это то, что приносит мне удовольствие, и то, от чего мне хорошо.

Выступление удалось!

Танцевальная компания
«Окоем»

И СНОВА «НА ГРАНИ»

В Свердловском театре музыкальной комедии состоялся четвертый фестиваль современного танца «На грани».

В чем его нынешняя необычность, его новый голос? Он не стал таким уж громким, международным и получил даже приставку «регион». Наверно, это продиктовано и новым домом. Праздник танца проходит на Новой сцене театра музыкальной комедии, красивой, уютной, почти домашней.

Удивительный все-таки город Екатеринбург: проблем хватает, как во всей стране, а художественная жизнь продолжает завидно бурлить без всяких антрактов. Только что завершился «Театрэш» – вернисаж искусства молодежных коллективов, любители кино вновь встречали «Кинопробу»... Одним словом, всегда есть что выбрать.

«На грани» открылся данс-проектом под названием «Эскизы». Его придумал художественный руководитель «Эксцентрик-балета» Сергей Смирнов, обладатель нескольких премий «Золотая Маска». Это было по-настоящему изящно, стильно и со вкусом. Живое переплетение танцевальных миниатюр, пластических этюдов... Здесь можно было получить удовольствие от фрагментов лучших работ «Эксцентрик-балета», ставших, по сути, уже классикой жанра. Это и «Голос», и «Маленькие истории, рассказанные другу»... Создания Сергея Смирнова – сами по себе есть всегда уже театр со своим почерком и яркой формой. Миниатюры полны драматизма, экспрессии, а еще юмора и самоиронии.

Конечно, в концерте не обошлось без лидеров, которые и тут превалярировали по праву. Когда на сцене появляются Татьяна Брызгалова и Ашот Назаретян, совсем не хочется раскладывать на отдельные слагаемые то, что они делают. От артистов просто глаз невозможно отвести. И отчетливо понимаешь, что увлекают ведь простым и вечным, потому что – красиво и никогда не бессмысленно. Ашот Назаретян, кажется, может станцевать

Алла ЛАПИНА. Фото Виталия ПУСТОВАЛОВА

все и про все. Танцует же он, или играет, не знаешь, как и сказать, русскую народную песню «Темным лесом». И как залихватски! Татьяна Брызгалова и Ашот Назаретян сегодня уже сами занимаются постановочной работой. И в «Эскизах» появились гости из краев совсем не далеких. Театр танца «Рандеву» из Ирбита показал забавную композицию «Ботиночки». Ее сочинила именно Татьяна Брызгалова.

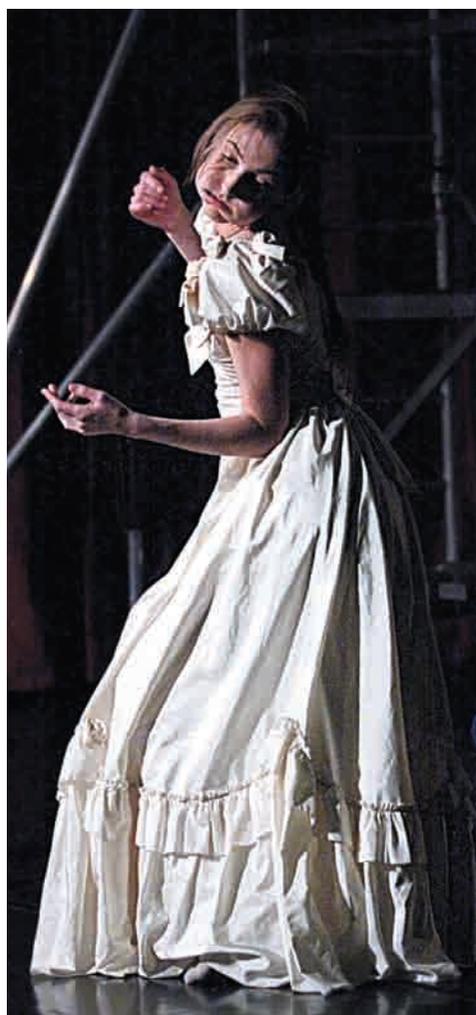
А еще был представлен театр из Москвы «Балаганчик». Здесь уже автор хореографии Ашот Назаретян. Показался и театр со славным названием «Танцующие человечки» из Екатеринбурга. В уральской столице все время возникают новые группы, и это уже не случай, а тенденция, и даже традиция.

Надо признать, что в художественном уровне разрыв между лидером и гостями ощутим, и это, наверное, естественно, хотя гости подкупали задором, отвагой молодости и желанием танцевать, что уже много.

Мне было наиболее интересно рассматривать эскизы будущих работ Сергея Смирнова. Звучало много грузинских мелодий, а в заключительном «Эскизе» все вылилось в кружево бессмертной «Сулико», это обещает зримые сюрпризы в будущем. И думаю, что театр себе не изменит. Это будет, как всегда, про жизнь, про нас, про открытие мира.

«На грани» были также «Челябинский театр современного танца» и две группы из Екатеринбурга – «2046» и «Окоем». Одним словом, камерно... И вот о чем подумалось в связи с этим: а так ли уж обязательно проводить этот фестиваль ежегодно? Может быть, есть смысл сделать перерыв, поднакопить творческий резерв, и откроются новые, неожиданные грани.

Руководитель арт-студии театра эстрады Елена ЗАХАРОВА (справа) с артистами мюзикла «Игра без лишних слов»

Когда слова не нужны

Старая танцплощадка, летнее кафе, свет фонарей. Знакомая музыка будто приглашает в игру. Игру без лишних слов. Их в новом мюзикле Уральского государственного театра эстрады действительно нет. Бестолковых нет. Зато все нужные, важные, любимые парят синими птицами по залу, присаживаясь рядышком с чутким слушателем-зрителем. Что не удивительно и не странно, ведь 15 музыкальных произведений, из которых соткан спектакль, созданы Давидом Тухмановым.

НОВОЕ — ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

Перед зрителем разворачивается история взаимоотношений молодых ребят — любовь, ссоры, расставания, отъезды... Юные артисты арт-студии театра эстрады транслируют чувства своих героев через, казалось бы, забытые песни Тухманова. Но талант и искренность не стареют. Так что все очень органично, все своевременно. И жизнерадостная девушка в костюме Чарли Чаплина (Ирина Макарова, «Только не надо переживать»). И влюбленный парень, отчаянно не успевающий на по-

следнюю электричку (Игорь Пиджаков, «Опять по шалам»). И стилиста-студент, сетующий на свою учебу за кордоном (Федор Данилов, «Из вагантов» — «Во французской стороне»). И многие другие персонажи.

ЖИВАЯ ИГРА

Кстати, песни могли остаться просто песнями, если бы не хореографическое решение и актерское мастерство. Между тем из истории в историю вместе с солистами «перетанцовывают» и артисты балета театра эстрады, и актеры театра «Галерка». При том что спектакль поется вживую, отсутствует ощущение напряжения, которое могло бы возникнуть в довольно сложных условиях «не фанерного» исполнения и активного движения. Слушается и смотрится история легко, на одном дыхании, наверное, еще и оттого, что нет ни малейшего перерыва между песнями. Чему, кстати, способствует и прекрасный аккомпанемент музыкантов группы «Хамелеон», которые не только искусно поддерживают динамику артистов, но и время от времени включаются в исполнение

Ксения ШЕЙНИС. Фото Алексея РОГОЗИНА

песен вместе с солистами. К слову, нет в действе и антракта, который, скорее всего, помешал бы, сбив точную настройку большого «инструмента»-ансамбля.

ВНАЧАЛЕ БЫЛА «ЛЮБОВЬ»...

Руководитель арт-студии театра эстрады, доцент кафедры музыкального образования РГПУ Елена Захарова рассказывает о мюзикле. Идея подобного музыкального действия для этого коллектива не нова. В прошлом году на этой сцене шла постановка «Любовь под дождем». Были собраны разные музыкальные произведения и связаны сюжетной линией «под крышей» одного спектакля. «Игру без слов» и решено было ставить после успеха «Любви».

Отличительная черта нового произведения — один автор-композитор. Тухманова выбрали не случайно. Не говоря о великолепной музыке, именно его произведения легко укладываются в единый сценарий. Автором либретто и режиссером-постановщиком стал художественный руководитель театра «Галерка» Дмитрий Зимин. Он же занимался и актерским мастерством с артистами мюзикла.

КАЖДОМУ — СВОЯ ПЕСНЯ

И танцевальная группа, и арт-студия были созданы при театре всего три

года назад. Сегодня, глядя на сцену, понимаешь, сколько труда, увлеченности и веры пришлось вложить руководителям коллектива, чтобы создать его таким. По словам Елены Захаровой, сложность в том, что не готовят на Урале профессиональных артистов эстрады. Есть театральные институт, консерватория, музыкальное училище, но комплексного обучения нет. Поэтому Захарова провела кастинг и создала в театре эстрады арт-студию. Молодые артисты (априори либо певцы, либо драматические актеры) одновременно учатся в студии и играют в спектаклях. Нынче набрали новеньких. Теперь им тоже предстоит обучиться эстрадному мастерству. Лучшие останутся в театре.

Когда разрабатывался сценарий «Игры без лишних слов», учитывалась фактура каждого из артистов арт-студии. То есть не актер подбирался под роль и песню, а наоборот: каждому — своя песня. Наверно, еще и поэтому ребята выкладываются в мюзикле на все сто. Гордятся эксклюзивностью...

Актриса арт-студии Ирина МАКАРОВА (в центре) в спектакле «Игра без лишних слов»

НАДЕЖДЫ — ЕСТЬ!

Выпускные спектакли
в Екатеринбургском театральном институте

Много лет я вхожу в жюри популярного конкурса Союза театральных деятелей на лучшую театральную работу сезона под названием «Браво!». Несколько лет назад там появилась новая творческая номинация, ее назвали «Надежда «Браво!» и стали присуждать за самые яркие студенческие работы выпускников театрального института и консерватории. Поэтому с особым вниманием и интересом смотрю дипломные спектакли будущих артистов.

В нынешнем году на творческий экзамен вышли сразу четыре выпускных курса Екатеринбургского театрального института, это мастерские Андрея Русина, Владимира Двормана, Вячеслава Белоусова — драматический жанр, и Кирилла Стрежнева — музыкальный театр.

Сегодня рассказывать об «уже почти артистах», скажем честно, особенно непросто и особенно ответственно. Только-только отшумели громкие страсти по поводу того, что Екатеринбургский театральный институт по-

пал в злополучный список «неэффективных» вузов. Теперь известно, что институт обещано сохранить. Но только дальнейшая жизнь покажет, как будут развиваться реальные события. Очевидно, что проблемы, которые стоят за этой историей, в первую очередь вызваны причинами экономическими. Другой вопрос, что у нас такая уж грустная традиция: сначала рубят, а потом начинают разбираться, что, наверно, палку перегнули...

Но вернемся к студентам, хотя буквально завтра они уже станут артистами. Как будет написано у каждого в дипломе, «артист театра и кино». В учебный театр театрального института «заглядывать» всегда интересно. Здесь на маленькой и скромной сцене идут дипломные спектакли. Театр расположен в самом центре Екатеринбурга, и спектакли есть на все вкусы и возрасты.

Артист и режиссер Екатеринбургского театра юного зрителя Олег Гетце поставил с выпускниками кафедры пластической выразительности тонкую и сложную пьесу итальянского драматурга Луиджи Пиранделло

Алла ЛАПИНА. Фото Вячеслава ДОНЕЦКОГО

Сцена из спектакля
«Труффальдино»

«Шесть персонажей в поисках автора». Не скажу, что художественно здесь все убеждает, но обаяние и отдача исполнителей искренне подкупают.

У каждого курса, конечно, своя судьба. Пожалуй, творчески самая счастливая — у артистов музыкального театра. Его кафедрой руководит профессионал высокого класса, главный режиссер знаменитой Свердловской музкомедии Кирилл Стрежнев, народный артист России, обладатель премии «Золотая Маска». А в этом и заключен секрет успеха: есть подлинный Мастер — будут у его учеников владение профессией, культура, индивидуальность, понимание искусства, которому предстоит служить.

Многие воспитанники Стрежнева уже широко известны. Евгений Зайцев работает в Москве. Но большинство в родном театре, и это прекрасно, эстафета традиций передается «из рук в руки». Здесь выходят на сцену Игорь Ладейщиков и Алексей Литвиненко, последний стал уже и педагогом. А кто-то, еще не закончив обучение, попал в стажеры театра, это Екатерина Куропатко, Никита Туров, Леонид Забоев.

Найти и «заманить» к себе крупного мастера с именем для провинциального вуза — большая удача, надо же быть реалистами и понимать, что такие деятели искусства — «товар» штучный, который пользуется спросом всегда и везде. В институте это хорошо понимают. Поэтому здесь работает Николай Коляда. Здесь творил великолепный кукольник Сергей Константинович Жуков, здесь есть редкая по своему назначению кафедра пластической выразительности, ее возглавляет Вячеслав Белоусов, который знает все о том, что такое пластический образ не только в теории.

Я видела дипломный спектакль выпускников музыкального театра — «Труффальдино» по мотивам пьесы Карло Гольдони «Слуга двух господ». Настроение заражает. Озорно, с хорошей, действительно молодой энергетикой. Пока не все и всё умеют, но такого в театральном искусстве и быть не может, здесь не бывает массового производства.

Вот Труффальдино — Никиту Турова — мы запомним. Он умен, лукав, по-человечески интересен. Любопытно, что Никита еще и музыку пишет, и в спектакле она звучит. Симпатичен и трогателен отчаянно влюбленный Сильвио — Леонид Забоев, он привлекает добрым светом и славным юмором.

И еще об одном курсе выпускников — Андрея Русинова. Бывает, работает человек в театре, скажем так, не самым громким образом, а потом находит свое истинное призвание. Андрей Русинов нашел себя в педагогике и уже это доказал, доказали и его ученики. Обычно у него все начинается с выбора литературного материала для будущих работ, как правило очень своего, личного.

Сцены из спектакля «Труффальдино»

Понимаешь, что режиссеру важно научить не только профессии, но и любви к своей стране, знанию ее истории. Потому работ этого курса всегда ждут особо и о них говорят, их обсуждают.

Нынче «русиновцы» сыграли пьесу Владимира Жеребцова «Чморик», грустный и болевой сюжет о современной армии. Пьесе стоит играть, если есть исполнители на роли главных героев: Сани Хрустяшина, его играет Даниил Андреев, и Новикова, Чморика, его играет Кирилл Попов. Конечно, Русинов прекрасно знал, что в этих ребятах есть органика, но ведь важен результат. Самое ценное: в работах студентов нет формальной пустоты, они не оставляют равнодушным, а это дорогого стоит.

Конечно, студенческие работы всегда некий аванс, но главное уже видно — от затравленных артистов есть чего ожидать.

Какой финал у сказки?

Детские книжки получают премии, но... не издаются

Вручение в Екатеринбурге Международной детской литературной премии имени писателя Владислава Крапивина едва не оказалось под угрозой срыва. Чествование отличившихся детских писателей прошло с некоторым опозданием из-за проблем с финансированием. Но премиальная история образца 2012 года закончилась, можно сказать, хэппи-эндом, средства нашлись, благодаря дотации от министерства культуры Свердловской области.

*Лауреат первой премии
Павел КАЛМЫКОВ*

В современных книгах, рассчитанных на подрастающее поколение, счастливый конец фактически запрограммирован изначально, как нечто само собой разумеющееся. Старые сказки были не так щепетильны, не все из них завершались одинаково хорошо. Бывало, что Колобка в финале пути поджидал преждевременный сход с дистанции — «а лиса его — ам! И съела».

Наиль ИЗМАЙЛОВ

Сюжет истории, связанной с Крапивинской премией, из года в год напоминает жизнь в поучительной сказке — гладко было на бумаге, да вот встретились овраги. Не без приключений все обходится, но «бог из машины» появляется в самый последний момент, чтобы преподнести спасительную развязку. Так начинаешь верить в чудеса и в счастливую звезду всех начинаний, которые связаны с именем настоящего сказочника — Владислава Петровича Крапивина, которого еще называют «великим романтиком».

Раздается тревожный и слаженный, разрезающий воздух гром, высекаемый волшебными палочками юных барабанщиков вечно молодого отряда «Каравелла»,

сердце на секунду замирает, а потом, словно улавливая заданный ритм, принимается стучать в такт. Так торжественно, вдохновляюще... И происходит что-то хорошее...

Так было и на этот раз в зале Свердловской областной библиотеки для детей и юношества, казавшемся совсем маленьким, потому что он был заполнен до отказа самыми главными людьми на этом празднике — юными читателями. Очень многие из них вертели в руках или с любопытством перелистывали красивые книжки. И еще в этом зале присутствовали несколько по-особенному взволнованных человек, слегка напоминающих именинников. Несколько представителей той когорты «странных» писателей, которых записывают в детские. Их увлеченность своим, безусловно, благородным делом (не всегда, увы, по заслугам награждаемым), их подвижничество, приятный и сложный одновременно труд и порождают вереницу новых сказок, занимательных историй, которые, развлекая, воспитывают очередное поколение этих мальчишек и девчонок, с интересом вытягивающих сейчас шею, чтобы разглядеть дяденек и тетенок, сочиняющих книжки.

На церемонии награждения лауреатов Крапивинской премии 2012 года, со всеми полагающимися атрибутами: видеопрезентацией, мини-спектаклем, выступлением капеллы мальчиков, поздравительными речами, вручением призов разного достоинства и, конечно, с обязательным приветствием «Каравеллы» (на главной награде — медали — недаром изображен Мальчик со шпагой), думалось, как все-таки здорово, что это снова случилось, состоялось.

Большой кризис уральская премия за достижения в детской литературе переживала еще 2009 году, едва не перестала существовать тогда. Ее в критической ситуации взяло под опеку (выражаясь по-нынешнему, взяло на себя функции сопровождения) Содружество детских писателей, появившееся и ныне существующее, что отрадно, в Екатеринбурге. Содружество к многочисленности не стремится. Бесшменно верховодит в нем Ольга Колпакова, мастер добрых дел. Есть в нем и рекордсмен Светлана Лаврова, выпускающая уже 70-ю (!) книгу для детворы. Дополняет состав узкий круг единомышленников. Перед нами,

по сути, литературная группа, взвалившая на себя нелегкий груз организационных проблем – собрание, читку, выбор конкурсных работ.

Интересная статистика: в 2010 году оргкомитет получил 222 книги и рукописи, в 2011-м их пришло 194, причем из 12 стран. В 2012-м поток заявок чуть-чуть сократился, но иссякать не намеревался, 114 произведений-соискателей из семи стран. Так что приставка «международная» по отношению к данной литературной премии никак не натяжка и не преувеличение.

Но Крапивинская премия – честная и преклонению перед Западом не подвержена. «Иностранцам» не удалось пробиться в лауреаты. Не потому, конечно, что место проживания как-то учитывается. Просто десятка шорт-листеров подобралась очень сильная, а экспертный совет во главе с самим Владиславом Петровичем предъявляет высокие художественные требования.

Первое место занял автор из Петропавловска-Камчатского Павел Калмыков. Наградой высшей пробы отметили его произведение «Клад и другие полезные ископаемые». Он продолжает российскую традицию писателей-врачей, заложенную Чеховым и Булгаковым. Медицинской практики до сих пор не оставляет. Урал ему совсем не чужой, одно время он жил в Ирбите. На счету писателя – четыре сказочные повести. Вниманием издательств, несмотря на высококачественность отделки вещей и неоспоримую читабельность, не избалован. Печатная история складывается у него нелегко. Сумел, с помощью поклонников своего творчества, настойчиво убеждавших неприступные издательства и методично рассылавших рукописи, выпустить пока лишь две книги: «Ветеран Куликовской битвы» и «Королятник, или Потусторонним вход воспрещен». Да и то в провинции, тиражами в полтысячи экземпляров. Остальные сказки ждут своего часа. Победивший «Клад...» также дожидается читателей, лежа в столе. Но премия Крапивина обладает еще и даром убеждения. Организаторы изустно передают счастливый сюжет о Юлии Кузнецовой из Севастополя, для которой присуждение премии буквально в течение одного дня обернулось контрактом на книгу, столь магическое действие произвело на издатель известие о лауреатстве.

Про врачей вспомнили на чествовании лауреатов после церемонии еще и вот по какому поводу. Присутствовавший заместитель министра культуры Свердловской области Олег Губкин подбросил занятую тему для дискуссии: а не принижает ли автора звание «детский писатель»? Ведь неважно, что и для кого именно он пишет, главное, чтобы он профессионально и хо-

Эдуард ВЕРКИН
(слева)

рошо это делал. Может быть, имеет смысл называть всех просто «писателями»? На что у живых носителей определения тут же нашлось веское возражение, бесспорный аргумент – не чураются же медики-педиатры термина «детский врач».

Зато все единодушно выразили огромную признательность министерству культуры Свердловской области за поддержку. Минкульт откликнулся на просьбу о помощи, пошел навстречу и оперативно выделил недостающую сумму. Существуют в России, разумеется, и премии престижа, без денежного обеспечения. Премия Андрея Белого сопровождается одариванием символическим рублем и бутылкой с известным русским напитком. Не приносит шуршащих дивидендов «Рукопись года», но дает автору шелестящий эквивалент в виде изданной книги. И все-таки приз с деньгами – это правильно. Детские писатели люди небогатые, что скрывать. Практически все финалисты совмещают сочинительство с другой профессией. Шамиль Идиатуллин (он пишет под псевдонимом Наиль Измайлов), занявший третье место за «Убыр» – захватывающую страшилку, основанную на татарском фольклоре, – служит журналистом в московском «Коммерсанте». Ильмира Степанова, «взявшая» четвертое место с вещью под названием «Башо» о провалившейся в прошлое девочке, неожиданно ставшей собственной бабушкой, тоже сотрудничает с газетами и журналами. Анна Игнатова, автор повести «Верю – не верю» о мире, где не ведают понятий правды и лжи, учительствует.

Только Эдуард Веркин, пятый лауреат (кстати, второе место досталось Наталье Евдокимовой из Петербурга, возможно, название на злобу дня «Конец света» помогло), по образованию историк, добившись достаточного уровня популярности, теперь живет исключительно писательским трудом. Его новый хит «Облачный полк» – воспоминание дедушки о своем детстве в суровом 1942 году – добавил автору популярности.

Анна ИГНАТОВА

ТРИ ДЕДА МОРОЗА

Виктор Кичигин, Евгений Орлов, Владимир Нестеров – актеры театров: драматического, кукольного, юного зрителя. Всем им довелось в разные времена, но в одни и те же дни – новогодние – перевоплощаться в одного любимого всеми героя. Деда Мороза.

Дед Мороз – Виктор КИЧИГИН

«ГЛАВНЫЙ ВО ДВОРЦЕ»

Главным Дедом Морозом Свердловска в 50–60-е годы прошлого 100-летия называли артиста театра драмы Виктора Николаевича Кичигина. Называли потому, что он со своей «свитой» вел праздники у самой известной и популярной в городе елки – во Дворце пионеров и школьников. Попастъ на эту елку было непросто, билеты выдавались как награда школьникам – отличникам и хорошистам, победителям и призерам олимпиад, тимуровцам... И действие во Дворце действительно было праздником. Елка живая, только

что из леса. Каждый год – новое представление с новыми «приключениями». Дед Мороз вместе с ребятами покорял препятствия, блуждал в лабиринтах, помогал разгадывать загадки, искал свою внучку Снегурочку. А встретив ее, пускался в пляс в общем хороводе...

Актер Виктор Кичигин просто и органично жил в этом образе, не одно десятилетие радуя детей и взрослых.

...Шли годы. Наступило время, когда заслуженный артист РФ Кичигин уже не выступал в роли Мороза, но любил вспоминать

елку во Дворце пионеров. Он рассказывал: «...Иду как-то по улице, а навстречу мне две женщины, и одна вдруг: «Ой, здравствуй, Дедушка Мороз!» Потом говорит: «Вы мне детство мое напомнили!» И ей радость, и мне приятно, что я нужен был, что меня знают, помнят...»

«ЛУЧШИЙ В ГОРОДЕ»

Звание «лучшего Деда Мороза» завоевал в свое время актер Екатеринбургского театра кукол Евгений Орлов в соревновании, которое проходило у елки на Уралмаше, на площади Первой Пятилетки. Участников — около полусотни. Задания были сложными, требовалось проявить выдумку, находчивость, остроумие. Орлов справился на «отлично». Потом, когда его спрашивали, как удалось победить, актер рассказывал, что Морозом выступает уже более десятка лет в своем театре, много репетировал, чтобы вжиться в роль Деда. А на вопрос журналиста: «Дед Мороз для вас — это ежегодный приработок или нечто большее?» ответил:

— Это не приработок, а светлая ностальгия по детству, по прошлому. Почти полжизни я Дед Мороз.

Когда Евгений Орлов в этом новогоднем образе появлялся в театральном фойе у елки, дети встречали его счастливыми улыбками, радостными возгласами. И ясно было, что даже современные ребята, которые на «ты» с компьютером, хотят верить в волшебство. И артист знал, что эту сказку должен подарить им он. Наверно, поэтому всегда выходил с хорошим настроением, помня, что ребенка не обманешь, всегда выкладывался, как на большом спектакле.

САМЫЙ «ОТВЕТСТВЕННЫЙ»

Вот уже многие годы главная елка области — та, на которую детей приглашает губернатор. И всегда Дед Мороз на ней — народный артист РФ, актер Екатеринбургского театра юного зрителя Владимир Нестеров.

— Я никогда не «морозил» где-то в школе или в детском саду, даже в начале актерского пути, — рассказал он. — Мой Мороз мог появиться только в театре.

Уже лет десять наша команда во главе с режиссером-постановщиком, чаще всего и сценаристом, моим коллегой, заслуженным артистом РФ Владимиром Иванским ведет новогодние праздники для детей в резиденции губернатора Свердловской области. Первые елки — для ребятшек из детских домов, многодетных семей. Сначала развлечения у елки, подарки от губернатора, а потом — сказка на сцене. Для детей играть вообще большая ответственность, они очень чутко чувствуют фальшь, с ними надо быть очень искренним и достоверным, нужно суметь увлечь их в мир чудес, в мир игры. Об этом каждый раз думаю, выходя на «новогоднюю поляну».

Дед Мороз —
Евгений ОРЛОВ

А когда игры заканчиваются и гаснут елочные огни, всегда наблюдаю за уходящими ребятами, по их лицам вижу, получился ли праздник. Радуюсь, что, как правило, получается.

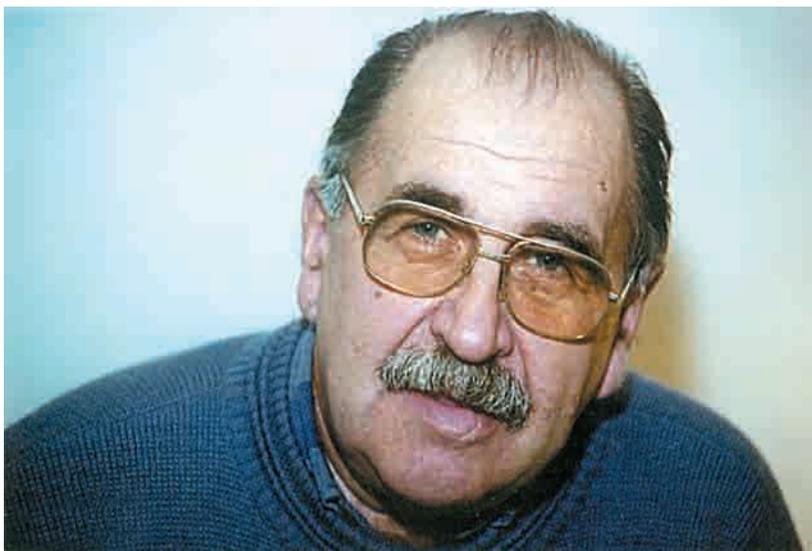
Но однажды у моего Деда Мороза случился конфуз. Подходит ко мне мальчуган и говорит: «Дедушка Мороз, я ведь тебя просил подарить мне коньки. Где же они?» Я растерялся, не сразу справился с волнением. Что-то стал ему объяснять, оправдываться... Уже потом дома клял себя за то, что не спросил у парнишки, откуда он, как ему переслать подарок.

С того случая прошел не один год, а я все переживаю: оплошал, ведь мальчик-то верил, что Дед Мороз — волшебник, любое желание исполнит. Сейчас мой Дед стал опытным, врасплох его не застать, готов к любой детской просьбе. Как буду выполнять? Это секрет!

Дед Мороз —
Владимир НЕСТЕРОВ,
Снегурочка —
Алеся МААС

Мастер эпохи дофотошопа

8 декабря коллеги-газетчики отметили 75-летие со дня рождения художника Леонида ЧЕРНЫХ, много лет проработавшего заведующим отделом иллюстраций газеты «Уральский рабочий».

Непревзойденный в жанре газетной графики мастер Л. Черных, ушедший от нас в конце прошлого века, почти четыре десятилетия проработал в главной в то время газете Свердловской области, читаемой тогда от первой заметки до последней, с огромным тиражом. Почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации» увенчало заслуги Леонида Федоровича уже посмертно.

Хотя сам он, будучи человеком, презиравшим карьеризм и корысть, не жаждал официальных наград и почестей. Мало кто знал, что в 1982 году ему вручили Почетную грамоту Президиума Верховного Совета РСФСР, никто не видел на лацкане его пиджака одну из высоких наград Советского Союза — орден Трудового Красного Знамени. Самой большой наградой он считал признание чи-

Карикатуры
Леонида Черных

тателей — их восторженные отклики на очередную публикацию: карикатуру, изошутку, плакат, рисунок.

Почерк Л. Черных знали все. Благодаря ему постоянно улучшалось графическое лицо «Уральского рабочего», региональная газета по уровню оформления опережала многие центральные, а некоторые элементы заимствовались другими изданиями.

Удивительно он «выправлял» фотоснимки (ретушировал их с помощью кисточки, туши и гуаши — фотошопа тогда не было и в помине), порой их авторы после вмешательства Черных ахали от восхищения. Пожалуй, не было в Свердловской области фотожурналистов, не общавшихся с Леонидом Федоровичем, они приходили к нему за советом и оценкой.

К нему шли редакторы многотиражек, районных газет: «Леонид Федорович, обновим нам «шапку», предложи новую графическую модель». И он помогал всем, даже не спрашивая, будет ли новый газетный заголовок оплачен авторским гонораром.

Он много ездил по Среднему Уралу, по стройкам, заводам, шахтам, полям, возвра-

щаясь в редакцию с ворохом «живых» рисунков. Художник с большой буквы, он горел делом; заканчивая одно, думал о другом, и так изо дня в день...

Сколько же рисунков выдал Черных за свою творческую карьеру? Тысячи всяких — от плакатов и карикатур до шрифтовых «шапок» и рубрик, шаржей, всякого рода изошуток, «фитюлек», столь же, однако, ответственных, необходимых газете и одновременно художественно неповторимых.

И все срочно, все в номер — газета иного не знает. Здесь не раскачиваются, не опаздывают. И газетный художник — вроде моменталиста: в заданное на газетной полосе место,

в отмеренные графиком сдачи в типографию минуты должен «родить» маленький шедевр — и не иначе, без права на ожидание вдохновения, без права на ошибку. Так творить могут единицы, но именно так работал Леонид Черных.

Он пришел в редакцию художником-журналистом, к корифею «Уральского рабочего», знаменитому ГенВасу — Г. Ляхину и «встал рядом к станку», плечом к плечу — за соседний стол. Сначала был учеником Геннадия Васильевича, потом — его правой рукой, потом — принял эстафету, пронесенную с честью, с блеском, с удовольствием. С легкой душой, всегда с улыбкой, с юморком работал Леонид Федорович. Всегда в облаке веселых побасенок, реплик, розыгрышей, он сносил кучу добродушных прозвищ, не оставаясь в долгу. Другим его вряд ли кто-то видел в славной газетной «коммуналке» трех редакций и в старом Доме печати — «слоеном пироге» на Ленина, 49, и в новом — на Тургенева, 13.

15 лет назад, к 60-летию Леонида Федоровича, в поздравительном адресе его коллеги писали: «В каждом коллективе есть человек, которого любят все. В редакции «Уральского рабочего» — это художник Леонид Федорович Черных. Мы любим его за доброту, за умение философски относиться к жизненным передрягам, ну и, конечно, за талант.

У журналистов есть такое выражение «гвоздь номера». «Гвоздь» — это материал, на который обратят внимание все. Сколько «гвоздей» забил за 30 с лишним лет работы в «Уральском рабочем» Леонид Федорович — сосчитать невозможно. Но главное для любого газетчика — это мнение читателей. Стоит только появиться на первой полосе рисунку Черных, как на редакцию обрушивается шквал звонков: «Спасибо художнику!» И наоборот, если нет его рисунков несколько дней, начинается беспокойство: «Что случилось с Черных?»

По количеству читательских звонков «на журналистскую душу населения» Леонид Федорович много лет прочно удерживает первое место. А после этих звонков появляются новые карикатуры, как говорится, не в бровь, а в глаз».

Леонид ЧЕРНЫХ
(на втором плане)
со своими учителями —
газетными художниками
Василием ФОМИЧЕВЫМ
и Геннадием ЛЯХИНЫМ
(творческий дуэт В. Фогель:
«В. Фо...» — В. Фомичев,
«...гель» — Геннадий Ляхин)

Стихотворное поздравление, написанное к 60-летию Леонида Черных газетчиком-сатириком Рудольфом Шипулиным в декабре 1997 года:

— Чей юбилей отмечается нынче? —
Строго спросил Леонардо да Винчи.
— Круглая дата у Лени Черных, —
Вымолвил Гойя и скромно затих.
— Это художник высокого класса! —
Буркнул завистливо Пабло Пикассо.
— Дан ему свыше недюжинный дар! —
Скучно добавил Огюст Ренуар.
А Кукрыниксы в тоске и печали
Локти себе от досады кусали.
И от обиды рыдали в платок
Двое голландцев — Ван Дейк и Ван Гог.
А Рафаэль, не теряя минутки,
Начал осваивать жанр изошутки.
Гордо держался лишь Репин Илья:
— Что ни толкуйте, а школа моя!
...Нам остается, взирая на лица,
С мненьем великих людей согласиться
И пожелать, как нам сердце велит:
— Сил и здоровья тебе, Леонид!
— Новых рисунков до миллиарда!
— Ты ведь и вправду для нас Леонардо.

Акцент не мешает...

15 июля 2012 года исполнилось 290 лет со дня выхода в свет первой татарской печатной книги. Это набранное арабскими литеррами татарское издание появилось в 1722 году и связано с персидским походом Петра I, войско которого состояло из 106 тысяч человек.

Разные источники называют от 30 до 50 тысяч татар в их числе. Собираясь в персидский поход, Петр I заранее предусмотрел прокламации на языках местного населения. По прибытии в Астрахань 15 июля 1722 года был напечатан «Манифест» тиражом в тысячу экземпляров на татарском языке. С этого издания начинается, как утверждал академик АН РТ Абрар Каримуллин, история татарской печатной книги в России. В честь знаменательной даты редакция татарской областной газеты «Саф чишма» («Святой источник») выпустила одноименный литературный сборник, в котором представила своих авторов, прошли Дни татарской литературы в Свердловской области. Инициатором этих мероприятий стало Екатеринбургское общество татарской и башкирской культуры имени Мажита Гафури, ассоциированный член Конгресса татар («Татары Урала») Свердловской области. Доцент Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, кандидат филологических наук Рафаиль ИСХАКОВ записал и перевел на русский язык рассказ председателя общества, заслуженного работника культуры Республики Татарстан Суфхата НАДЫРОВА об основных направлениях деятельности общества.

Суфхат НАДЫРОВ

— Круглая дата начала татарского книгоиздания стала значимой в жизни нашего общества. Нами накоплен опыт проведения подобных мероприятий — например, Гафурийские чтения в Объединенном музее писателей Урала в 2010 году и празднование в 2006 году 100-летия поэта, Героя Советского Союза, лауреата Ленинской премии Мусы Джалиля в Уральском государственном университете.

От первых собраний татарской общественности берут начало как действовавшие в недавнем прошлом общество «Урал» (председатель Ф. Шангареев), благотворительный фонд (Л. Таналин), Свердловский областной центр татарской и башкирской культуры (Т. Султанов, Р. Исхаков), так и нынешние Курултай башкир Свердловской области (Ф. Юсупова), центр культуры «Мирас» (Э. Сафиуллина), национально-культурная автономия татар Свердловской области (М. Шарафулин), национально-культурная автономия башкир Свердловской области (Н. Тюменцева).

Наше общество имеет культурно-просветительскую направленность, и поэтому уже давно мы подружились с Уральским государственным университетом. Помогают нам профессор Елена Созина, литературный критик кандидат философских наук Валентин Лукьянин. Мы научились произносить

без акцента имена литературоведов Леонида Быкова, Евгения Зашихина, Владимира Олешко. С профессором Юрием Казариным подготовили к печати и выпустили сборник стихотворений Мусы Джалиля. Он состоит из трех книг, и в каждой из них представлены стихи поэта на татарском, русском и английском языках.

В 80-х годах прошлого века в Свердловской области проживало 179 тысяч татар и 30 тысяч башкир. Требовалось имя, вокруг которого можно было бы объединить интересы разных людей. Свой выбор остановили на Мажите Гафури. Его не зря называют «поэтом двух народов». Народный поэт Башкирии писал на татарском языке. Его считают своим и казахи, и каракалпаки, и многие тюркские народы, которым понятна поэтическая метафора Гафури. Имя его одинаково близко и татарам, и башкирам. Именем Мажита Гафури мы и назвали свое общество башкирской и татарской культуры.

Программу общества мы определили как научно-просветительскую не случайно. В результате классово-партийного подхода советского периода сложился образ татар как страшного и дикого племени, угнетавшего не только русских, но и чуть ли не полмира. О какой-либо татарской цивилизации не шло и речи. С середины 1980-х годов члены нашего общества обстоятельно доказывают, что это не так. Подготовленная нами «Татарская энциклопедия Урала» включает несколько разделов: «Книга памяти», «Черный тюльпан», «Жертвы политических репрессий», «Профессора вузов Свердловской области», «Металлурги Урала», «Спортсмены Урала» и т. п.

Научно-просветительское направление как нельзя лучше способствовало слому стереотипов советского периода. К примеру, ЦК ВКП(б) своим постановлением «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» от 1944 года запретил изучение истории Золотой Орды (Улуса Джучи), Казанского ханства, исключив таким образом татарский период из истории российской государственности. Татарский исторический героико-эпический дастан «Идегей» был провозглашен «вредным», «ханско-феодальным» эпосом. Дастан повествует о сложном и противоречивом периоде распада Золотой Орды. В нем воспеваются величие, мужество и справедливость Идегея — правителя, чья дальновидная политика и дипломатия сохраняли относительный мир в государстве на протяжении четверти века. Главная идея «Идегея» в том, что междоусобица, борьба за власть ведут к гибели страны и всеобщим страданиям.

...За многие годы сложился толерантный стиль работы нашего общества. Три десятилетия — не только время подведения итогов, но и новый шаг на пути в будущее.